МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В.ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РЕПЕТИТИВЫ В КОНСТРУКЦИЯХ С ДАТИВНЫМИ АРГУМЕНТАМИ

Дипломная работа студентки II курса магистратуры
Отделения теоретической и прикладной лингвистики
Бондаренко Татьяны Игоревны

Научный руководитель:
д.ф.н. С.Г. Татевосов

Москва
2017 г

Благодарности

В первую очередь хочется поблагодарить моего научного руководителя Сергея Георгиевича Татевосова за пять лет чуткого руководства моими исследованиями: за то, что научил меня, как работать с языковым материалом, как находить интересные лингвистические загадки, как выстраивать научную аргументацию, как оформлять свои идеи в связный текст, а главное – за бесконечное терпение, духоподъёмные беседы и поддержку на всех этапах моей лингвистической деятельности.

Во-вторых, хочется поблагодарить всех остальных членов кафедры отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ за полученные мною знания и тот широкий лингвистический кругозор, который наша кафедра обеспечивает своим студентам. Отдельно хочется поблагодарить Екатерину Анатольевну Лютикову и Павла Валерьевича Гращенкова за то, что заинтересовали меня в синтаксических теориях, обучили формальному синтаксическому аппарату, а также за готовность обсуждать со мной любые теоретические и эмпирические вопросы, которые у меня возникали.

Также хочется сказать спасибо Ксюше Семёновой и Лене Деликановой, благодаря которым на кафедре всегда царит порядок и уют, и даже самые неразрешимые проблемы чудесным образом находят своё решение.

В-третьих, хотелось бы выразить благодарность преподавателям летней лингвистической школы NYI (the NY-St. Petersburg Institute of Linguistics, Cognition and Culture – совместная программа СПБГУ и университета Стони Брук) за полученные мною обширные знания в области формальных синтаксиса и семантики, без которых написание данной работы было бы затруднительно. John Bailyn, Rajesh Bhatt, Jonathan Bobaljik, Sabine Iatridou, Roumyana Pancheva, Maria Polinsky, Philippe Schlenker, Susi Wurmbrand, большое спасибо!

Также хотелось бы поблагодарить Artemis Alexiadou, Elena Anagnostopoulou и Florian Schäfer за крайне продуктивные обсуждения конструкций с дативными аргументами и вопросов взаимосвязи аргументной и событийной структур в ноябре 2014 года.

В-четвёртых, хотелось бы выразить большую благодарность моим информантам за их терпение, вдумчивость, неравнодушное отношение к моим вопросам и готовность потратить значительное количество времени на предоставление мне суждений о языковом материале. Отдельно хочется поблагодарить Елене Кадагишвили, Ану Колхидашвили, Мариам Матиашвили, Ирму Миминошвили и Маку Тетрадзе за многочисленные часы работы с грузинским языком. Большое спасибо Martin Bandur, Hagen Blix, Jonathan Bobaljik и Verena Hehl за предоставленные ими суждения о предложениях английского и

немецкого языка, за отзывчивость и проницательность. Огромное спасибо многочисленным носителям русского языка, к которым я обращалась за помощью.

В-пятых, хочется поблагодарить моих однокурсников и друзей за различную помощь и моральную поддержку в течение моего обучения и написания данной дипломной работы. Отдельное спасибо Лёше Козлову и Антону Кухто за многочисленные лингвистические дискуссии, двенадцать совместно пережитых экзаменационных сессий и атмосферу увлечённости наукой, которая существовала у нас на курсе. Большое спасибо Colin Davis за предоставленные суждения о предложениях английского языка и за его чувство юмора, проявления которого оказывали большую поддержку при написании этой работы. Я также безмерно благодарная моим самым ближайшим друзьям – Андрею Завгороднему, Наде Вороновой и Мите Привознову, важность присутствия которых в моей как лингвистической, так и внелингвистической жизни сложно переоценить.

Наконец, хочется поблагодарить мою семью – маму, папу и Аню – за постоянную заботу, поддержку и понимание.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 5

I. РЕПЕТИТИВЫ ВНЕ КОНСТРУКЦИЙ С ДАТИВНЫМИ АРГУМЕНТАМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ 14

1.1. Возможные интерпретации репетитивных морфем 15
1.2. Семантический подход к неоднозначности репетитивных морфем 20
1.3. Синтаксический подход к неоднозначности репетитивных морфем 30
1.4. Реститутивные прочтения: малые клаузы и принцип R 36
1.5. Типология репетитивов 50
1.5.1. Реститутивные прочтения и Параметр Видимости 50
1.5.2. Предглагольные репетитивы: структурный анализ многозначности 56
1.5.3. Однозначно реститутивные репетитивные наречия 89
1.6. Выводы 99

II. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОНСТРУКЦИЯМ С ДАТИВНЫМИ АРГУМЕНТАМИ 100

2.1. Дативное дополнение как аргумент глагола 102
2.2. Дативное дополнение как аппликативный аргумент 104
2.3. Дативное дополнение как аргумент малой клаузы 106
2.4. Дативное дополнение как предложная группа с инкорпорированной вершиной P 110
2.5. Дативные аргументы за пределами дитранзитивных конструкций 111
2.6. Ожидаемые интерпретации репетитивов при разных анализах конструкций с дативными аргументами 115

III. ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕПЕТИТИВОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ДАТИВНЫМИ АРГУМЕНТАМИ 119

3.1. Репетитивы в клаузах с дитранзитивными глаголами 119
3.1.1. Межъязыковое варьирование: английский, немецкий – vs – грузинский, русский 119
3.1.2. Синтаксическая природа различных интерпретаций репетитивов в дитранзитивных конструкциях 123
3.1.3. Различия между дативами и PP: русский 136
3.1.4. Фокус с контрастивным фокусом: грузинский 141
3.2. Репетитивы в клаузах с несубкатегоризованными бенефактивными дативными аргументами 154

3.3. Репетитивы в клаузах с каузируемыми дативными аргументами 160
3.4. Репетитивы в клаузах с локативными аргументами 165

IV АНАЛИЗ РЕПЕТИТИВОВ В КОНСТРУКЦИЯХ С ДАТИВНЫМИ АРГУМЕНТАМИ 174

4.1. Основная гипотеза и необходимые допущения 174
4.2. Репетитивы в дитранзитивных конструкциях 178
4.3. Репетитивы в других конструкциях с дативными аргументами 194
4.4. Предсказания, последствия и проблемы предлагаемого анализа и сравнение его с альтернативными анализами 213

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 224

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 226

ЛИТЕРАТУРА 228

Введение

Данная магистерская дипломная работа посвящена причинам (не)возможности различных интерпретаций репетитивов в конструкциях с дативными аргументами. Репетитивы – это морфемы, в значение которых входит пресуппозиция о существовании события, идентичного данному и предшествующего данному во времени. Так, например, в примере (1) русское репетитивное наречие *опять* вводит пресуппозицию, согласно которой существует событие, состоящее в чтении Андреем «Орестеи» Эсхила, которое предшествует во времени данному событию чтения Андреем «Орестеи» Эсхила.

(1) *Андрей **опять** читает «Орестею» Эсхила.*

Под конструкциями с дативными аргументами мы будем понимать широкий ряд структур с косвенными дополнениями. Среди рассматриваемых нами конструкций будут клаузы с такими дополнениями как субкатегоризованные косвенные дополнения дитранзитивных глаголов (2), несубкатегоризованные косвенные дополнения (3), каузируемые участники в дательном падеже (4), дативные аргументы в конструкциях с глаголами изменения расположения объекта (5) и некоторые другие.

(2) *Andrew gave **his friend** "Oresteia" by Aeschylus.*
'Эндрю отдал своему другу «Орестею» Эсхила.'

(3) *Andreas hat **seiner** **Freundin** "Die Orestie"*
Андреас иметь.PRS.3SG его.3F.DAT подруга.DAT def.F.3SG.NOM Орестея.NOM
von Aischylos vorgelesen.
от Эсхил.DAT читать.вслух.PART
'Андреас прочитал своей подруге «Орестею» Эсхила.'

(4) *andro-m **tavi-s** **gogo-s** eskiles oresṭea*
Андро-ERG свой-DAT девушка-DAT Эсхил.GEN Орестея.NOM
ça-a-ḳitx-v-in-a.
PVB-pv-читать-TS-CAUS-AOR.3SG
'Андро заставил свою подругу прочитать «Орестею» Эсхила.'

(5) *Андрей положил «Орестею» Эсхила **Маше** на стол.*

Интерпретации репетитивных морфем в конструкциях с дативными аргументами – **объект** данного исследования.

Отправной точкой данного исследования послужило следующее наблюдение: набор возможных интерпретаций репетитивов в дитранзитивных конструкциях с субкатегоризованными косвенными дополнениями неодинаков для разных языков. Существуют языки (английский (6), немецкий (7)), в которых репетитивы в дитранзитивных клаузах могут иметь как минимум две интерпретации. Так, например, с предикатом ‘отдать’ (англ. *give*, нем. *geben*) при первой, репетитивной интерпретации (далее REP от ‘repetitive’) событие, которое повторяется – передача объекта, выраженного прямым дополнением, участнику, выраженному косвенным дополнением, участником, выраженным подлежащной именной группой (передача карты Сатоши Тило в (6), передача книги девочке Гансом в (7)). При этом же предикате при второй, реститутивной интерпретации (далее RES от ‘restitutive’) повторяется событие, которое состоит в состоянии обладания участником, выраженным косвенным дополнением, объекта, выраженного прямым дополнением (состояние «У Сатоши есть карта» в (6), состояние «У девочки есть книга» в (7)).

(6) *Thilo gave Satoshi the map again.*

a. ‘Тило отдал Сатоши карту, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Тило отдал Сатоши карту, и у Сатоши была карта до этого.’ *RES*

(Beck & Johnson 2004: 113)

(7)	*…dass*	*Hans*	*dem*	*Mädchen*	*ein*	*Buch*	*wieder*	*gab.*
	…что	Ганс	DEF.n.DAT	девочка	INDEF.n.ACC	книга	опять	отдал

a. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и у девочки была книга до этого.’ *RES*

В других языках (русский (8), грузинский (9)) репетитивы в дитранзитивных клаузах не могут иметь реститутивной интерпретации, возможность которой мы наблюдали в (6) и (7). Так, например, при предикате ‘отдать’ (русс. *отдать*, груз. *micema*) в этих языках повторяющимся событием, входящим в вводимую репетитивной морфемой пресуппозицию, не может быть состояние обладания участником, выраженным косвенным дополнением, объекта, выраженного прямым дополнением (в (8) и (9) отсутствуют прочтения, согласно которым опять произошло «У Васи есть книга» и «У Шоты есть книга»).

(8) *Маша опять отдала Васе книгу.*

a. ‘Маша отдала Васе книгу, и это происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Маша отдала Васе книгу, и у Васи была книга до этого.’ **RES*

(9)	*dγes*	*Levan-ma*	*šota-s*	*ɕigni*	*isev*	*misca*
	сегодня	Леван-ERG	Шота-DAT	книга.NOM	опять	3SG.отдать.AOR.3SG

a. ‘Сегодня Леван отдал Шоте книгу, и это происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Сегодня Леван отдал Шоте книгу, и у Шоты была книга до этого.’ **RES*

Наблюдаемая кросс-лингвистическая вариативность в возможности иметь реституативное прочтение репетитивов в дитранзитивных конструкциях позволяет задать множество вопросов, связанных как с синтактико-семантическими свойствами репетитивов в естественных языках, так и с аргументной и событийной структурами конструкций с дативными аргументами. Перечислим некоторые из интересующих нас вопросов.

Во-первых, отражает ли наблюдаемый контраст между английским (6) и немецким (7) с одной стороны и русским (8) и грузинским (9) с другой стороны различия в синтаксической структуре дитранзитивов в этих языках? Если да, то каковы эти различия? Связаны ли они с невозможностью построить некоторую синтаксическую структуру или с невозможностью проинтерпретировать построенную синтаксическую структуру? Если нет, то каков источник межъязыковой вариативности? Играют ли роль семантические и синтаксические свойства репетитивных морфем в (не)возможности реституативных прочтений? Если играют, каковы эти свойства и каким образом они обуславливают доступность различных интерпретаций? Различается ли событийная структура дитранзитивных предикатов в рассматриваемых нами языках? Отличны ли принципы отображения событийной структуры в синтаксическую репрезентацию?

Во-вторых, интересным представляется вопрос о том, каков набор возможных интерпретаций репетитивов в других конструкциях с дативными аргументами. Возможны ли реституативные прочтения в конструкциях с несубкатегоризованными косвенными дополнениями (3), с каузируемыми участниками в дательном падеже (4), с дативными аргументами при глаголах изменения расположения объекта (5)? Различаются ли языки по возможности реституативных прочтений репетитивов в данных синтаксических структурах? Если да, то что является источником этих различий – свойства языка и / или репетитивных морфем в данном языке или свойства некоторой синтаксической конфигурации? Иными словами, каковы необходимые и достаточные условия для

возникновения реститутивной интерпретации репетитива в структуре с дативным аргументом? Всегда ли участник, выраженный дативным аргументом, является частью события, которое входит в пресуппозицию репетитивной морфемы? Если нет, то при каких условиях дативный аргумент входит в сферу действия репетитива, а при каких – нет?

Наконец, можно отметить круг более общих теоретических проблем устройства синтактико-семантического интерфейса, неразрывно связанных с вышеприведенными вопросами. Как устроено отображение подсобытий предиката в синтаксическую репрезентацию? Проекции каких функциональных и лексических вершин могут вводить некоторое подсобытие в структуру и делать его видимым для синтаксических процессов? Каким образом аргументы предикатов могут отображаться в синтаксис? Как интерпретация косвенных дополнений зависит от способа их введения в синтаксическую репрезентацию? Как устроено соотнесение аргументов предиката и его подсобытий? Как это соотнесение связано с отображением аргументов и подсобытий в синтаксическую структуру? Имеет ли место лексическая декомпозиция в синтаксисе ((Fodor & Lepore 2000), (Jäger & Blutner 2000), (Pulman 2005), (Pustejovsky 2006), (Harley 2012), (Wunderlich 2012) среди прочих), и, если имеет, насколько универсален её характер? Вышеперечисленная проблематика составляет **предмет** данного исследования.

Цель исследования – выявить набор возможных интерпретаций репетитивов в различных конструкциях с дативными аргументами и предложить объяснение как межъязыковой, так и внутриязыковой вариативности в возможности иметь реститутивное прочтение в рассматриваемых структурах с косвенными дополнениями.

В соответствии с поставленной целью можно выделить следующие **задачи**:

1. Установить свойства репетитивных морфем вне конструкций с дативными аргументами: выявить, какие подсобытия предикатов репетитивы (не) могут модифицировать, каким образом набор возможных интерпретаций зависит от порядка слов и как различные теории неоднозначности репетитивов способны объяснить наблюдаемые различия между синтактико-семантическим поведением репетитивов в разных языках.
2. Рассмотреть различные теории введения в синтаксическую репрезентацию дативных аргументов и определить, какие предсказания эти теории делают относительно перечня ожидаемых интерпретаций репетитивных морфем в данных структурах.
3. Установить набор возможных интерпретаций репетитивов в ряде конструкций: в клаузах с дитранзитивными глаголами, в клаузах с несубкатегоризованными

бенефактивными дативными аргументами, в клаузах с каузируемыми дативными аргументами и в клаузах с локативными аргументами.

4. Определить факторы, которые влияют на возможность реститутивных прочтений в конструкциях с дативными аргументами в конкретных языках, и установить, какие более общие принципы стоят за наблюдаемым межъязыковым варьированием в перечне возможных интерпретаций репетитивов в рассматриваемых структурах.
5. Разработать и предложить анализ, объясняющий (не)возможность различных интерпретаций репетитивов в дитранзитивных конструкциях и других структурах с дативными аргументами в разных языках.
6. Выявить проблемы, последствия и предсказания, которые возникают в связи с предложенным анализом, и сравнить его с альтернативными объяснениями наблюдаемых явлений.

Языковым материалом для настоящего исследования послужили данные русского, грузинского, английского и немецкого языков. Основное внимание в данной работе будет сосредоточено на данных русского и грузинского, которые были собраны в ходе работы с носителями данных языков. Материал русского языка был собран в ходе опросов о (не)грамматичности предложений с информантами, проживающими в г. Москва. Материал грузинского языка был собран аналогичным образом в ходе работы с носителями в г. Тбилиси в феврале 2017 года. Источником данных английского и немецкого преимущественно послужила литература по репетитивам и конструкциям с дативными аргументами в данных языках ((von Stechow 1995), (von Stechow 1996), (Beck & Johnson 2004), (Beck 2005), (Larson 1988), (Bruening 2010b), (McIntyre 2006), (McIntyre 2011), среди прочих), однако некоторая часть материала была дополнительно собрана с носителями английского и немецкого языков.

Методом данного исследования послужило обращение к положительному (грамматичному) и отрицательному (неграмматичному) материалу рассматриваемых языков.

Теоретическую базу данного исследования составляют концептуальные положения минималистской программы (Chomsky 1995) генеративной грамматики и модельно-теоретической семантики ((Montague 1970), (Heim & Kratzer 1998), (Partee 2010)).

Актуальность настоящей работы обусловлена возрастающим интересом лингвистов в последнее время как к событийной структуре предикатов, в особенности к типологии репетитивных морфем ((Beck & Johnson 2004), (Beck 2005), (Alexiadou et al. 2014), (Lechner et al. 2015), (Pedersen 2015), (Tatevosov 2016)) и синтактико-семантическим свойствам результирующих состояний предикатов ((Kratzer 2000), (Embick 2004),

(Kennedy & McNally 2005), (Wechsler 2005), (Ramchand 2008), (Rappaport Hovav 2008), (Goldschmidt & Zwarts 2016)), так и к аргументной структуре глаголов с косвенными дополнениями ((Pylkkänen 2008), (Schäfer 2008), (Bruening 2010b), (Lomashvili 2010), (McIntyre 2011), (Пшехотская 2012), (Harley & Jung 2015), (Harley & Miyagawa 2016), (Boneh & Nash, to appear)). Настоящее исследование интересно тем, что оно находится на стыке данных развивающихся направлений: мы постараемся посмотреть на взаимодействие событийной и аргументной структуры предикатов с косвенными дополнениями, применив некоторые наработки теорий, предлагающих объяснение возможным интерпретациям репетитивных морфем и их способности модифицировать результирующие состояния предикатов, к анализу событийно-аргументной структуры различных конструкций с дативными аргументами.

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что ранее никем не проводилось сравнение возможных интерпретаций репетитивных морфем в конструкциях с дативными аргументами в разных языках. Малочисленные работы по схожей тематике содержат только обсуждение интерпретаций английских репетитивов в дитранзитивных клаузах ((Beck & Johnson 2004), (Marantz 2007), (Bruening 2010b), (McIntyre 2011)) и совместимость наблюдаемых интерпретаций с различными подходами к синтаксису конструкции с двумя дополнениями в английском языке. Насколько нам известно, ранее никем не был замечен контраст между языками, которые позволяют реститутивную интерпретацию репетитивных морфем в дитранзитивных конструкциях ((6)-(7)), и языками, которые не имеют данной интерпретации репетитивов в дитранзитивных клаузах ((8)-(9)). Соответственно, не предпринимались попытки объяснить данное межъязыковое варьирование и выяснить, связанно ли оно с различиями в синтаксических структурах дитранзитивов в разных языках. Более того, данное исследование не ограничивается рассмотрением возможных интерпретаций репетитивов в дитранзитивных контекстах. Мы впервые предпримем попытку объяснить возможные интерпретации репетитивных морфем в конструкциях с несубкатегоризованными бенефактивными дативными аргументами, с каузируемыми дативными аргументами и с локативными аргументами.

Апробация работы. Основные положения данной квалификационной работы были представлены и обсуждены в ходе следующих докладов: «Конструкции с двумя дополнениями опять: грузинский и русский – vs – английский» (6-я конференция серии «Типология морфосинтаксических параметров», МПГУ и Институт языкознания РАН, октябрь 2016), «Russian Datives Again: on the (im)possibility of the small clause analysis» (12th European Conference on Formal Description of Slavic Languages, Берлинский

университет имени Гумбольдта, декабрь 2016), «Russian applicatives and the lexical decomposition» (Formal Approaches to Russian Linguistics 2017, МГУ имени М.В. Ломоносова и МГГУ имени М.А. Шолохова, март 2017).

Представленный в данной работе анализ также нашел отражение в следующих публикациях:

- Constructions with Two Objects Again: Georgian and Russian — vs — English. Типология морфосинтаксических параметров. Вып.3. (ТМП 2016). / ред. М.Б. Коношенко, Е.А. Лютикова, А.В. Циммерлинг. Москва, 2016. С. 28 – 55.
- (to appear) Russian Datives Again: on the (im)possibility of the small clause analysis. Proceedings of the 12th European Conference on Formal Description of Slavic Languages, Humboldt-Universität zu Berlin.

По **структуре** данная работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка используемых обозначений и библиографии.

В главе I содержится обсуждение теоретических подходов к многозначности репетитивных морфем вне конструкций с дативными аргументами и рассмотрение типологического разнообразия репетитивов и их синтактико-семантических свойств в различных языках. В разделе 1.1. мы представим набор наблюдаемых значений репетитивов при предикатах изменения состояния и обсудим реальность этих прочтений. В разделе 1.2. мы представим семантический подход к многозначности репетитивов и обсудим проблемы, с которыми он сталкивается. В разделе 1.3. мы обсудим синтаксический подход к неоднозначности репетитивных морфем, и продемонстрируем его сильные стороны. Именно синтаксический подход будет принят в качестве отправной точки данного исследования. В разделе 1.4. мы обсудим механизмы возникновения реститутивных прочтений репетитивов, связь наличия реститутивных прочтений с синтаксической структурой и обсудим обоснованность принципа семантической интерпретации R, предложенного в (Stechow 1995) и принимаемого во многих работах ((Beck & Snyder 2001), (Snyder 2001), (Beck & Johnson 2004), (Beck 2005) среди прочих). Раздел 1.5. посвящён обсуждению репетитивов в типологическом освещении. В разделе 1.5.1. мы рассмотрим способность репетитивных морфем различных языков «видеть» лексическую декомпозицию предикатов в синтаксисе. В разделе 1.5.2. мы приведём аргументы в пользу структурного анализа многозначности репетитивных наречий в тех языках, где они возникают в предглагольной позиции (китайский, русский, грузинский). В разделе 1.5.3. мы рассмотрим синтактико-семантические характеристики таких репетитивов, которые способны иметь только реститутивные прочтения, и обсудим возможные анализы данных морфем. Раздел 1.6. подводит итоги данной главы.

Глава II посвящена рассмотрению теоретических подходов к конструкциям с дативными аргументами. Мы кратко представим основные конкурирующие гипотезы о том, как в синтаксическую репрезентацию могут вводиться дополнительные участники события: гипотезу о том, что дативные дополнения – аргументы глагола (раздел 2.1.), гипотезу о дативных дополнениях как аппликативных аргументах (раздел 2.2.), гипотезу о дативных дополнениях как аргументах малых клауз (раздел 2.3.) и предположение о том, что дативные дополнения представляют собой предложную группу с инкорпорированной вершиной предлога (P) (раздел 2.4.). В разделе 2.5. мы рассмотрим идеи о том, как могут анализироваться дативные аргументы за пределами дитранзитивных конструкций. Раздел 2.6. содержит обсуждение того, какие интерпретации репетитивов мы можем ожидать при различных (представленных выше) анализах конструкций с дативными аргументами.

Глава III представляет собой подробное описание наблюдаемых интерпретаций репетитивов в различных конструкциях с дативными аргументами. Раздел 3.1. посвящен репетитивам в конструкциях с дитранзитивными глаголами. В разделе 3.1.1. мы подробно обсудим наблюдаемое межъязыковое варьирование в возможности иметь реститутивные прочтения в дитранзитивных клаузах между английским и немецким с одной стороны и русским и грузинским с другой стороны. В разделе 3.1.2. мы покажем, что возможность иметь реститутивные прочтения в данных конструкциях имеет синтаксическую природу и не может быть объяснена другими факторами, такими как свойства репетитивных морфем, наличие особого принципа семантической интерпретации, позволяющего проинтерпретировать соединение глагола с малой клаузой, и наличие стативного подсобытия в семантике соответствующих предикатов. В разделе 3.1.3. мы обсудим то, как различаются возможные интерпретации репетитивных наречий в русском языке при дитранзитивных глаголах в зависимости от того, берут ли они своим актантом дативную именную группу или предложную группу с семантической ролью цели. В разделе 3.1.4. мы представим загадочную историю о том, как контрастивный фокус способен сделать реститутивную интерпретацию возможной в дитранзитивных клаузах грузинского языка. Дальнейшие разделы данной главы посвящены интерпретациям репетитивов в других конструкциях с дативными аргументами. В разделе 3.2. мы рассмотрим интерпретации репетитивных морфем в клаузах с несубкатегоризованными бенефактивными дативными аргументами. В разделе 3.3. мы обсудим интерпретации репетитивного наречия в клаузах с каузируемыми дативными аргументами в грузинском языке. Раздел 3.4. посвящён возможным интерпретациям репетитивов в двух конструкциях с локативными аргументами: в локативных аппликативах («N-аппликативы» в (Пшехотская 2012)) в

русском языке и в конструкциях с дативными локативными аргументами в грузинском языке.

В главе IV мы разрабатываем наш анализ репетитивов в конструкциях с дативными аргументами. В разделе 4.1. представлена основная гипотеза и необходимые для нашего анализа допущения. Далее мы обсуждаем анализ возможных интерпретаций репетитивов в дитранзитивных конструкциях (раздел 4.2.) и в других конструкциях с дативными аргументами (раздел 4.3.). Раздел 4.4. посвящён рассмотрению альтернативных анализов интерпретаций репетитивов в конструкциях с дативными аргументами. Раздел 4.5. содержит обсуждение предсказаний, последствий и проблем предлагаемого нами анализа. В заключении подводятся итоги данного исследования и обсуждаются открытые вопросы, требующие дальнейших исследований.

I.Репетитивы вне конструкций с дативными аргументами: теоретические подходы и типологическое разнообразие

Данная глава посвящена рассмотрению синтаксических и семантических свойств репетитивов вне конструкций с дативными аргументами в разных языках.

Репетитивные и близкие к ним значения подробно изучались с типологической точки зрения в таких работах как (Wälchli 2006), (Стойнова 2012a), (Стойнова 2012b). В (Стойнова 2012b) значение однократного повторения некоторой ситуации называется рефактивом.[1] Стойнова (2012b) отмечает, что в языках мира рефактивные морфемы часто выражают помимо собственно рефактивного довольно широкий круг смежных значений, например, редитивное (‘возвращение в исходную точку’), реститутивное (‘вернуться в исходное состояние’), респонсивное (‘сделать в ответ на аналогичное действие’), реконструктивное (‘сделать ещё раз по-другому, лучше’), транспозитивное (‘сделать для кого-то так же, как было сделано для другого’) и некоторые другие. Классификации значений рефактивной зоны в языках мира можно найти в базе данных «Verbum» В.А. Плунгяна[2], в исследованиях (Шлуинский 2005), (Wälchli 2006), (Стойнова 2012a) и (Стойнова 2012b).

В работах Стойновой (2012a, 2012b) проведен анализ внутренней структуры семантической зоны рефактива, выявлены характерные модели совмещения рефактивных значений, определено положение данной семантической зоны в универсальном семантическом пространстве, а также частично рассматривается взаимодействие рефактива с отрицанием, аргументной структурой предикатов и их аспектуальными характеристиками. Стойнова (2012b) выдвигает гипотезу, согласно которой семантическая зона рефактива распадается на два подпространства: подпространство повторения, центральным значением которого является репетитив (‘сделать ещё раз’), и подпространство возвращения, центральным значением которого является редитив (‘двигаться обратно’). На основании частотности морфологического выражения значений рефактивной зоны в языках мира предлагается противопоставлять центральные (редитив, реститутив, репетитив) и периферийные значения данной семантической зоны. Стойнова (2012b) выделяет четыре основных семантических типа рефактивных аффиксов. К широким рефактивам относятся такие морфемы, которые совмещают значения редитива, реститутива и репетитива. К рефактивам возвращения относятся морфемы, которые

[1] В дальнейшем изложении мы продолжим придерживаться англоязычной традиции и будем называть данное значение репетитивным.
[2] http://www.mccme.ru/ling/verbum.html

совмещают значения редитива, реститутива и респонсива. Рефактивы повторения – морфемы, которые одновременно выражают репетитивное и некоторые связанные с ним более периферийные значения. Наконец, непространственные рефактивы совмещают репетитивное и реститутивное значения.

В данной работе мы будем рассматривать только два значения рефактивной семантической зоны: репетитивное (‘однократное повторение ситуации’) и реститутивное (‘повторение исходного состояния’). Дальнейшее обсуждение семантики репетитивных морфем будет происходить в рамках модельно-теоретической семантики ((Montague 1970), (Heim & Kratzer 1998)). Мы рассмотрим вопрос о реальности реститутивных прочтений (раздел 1.1.), сравним формальные семантический (раздел 1.2.) и синтаксический (раздел 1.3.) подходы к объяснению многозначности репетитивов и обсудим, как формальные теории могут объяснить вариативность синтактико-семантических свойств репетитивов в разных языках.

1.1. Возможные интерпретации репетитивных морфем

Во многих работах ((Marchand 1976), (McCawley 1976), (Dowty 1979), (Wechsler 1990), (von Stechow 1995), (von Stechow 1996), (Beck & Johnson 2004), (Beck 2005), (Beck 2006), (Bale 2006), (Alexiadou et al. 2014), (Pedersen 2015), (Lechner et al. 2015) среди прочих) отмечается, что репетитивные наречия типа английского *again* и немецкого *wieder* неоднозначны. Две интересующие нас интерпретации этих наречий – репетитивную (REP от ‘repetitive’) и реститутивную (RES от ‘restitutive’) – можно увидеть в (10) и (11) соответственно.

(10) *Thilo opened the door again.*

a. ‘Тило открыл дверь, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Тило открыл дверь, и ранее дверь была открыта до этого.’ *RES*

(адаптировано из (Beck & Johnson 2004: 112))

(11)	*Ali Baba*	*Sesam*	*wieder*	*öffnete.*
	Али Баба	Сезам	опять	открыл

a. ‘Али Баба открыл Сезам, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Али Баба открыл Сезам, и Сезам был открыт до этого.’ *RES*

(адаптировано из (von Stechow 1996: 88))

Как можно заметить, репетитивная и реститутивная интерпретации не отличаются своим ассертивным компонентом: вне зависимости от прочтения, в (10) ассерция заключается в

том, что Тило открыл дверь, в (11) – в том, что Али Баба открыл Сезам. Однако рассматриваемые интерпретации различаются своими пресуппозициями:

(12) **Пресуппозиции (10) и (11) при различных интерпретациях репетитивов**

a. Пресуппозиция REP: ранее имело место событие открытия двери (10) / Сезама (11) с Тило (10) / Али Бабой (11) в качестве агенса.

b. Пресуппозиция RES: ранее имело место состояние ‘дверь открыта’ (10) / ‘Сезам открыт’(11).

Репетитивно-реститутивная полисемия репетитивных морфем проявляет себя далеко не при любых типах предикатов. Наличие многозначности зависит от акциональной характеристики предиката. В (10)-(11) мы видели, что при свершениях (accomplishments) типа английского *open* (‘открыть’) и немецкого *öffnen* (‘открыть’) возможны как репетитивная, так и реститутивная интерпретация. Однако если мы посмотрим на предикаты других акциональных классов по З. Вендлеру (Vendler 1957/1967), то увидим, что в то время как при достижениях (achievements) также наблюдается полисемия репетитивных морфем ((13)-(14)), при состояниях (states) и деятельностях (activities) репетитивы имеют однозначную интерпретацию ((15)-(18)).

достижения (achievements)

(13) *Andrew reached the summit again.*

‘Эндрю опять достиг вершины.’:

a. ‘Эндрю достиг вершины, и он достигал вершины до этого.’ *REP*

b. ‘Эндрю достиг вершины, и он бывал на вершине до этого.’ *RES*

(14)

Andreas	*ist*	*am*	*Berggipfel*
Андреас	быть.PRS.3SG	на.DEF.m.3SG.DAT	вершина.горы
wieder	*angekommen.*		
опять	прибывать.PART		

‘Андреас опять прибыл на вершину горы.’:

a. ‘Андреас прибыл на вершину горы, и он делал это до этого.’ *REP*

b. ‘Андреас прибыл на вершину горы, и он бывал на вершине горы до этого.’ *RES*

состояния (states)

(15) *Andrew was sick again.*

‘Эндрю был болен, и он был болен до этого.’

(16) *Andreas* *war* *wieder* *krank.*
Андреас быть.PRT.3SG опять больной
‘Андреас был болен, и он был болен до этого.’

деятельности (activities)

(17) *Andrew was running again.*
‘Эндрю бежал, и он бегал до этого.’

(18) *Andreas* *wieder* *lief.*
Андреас опять бегать.PRT.3SG
‘Андреас бежал, и он бегал до этого.’

Причина однозначной интерпретации репетитивов при состояниях и деятельностях заключается в том, что предикаты данных классов не имеют результирующего состояния и, таким образом, оказываются совместимы только с репетитивной интерпретацией (‘однократное повторение события, описываемого предикатом’ – состояние болезни Эндрю/Андреаса в (15)-(16), деятельность, заключающаяся в беге Эндрю /Андреаса в (17)-(18)). В то время как ситуации, которые вводятся в рассмотрение предложениями типа (10)-(11) и (13)-(14), достигают кульминации, после чего возникают состояния ‘окно/ Сезам открыт(о)’ и ‘Эндрю / Андреас на вершине (горы)’ соответственно, ситуации, которые вводятся предложениями (15)-(16) и (17)-(18), не имеют такого естественного предела, по достижении которого ситуация с неизбежностью завершается. Таким образом, мы видим, что для наличия реститутивной интерпретации репетитивных морфем предикат клаузы должен иметь результирующее состояние. В дальнейшем обсуждении мы будем обращаться только к таким предикатам, которые позволяют наблюдать репетитивно-реститутивную полисемию (т.е., только к свершениям и достижениям).

Исследования семантики репетитивов сталкиваются с проблемой реальности наблюдаемой многозначности. Данная проблема заключается в том, что репетитивное и реститутивное прочтения находятся в отношении логического следования: из репетитивной интерпретации следует реститутивная (REP => RES). Проиллюстрируем данную проблему следующим примером:

(19) a. Контекст:
Sally opened the door, but a strong gust of wind closed it. She opened the door for a second time.
‘Салли открыла дверь, но сильный порыв ветра закрыл её. Она открыла дверь во второй раз.’

b. *Sally opened the door again.*

‘Салли опять открыла дверь.’

b_1. REP: до этого имело место событие открытия двери Салли. *удовлетворена*

b_2. RES: до этого имело место состояние ‘дверь открыта’. *удовлетворена*

(адаптировано из (Lechner et al. 2015: 2))

При контексте в (19a) предложение в (19b) удовлетворяет репетитивной и реститутивной пресуппозициям одновременно, причём из репетитивной пресуппозиции следует реститутивная. Таким образом, возникает вопрос: существует ли репетитивное прочтение независимо от реститутивного? Иными словами, существуют ли контексты, в которых возможно только репетитивное прочтение?

В работах (Alexiadou et al. 2014) и (Lechner et al. 2015) убедительно показывается, что репетитивная интерпретация на самом деле независима от реститутивной. Рассмотрим три аргумента, которые приводятся исследователями.

Во-первых, существуют синтаксические контексты, в которых репетитивное прочтение оказывается единственно возможным. Как было замечено в работах ((von Stechow 1996), (Beck & Johnson 2004), среди прочих), возможные интерпретации английского репетитива *again* (‘опять’) и немецкого репетитива *wieder* (‘опять’) зависят от порядка слов. Когда английское again занимает позицию в конце предложения, как в (10), оно может иметь и репетитивное, и реститутивное прочтения. Когда же репетитивное наречие находится в предглагольной позиции, как в (20), только репетитивная интерпретация оказывается возможной. Схожая зависимость от порядка слов наблюдается и в немецком: две интерпретации возможны, когда *wieder* непосредственно предшествует глаголу, как в (11), и только репетитивное прочтение можно наблюдать в тех случаях, когда репетитивное наречие предшествует прямому дополнению (21).

(20) *Thilo again opened the door.*

a. ‘Тило открыл дверь, и это происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Тило открыл дверь, и ранее дверь была открыта до этого.’ **RES*

(адаптировано из (Beck & Johnson 2004: 112))

(21)

Ali Baba	*wieder*	*Sesam*	*öffnete.*
Али Баба	опять	Сезам	открыл

a. ‘Али Баба открыл Сезам, и это происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Али Баба открыл Сезам, и Сезам был открыт до этого.’ **RES*

(адаптировано из (von Stechow 1996: 88))

Во-вторых, Alexiadou et al. (2014) и Lechner et al. (2015) показывают, что в контекстах с немонотонными кванторами (например, такими группами как ‘ровно/ только один студент’) репетитивное и реститутивное прочтения не находятся в отношении логического следования. Для предложений, содержащих немонотонные кванторы, оказывается возможным привести такие сценарии, при которых репетитивная интерпретация будет истинна, а реститутивная – ложна. Рассмотрим предложение (22b) в контексте (22a).

(22) a. Контекст:

Students A, B, and C are studying at the library. They want the window open, but the librarian doesn't. Student A opens the window and the librarian closes it. The same happens to students B and C. Then, A opens the window for a second time.

Студенты А, В и С занимаются в библиотеке. Они хотят, чтобы окно было открыто, но библиотекарь хочет, чтобы оно было закрыто. Студент А открывает окно, а библиотекарь закрывает его. То же самое происходит со студентами В и С. После этого студент А открывает окно во второй раз.

b. *Exactly one student opened the door again.*

b_1. REP: ровно один x > again > x открыл окно > окно было открыто *истинна*

‘Существует студент, который открыл окно и открывал окно до этого, и неверно, что какой бы то ни было другой студент открыл окно и открывал его до этого.’

b_2. RES: ровно один x > x открыл окно > again > окно было открыто *ложна*

‘Существует студент, который открыл окно, и неверно, что какой бы то ни было другой студент открыл окно, и окно было открыто до этого.’

(адаптировано из (Lechner et al. 2015: 2))

Как можно заметить, при представленном сценарии репетитивная пресуппозиция оказывается истинна, а реститутивная пресуппозиция оказывается ложна, что говорит о том, что репетитивное и реститутивное прочтения неэквивалентны друг другу с точки зрения условий их истинности.[3]

[3] На самом деле картина оказывается немного сложнее. Ранее мы говорили, что семантический вклад репетитивов относится к пресуппозиционному компоненту смысла высказываний. При этом кванторные операторы являются частью ассертивного компонента, таким образом, можно было бы предположить, что их вклад может быть невидим для пресуппозиций. Однако, как демонстрируется в (Lechner et al. 2015), семантический вклад, который привносят репетитивные морфемы, принадлежит одновременно и к пресуппозиционному, и к ассертивному компонентам. В данной работе мы опустим данное усложнение и будем продолжать рассматривать вклад репетитивов как пресуппозиционный. Обсуждение данного вопроса

Ещё один аргумент в пользу реальности двух прочтений репетитивов происходит от наблюдений над связыванием подлежащными именными группами *de se* местоимений (Alexiadou et al. 2014). В тех случаях, когда подлежащее связывает *de se* местоимение внутри глагольной группы, реститутивное прочтение оказывается невозможно: в пресуппозиции могут находиться только такие предшествующие во времени события, которые включают в себя подлежащее.

(23) *John$_i$ did his$_i$ best again.* ^{OK}*REP, *RES*
‘Джон$_i$ сделал всё, что он$_i$ мог.’
(Досл. ‘Джон$_i$ опять сделал своё$_i$ лучшее.’)
(адаптировано из (Alexiadou et al. 2014: 2))

(24) *Sam$_i$ has (again) found his$_i$ balance (again).* ^{OK}*REP, *RES*
‘Сэм опять вернулся в положение баланса.’
(Досл. ‘Сэм$_i$ опять нашёл свой$_i$ баланс.’)
(адаптировано из (Alexiadou et al. 2014: 2))

(25) *Sally$_i$ gave us her$_i$ best performance again.* ^{OK}*REP, *RES*
‘Салли$_i$ опять продемонстрировала нам своё$_i$ лучшее выступление.’
(Досл. ‘Салли$_i$ опять отдала нам своё$_i$ лучшее выступление.’)
(адаптировано из (Alexiadou et al. 2014: 2))

Таким образом, данная диагностика позволяет ещё раз убедиться в независимости репетитивного и реститутивного прочтений.

Рассмотрев возможные интерпретации репетитивных морфем (репетитивную и реститутивную) и убедившись в независимости данных интерпретаций, мы переходим к обсуждению двух формальных теоретических подходов к объяснению репетитивно-реститутивной полисемии: семантическому (раздел 1.2.) и синтаксическому (раздел 1.3.).

1.2. Семантический подход к неоднозначности репетитивных морфем

Семантический подход ((Dowty 1979), (Fabricius-Hansen 1983), (Fabricius-Hansen 2001), (Kamp & Rossdeutscher 1994), (Jäger & Blutner 2000), (Pedersen 2015), среди прочих) приписывает возможность различных интерпретаций репетитивных морфем их лексической многозначности: в языках имеются омонимичные лексические единицы, одна из которых имеет репетитивное значение, а другая – реститутивное.

и доводы в пользу того, что действие операторов в ассертивном компоненте не подрывает выстраиваемую аргументацию, см. в (Lechner et al. 2015).

Рассмотрим этот подход более подробно в том варианте, который представлен в работах Fabricius-Hansen (1983, 2001). Ключевая идея этой линии исследований заключается в том, что помимо собственно репетитивного значения наречия типа again (‘опять’) имеют так называемое реверсивное (reversal) или каунтер-дирекциональное (counter-directional, далее «CD») прочтение. Проиллюстрируем эти интерпретации на следующих примерах:

(26) *The temperature is rising again.*

a. ‘Температура поднимается, и температура поднималась до этого.’ *REP*

b. ‘Температура поднимается, и температура опускалась до этого, и опустилась до того состояния, с которого начался её подъём.’ *CD*

(адаптировано из (Beck 2005: 15))

(27) *The river widened again.*

a. ‘Река расширилась, и река расширялась до этого.’ *REP*

b. ‘Река расширилась, и река сужалась до этого, и сузилась до того состояния, с которого началось её расширение.’ *CD*

(адаптировано из (Pedersen 2015: 374))

Помимо репетитивного прочтения ((26a)-(26b)), предложения (26) и (27) имеют такую интерпретацию, при которой ранее не происходило события, описываемого предикатом (подъёма температуры в (26), расширения реки в (27)). Представители семантического подхода ((Fabricius-Hansen 1983), (Fabricius-Hansen 2001), (Pedersen 2015)) утверждают, что при второй интерпретации репетитивные наречия вводят пресуппозицию о существовании события, противоположного событию, описываемому предикатом (подъём температуры – снижение температуры, расширение реки – сужение реки). При этом результирующее состояния события, противоположного данному, является тем состоянием, которое предшествует данному событию. В тех случаях, когда репетитив с каунтер-дирекциональным значением модифицирует степенные достижения (degree achievements (Dowty 1979)) типа *rise* (‘подниматься’) и *widen* (‘расширяться’), мы получаем такие интерпретации как в (26b) и (27b). В тех же случаях, когда каунтер-дирекциональные репетитивы модифицируют предельные предикаты изменения состояния (change of state predicates) типа *open* (‘открыть’), возникает прочтение, которые мы ранее называли реститутивным: возникает реконструкция того состояния, которое предшествовало событию, противоположному данному. Представим семантику двух

значений наречий типа *again* (‘опять’) – репетитивного ($AGAIN_{REP}$) и каунтер-дирекционального ($AGAIN_{CD}$) – более эксплицитным образом[4]:

(28) $[[AGAIN_{REP}]](P_{<s,t>})(e) =$ 1 iff $P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P(e')]$;
0 iff $\neg P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P(e')]$;
не определено в противном случае.

(29) $[[AGAIN_{CD}]](P_{<s,t>})(e) =$ 1 iff $P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P_{CD}(e') \& res_{P_{CD}}(e') = pre_P(e)]$;
0 iff $\neg P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P_{CD}(e') \& res_{P_{CD}}(e') = pre_P(e)]$;
не определено в противном случае.

При обоих интерпретациях AGAIN[5] берёт своими аргументами свойство событий (предикат P, который представляет собой функцию из множества событий (D_s) в множество истинностных значений ($D_t = \{1, 0\}$)) и событие, и возвращает истинностное значение 1 (истинно), если данное свойство выполняется для данного события, и истинностное значение 0 (ложно), если данное свойство не выполняется для данного события. Как можно заметить, ассертивный компонент значений $AGAIN_{REP}$ и $AGAIN_{CD}$ не отличается: AGAIN не вносит никакого вклада в ассерцию.

Два значения AGAIN различаются тем, какие пресуппозиции они вводят. $AGAIN_{REP}$ вводит пресуппозицию, согласно которой существует событие (e’), которое предшествует данному (e) во времени ($<_T$) и для которого выполняется свойство, описываемое предикатом P. $AGAIN_{CD}$ вводит пресуппозицию, согласно которой существует событие (e’), которое предшествует данному (e) во времени ($<_T$), для которого выполняется свойство, противоположное описываемому предикатом P (P_{CD}), причём состояние, возникающее в результате осуществления события e’ ($res_{P_{CD}}(e')$), является состоянием, имеющим место непосредственно перед осуществлением события e’ ($pre_P(e)$). В том случае, если пресуппозиции $AGAIN_{REP}$ или $AGAIN_{CD}$ не выполняются, значение репетитивов не определено.

[4] Мы представляем идеи, высказанные в (Fabricius-Hansen 1983), (Fabricius-Hansen 2001), в нашей собственной системе обозначений, близкой к тем, которые можно найти в (Beck & Johnson 2004) и (Beck 2005).

[5] Здесь и далее мы будем использовать AGAIN для обозначения репетитивных морфем в целом, а выделение курсивом (*again, wieder, опять, isev*) – для обозначения конкретных репетитивных морфем, существующих в языках.

Рассмотрим данную семантику AGAIN применительно к степенным достижениям в (26) и (27).[6]

(30) *The temperature is rising again.*

‘Температура опять поднимается.’

a. предикат P: λe. rise(e)(the_temperature)
каунтер-дирекциональный предикат P_{CD}: λe. fall(e)(the_temperature)
возможное предсостояние P (pre_P): λs. low(s)(the_temperature)
возможное результирующее состояние P (res_P): λs. high(s)(the_temperature)
возможное предсостояние P_{CD} (pre_{PCD}): λs. high(s)(the_temperature)
возможное результирующее состояние P_{CD} (res_{PCD}): λs. low(s)(the_temperature)

b. Репетитивная интерпретация:
λe. rise(e)(the_temperature) & ∃e’ [e’ $<_T$ e & rise(e’)(the_temperature)]
‘Температура поднимается, и температура поднималась до этого.’

c. Каунтер-дирекциональная интерпретация:
λe. rise(e)(the_temperature) & ∃e’ [e’ $<_T$ e & fall(e’)(the_temperature) & res_{fall}(e’) = pre_{rise}(e) = low(s)(the_temperature)]
‘Температура поднимается, и температура опускалась до этого, и опустилась до того состояния, с которого начался её подъём.’

При репетитивном прочтении (26)=(30b) пресуппозиция состоит в том, что существует предшествующее событие подъёма температуры. При каунтер-дирекциональном прочтении (30c) в пресуппозиции содержится информация о том, что существует предшествующее событие падения температуры, и результат этого падения температуры стал отправной точкой события поднятия температуры.

(31) *The river widened again.*

‘Река опять расширилась.’

a. предикат P: λe. widen(e)(the_river)
каунтер-дирекциональный предикат P_{CD}: λe. narrow(e)(the_river)
возможное предсостояние P (pre_P): λs. narrow(s)(the_river)

[6] Когда мы говорим о семантических типах выражений, мы используем e (entity) в качестве индивидного типа, t (truth-value) в качестве пропозиционального типа и s (situation) в качестве событийного типа. При введении событийных переменных (Davidson 1967/1980) в конкретных формулах мы обозначаем как s (state) состояния, а как e (event) – другие типы событий.

возможное результирующее состояние P (res_P): λs. wide(s)(the_river)
возможное предсостояние P_{CD} (pre_{PCD}): λs. wide(s)(the_river)
возможное результирующее состояние P_{CD} (res_{PCD}): λs. narrow(s)(the_river)

b. Репетитивная интерпретация:
λe. widen(e)(the_river) & ∃e' [e' $<_T$ e & widen(e')(the_river)]
'Река расширилась, и река расширялась до этого.'

c. Каунтер-дирекциональная интерпретация:
λe. widen(e)(the_river) & ∃e' [e' $<_T$ e & narrow(e')(the_river) & res_{narrow}(e') = pre_{widen}(e) = narrow(s)(the_river)]
'Река расширилась, и река сужалась до этого, и сузилась до того состояния, с которого началось её расширение.'

При репетитивном прочтении (27)=(31b) пресуппозиция состоит в том, что существует предшествующее событие расширения реки. При каунтер-дирекциональном прочтении (31c) в пресуппозиции содержится информация о том, что существует предшествующее событие сужение реки, и результат этого сужения стал отправной точкой события расширения реки.

Теперь рассмотрим механизмы возникновения двух прочтений AGAIN при предельных предикатах изменения состояния при условии, что в лексиконе имеются две лексические единицы с обозначенной выше семантикой: $AGAIN_{REP}$ (28) и $AGAIN_{CD}$ (29). Возьмём пример (10)=(32) с глаголом *open* ('открывать') для иллюстрации деривации полисемии AGAIN при семантическом подходе.

(32) *Thilo opened the door again.*

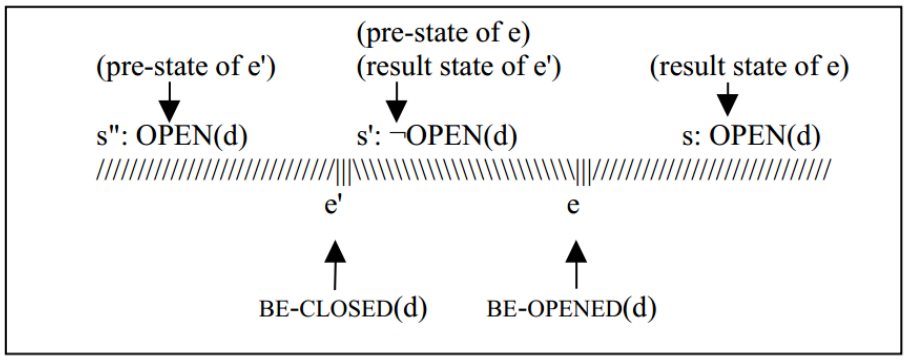
a. предикат P: λe. open(e)(the_door)(Thilo)
каунтер-дирекциональный предикат P_{CD}: λe. close(e)(the_door)(Thilo)
возможное предсостояние P (pre_P): λs. closed(s)(the_door)
возможное результирующее состояние P (res_P): λs. opened(s)(the_door)
возможное предсостояние P_{CD} (pre_{PCD}): λs. opened(s)(the_door)
возможное результирующее состояние P_{CD} (res_{PCD}): λs. closed(s)(the_door)

b. Репетитивная интерпретация:
λe. open(e)(the_door)(Thilo) & ∃e' [e' $<_T$ e & open(e')(the_door)(Thilo)]

c. Каунтер-дирекциональная интерпретация:
λe. open(e)(the_door)(Thilo) & ∃e' [e' $<_T$ e & close(e')(the_door)(Thilo) & res_{close}(e') = pre_{open}(e) = closed(s)(the_door)]

При репетитивном прочтении (10)=(32b) пресуппозиция состоит в том, что существует предшествующее событие открытия двери Тило. При каунтер-дирекциональном прочтении (32c) в пресуппозиции содержится информация о том, что существует предшествующее событие закрытия двери Тило, и результат этого события (закрытая дверь) является исходным состоянием для события открытия двери. Расположение рассматриваемых подсобытий на временной оси проиллюстрировано на рис. 1 в (33).

(33) Рис. 1. Каунтер-дирекциональное прочтение при предельных предикатах изменения состояния на примере глагола open (‘открыть’), (Fabricius-Hansen 2001: 109).



Сторонники семантического подхода к многозначности AGAIN полагают, что ощущение присутствия реститутивного прочтения (‘возвращение в исходное состояние’) в предложениях типа (32) на самом деле является следствием каунтер-дирекциональной интерпретации. Как можно увидеть из семантики в (32) и на иллюстрации в (33), исходное состояние, предшествующее противоположному событию (событию закрытия двери) совпадает с результирующим состоянием данного события (события открытия двери): λs. opened(s)(the_door). Таким образом, информация о возвращении в исходное состояние содержится в пресуппозиции при каунтер-дирекциональном прочтении, хоть и неявным образом.

Семантические подходы к репетитивно-реститутивной полисемии привлекательны тем, что позволяют избежать излишней лексической декомпозиции предикатов в синтаксисе. Они позволяют хорошо объяснить многозначность репетитивов при степенных достижениях типа *rise* (‘подниматься’) и *widen* (‘расширяться’), которые являются в английском языке непредельными предикатами и для которых сложно представить себе наличие результирующего состояния.[7] Более современные версии

[7] Однако см. обсуждение в разделе 1.3. деривации полисемии репетитивов со степенными предикатами при синтаксическом подходе ((von Stechow 1996), (Beck 2005)).

семантического подхода (Pedersen 2015) предполагают, что каунтер-дирекциональное AGAIN оперирует над скалярным компонентом лексических каузативов (как степенных достижений, так и предикатов изменения состояния) и что в основе каунтер-дирекционального (= реститутивного, = реверсивного) прочтения лежит обращение репетитива к степенным шкалам, которые возникают в связи с отадъективной природой рассматриваемых предикатов.

Несмотря на некоторые преимущества, семантический подход к многозначности репетитивов имеет большой ряд недостатков. Во-первых, этот подход не предлагает естественного объяснения[8] тому, что во многих языках набор интерпретаций репетитивных морфем зависит от порядка слов. Как мы видели в (10)-(20) (повторенные ниже как (34) и (35) соответственно) на материале английского языка и в (11)-(21) (повторенные ниже как (36)-(37)) на материале немецкого языка, расположение репетитивного наречия влияет на возможность реститутивного (= каунтер-дирекционального) прочтения. В рамках семантического подхода неочевидно, почему AGAIN_{CD} невозможно при одних порядках слов и возможно при других при одном и том же предикате.

(34) *Thilo opened the door again.*

a. ‘Тило открыл дверь, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Тило открыл дверь, и ранее дверь была открыта до этого.’ *RES*

(адаптировано из (Beck & Johnson 2004: 112))

(35) *Thilo again opened the door.*

a. ‘Тило открыл дверь, и это происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Тило открыл дверь, и ранее дверь была открыта до этого.’ **RES*

(адаптировано из (Beck & Johnson 2004: 112))

(36)	*Ali Baba*	*Sesam*	*wieder*	*öffnete.*
	Али Баба	Сезам	опять	открыл

a. ‘Али Баба открыл Сезам, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Али Баба открыл Сезам, и Сезам был открыт до этого.’ *RES*

[8] В (Pedersen 2015) выдвигается предположение, что наблюдаемые эффекты порядка слов связаны с потребностью реститутивного (каунтер-дирекционального) AGAIN находиться близко к глаголу, для того чтобы получить доступ к скалярному компоненту предиката. Отметим, что данное предположение не очень хорошо соответствует реально наблюдаемым эмпирическим данным. Если для немецкого верно, что реститутивное *wieder* должно непосредственно предшествовать глаголу, то для английского реститутивного *again* это не так: как мы видели из примеров (10) и (20), *again* не может иметь реститутивного прочтения в предглагольной позиции (20), но может в конце предложения (10).

(адаптировано из (von Stechow 1996: 88))

(37) *Ali Baba* *wieder* *Sesam* *öffnete.*
Али Баба опять Сезам открыл
a. ‘Али Баба открыл Сезам, и это происходило до этого.’ *REP*
b. *‘Али Баба открыл Сезам, и Сезам был открыт до этого.’ **RES*

(адаптировано из (von Stechow 1996: 88))

Во-вторых, семантический подход в версии (Pedersen 2015) предсказывает, что каунтер-дирекциональное (= реститутивное) прочтение будет возможно только при таких достижениях, которые содержат скалярный компонент. Как можно увидеть из (38), даже нескалярные достижения типа *enter* (‘входить’) могут иметь реститутивную интерпретацию (т.к. в (38) эксплицитно говорится, что данный полёт космического корабля – первый, то репетитивная интерпретация автоматически исключается в виду несовместимости с контекстом).

(38) *On its first trip, the shuttle entered the atmosphere again after only 10 minutes in space.*
Во время своего первого полёта, корабль опять вошёл в атмосферу после всего лишь 10 минут в космосе. (из (Lechner et al. 2015: 5))

В-третьих, обращения к результирующему состоянию предикатов изменения состояния требуют не только репетитивные, но и, например, аддитивные операторы (греческое *ke* в (39)).

(39) *O* *Janis* *anikse* *ke* *to* *PARATHIRO.*
DEF Джон открыл ADD DEF ОКНО
‘Джон открыл также ОКНО.’
a. Пресуппозиция-1: Джон открыл также что-то кроме окна.
b. Пресуппозиция-2: что-то ещё кроме окна было открыто.
(адаптировано из (Spathas & Michelioudakis 2014), цит. по (Lechner et al. 2015: 5))

Предложение в (39) совместимо с двумя пресуппозициями, вводимыми аддитивным оператором *ke*. В первом случае *ke* имеет сентенциальную сферу действия и вводит пресуппозицию, в которую входит информация о том, что существует другое событие, которое состоит в открытии Джоном какого-то другого предмета. Во втором случае *ke* модифицирует результирующее состояние: пресуппозиция состоит в том, что существует

другое событие, которое представляет собой состояние ‘некоторый другой предмет открыт’. Так как в языках мира независимым образом существуют операторы вроде греческого *ke*, которым требуется обращение непосредственно к результирующим состояниям предикатов, то кажется неэкономным описывать реститутивное прочтение AGAIN, которое также можно описать в терминах результирующего состояния[9], при помощи введения дополнительных концептов противоположного (каунтер-дирекционального) предиката и исходного состояния события (prestate).

Наконец, как кажется, собственно каунтер-дирекциональную интерпретацию в том виде, в котором она представлена в рамках семантического подхода (например, в (Fabricius-Hansen 1983), (Fabricius-Hansen 2001)) – предполагающую существование события, противоположного данному – можно отличить от собственно реститутивной, предполагающей существование предшествующего состояния, идентичного результирующему состоянию данного события. В примере с предикатом изменения состояния, который мы рассматривали ранее (32), собственно каунтер-дирекциональное и собственно реститутивное прочтения находились в отношении логического следования. Действительно, если для события открытия окна существует предшествующее обратное событие – закрытие окна, то из этого вытекает, что результирующее состояние данного события (‘окно открыто’) идентично исходному состоянию обратного события. Однако попробуем использовать немонотонную кванторную группу (метод, предложенный для разграничения разных значений репетитивов в (Alexiadou et al. 2014), (Lechner et al. 2015)) для того, чтобы понять, действительно ли собственно каунтер-дирекциональное и собственно реститутивное прочтения имеют одинаковые условия истинности.

Мы попробуем показать, что собственно реститутивное прочтение не является следствием собственно каунтер-дирекционального, обратившись к материалу русского языка – к репетитивному наречию *опять*. Данное наречие употребляется преимущественно в предглагольной позиции и, находясь непосредственно перед глаголом, способно иметь как минимум два прочтения:

(40) *Али Баба опять открыл Сезам.*

a. ‘Али Баба открыл Сезам, и он уже открывал Сезам до этого.’ *REP*

b. ‘Али Баба открыл Сезам, и Сезам уже был открыт до этого.’ *RES/CD*

[9] См. обсуждение реститутивного прочтения репетитивных морфем в рамках синтаксического подхода к их неоднозначности (раздел 1.3.).

Мы хотим понять, какой на самом деле является вторая интерпретация (40b) – собственно каунтер-дирекциональной (подразумевающей существование предшествующего события, противоположного данному) или собственно реститутивной (подразумевающей существование предшествующего состояния, идентичного результирующему состоянию данного предиката). Чтобы разграничить эти два прочтения, мы создадим такой контекст, при котором репетитивная и собственно реститутивная пресуппозиции будут нарушаться, а собственно каунтер-дирекциональная – нет. Если предложение в этом случае окажется благозвучным и уместным, то поймём, что прочтение в (40b) на самом деле является собственно каунтер-дирекциональным. Если же предложение получится неблагозвучным, то мы сделаем вывод, что собственно каунтер-дирекциональной интерпретации в предложениях типа (40) не содержится.

Посмотрим на следующее предложение с немонотонным квантором *ровно один* (42) в заданном контексте (41):

(41) Контекст для (42):
Али Баба пришел в новую долину, в которой есть две пещеры – А и Б, которые с сотворения мира (всегда) были закрытыми. Али Баба открывает одну из этих пещер – пещеру Б, а затем закрывает ее.

(42) *#Али Баба опять закрыл ровно одну пещеру.*

Для начала покажем, что предложение (42) при контексте (41) нарушает репетитивную пресуппозицию. При репетитивном прочтении должно существовать предшествующее событие, состоящее в том, что Али Баба закрыл ровно одну пещеру (опять > Али Баба сделал так что > ровно один x > x закрыт): ‘Ранее существовало событие, идентичное данному, состоящее в следующем: Али Баба закрыл одну пещеру, и неверно, что Али Баба закрыл другие пещеры’. Как можно видеть, данная пресуппозиция нарушается: согласно нашему контексту, Али Баба не закрывал ранее никаких пещер.

Теперь покажем, что предложение (42) при контексте (41) нарушает собственно реститутивную пресуппозицию. При реститутивной интерпретации должно повториться состояние ‘ровно одна пещера закрыта’ (Али Баба сделал так что > опять > ровно один x > x закрыт): ‘Али Баба закрыл одну пещеру, и неверно, что он закрыл другие пещеры, и ранее существовало событие, состоящее в следующем: одна пещера была закрыта, и неверно, что другие пещеры были закрыты’. Данная пресуппозиция также нарушается: мы

знаем из контекста, что помимо пещеры Б в долине есть пещера А, которая была ранее (и осталась) закрыта.

Теперь построим ожидаемую собственно каунтер-дирекциональную интерпретацию (42) при контексте (41). Искомое прочтение должно было бы выглядеть следующим образом (‘ранее было противоположное > Али Баба сделал так что > ровно один x > x закрыт’): ‘Али Баба закрыл одну пещеру, и неверно, что он закрыл другие пещеры, и ранее существовало событие, состоящее в следующем: Али Баба открыл одну пещеру, и неверно, что он открыл другие пещеры.’ Как можно заметить, такая интерпретация хорошо соответствует нашему контексту, ничему в нём не противоречит: Али Баба действительно закрыл одну пещеру и не закрывал других, а незадолго до этого он открыл одну пещеру и не открывал других. Однако носителям русского языка в принципе не нравится предложение (42) в контексте (41), что свидетельствует о том, что как минимум русское *опять* (а возможно, и схожие репетитивные морфемы в других языках) собственно каунтер-дирекционального прочтения не имеет, а имеет только собственно реститутивное[10], которое мы наблюдаем в примерах типа (40).

Несмотря на то, что семантический подход ((Dowty 1979), (Fabricius-Hansen 1983), (Fabricius-Hansen 2001), (Kamp & Rossdeutscher 1994), (Jäger & Blutner 2000), (Pedersen 2015)) позволяет сделать интересные наблюдения над интерпретациями репетитивных морфем при степенных достижениях типа *rise* (‘подниматься’) и *widen* (‘расширяться’) и показывает важность скалярного компонента отадъективных предикатов (Pedersen 2015), мы не будем использовать его наработки в данном исследовании в связи с вышеперечисленными существенными недостатками, которые проявляются при рассмотрении предельных предикатов изменения состояния. В данной работе мы примем в качестве предположения альтернативный[11] – синтаксический – подход к репетитивно-реститутивной полисемии, который мы подробно обсудим в следующем разделе.

1.3. Синтаксический подход к неоднозначности репетитивных морфем

В отличие от семантического подхода, синтаксический подход к неоднозначности репетитивных морфем ((von Stechow 1995), (von Stechow 1996), (Beck & Johnson 2004), (Beck 2005), (Alexiadou et al. 2014), (Lechner et al. 2015), среди прочих) предполагает, что семантика репетитивов всегда одинакова: данные морфемы вводят пресуппозицию,

[10] Которое мы в дальнейшем будем называть просто реститутивным.

[11] Хотя два основных подхода к семантике AGAIN конкурируют друг с другом, см. обсуждение репетитивного наречия *pacho* в гуджарати (Patel-Grosz & Beck 2014) и выдвигаемую гипотезу, согласно которой оба подхода к многозначности AGAIN могут сосуществовать.

состоящую в том, что некоторое событие имело место ранее. Таким образом, семантика AGAIN при синтаксическом подходе всегда такая же, как при репетитивном $\text{AGAIN}_{\text{REP}}$ семантического подхода (28)=(43):

(43) $[[\text{AGAIN}]](P_{<s,t>})(e) =$ 1 iff $P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P(e')]$;
0 iff $\neg P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P(e')]$;
не определено в противном случае.

AGAIN берет своими аргументами свойство событий P и событие e, возвращая 1, если данное свойство выполняется для данного события, и 0, если не выполняется, и вводит пресуппозицию, согласно которой существует событие (e'), которое предшествует данному (e) во времени ($<_T$) и для которого выполняется свойство, описываемое предикатом P.

Синтаксический подход утверждает, что различные прочтения репетитивных морфем возникают в связи с тем, что AGAIN может присоединяться к разным составляющим в синтаксической репрезентации и модифицировать разные подсобытия предиката, которые соответствуют данным составляющим. Такой подход подразумевает лексическую декомпозицию предикатов в синтаксисе: подсобытиям предиката соответствуют некоторые синтаксические единицы, и в зависимости от того, какую единицу AGAIN будет модифицировать, будут возникать разные прочтения. Проиллюстрируем данный подход на следующей паре примеров (44)-(45).

(44) *Yesterday Ali Baba opened Sezam. Today Ali Baba opened Sezam again.* ***REP***
'Вчера Али Баба открыл Сезам. Сегодня Али Баба опять открыл Сезам.'
a. $\text{open}(e)(\text{Sezam})(\text{Ali Baba}) \& \exists e' [e' <_T e \& \text{open}(e')(\text{Sezam})(\text{Ali Baba})]$
b. Пресуппозиция $_{\text{AGAIN}}$:
'Существует ещё одно событие, состоящее в открытии Али Бабой Сезама, которое предшествует во времени данному событию открытия Али Бабой Сезама.'

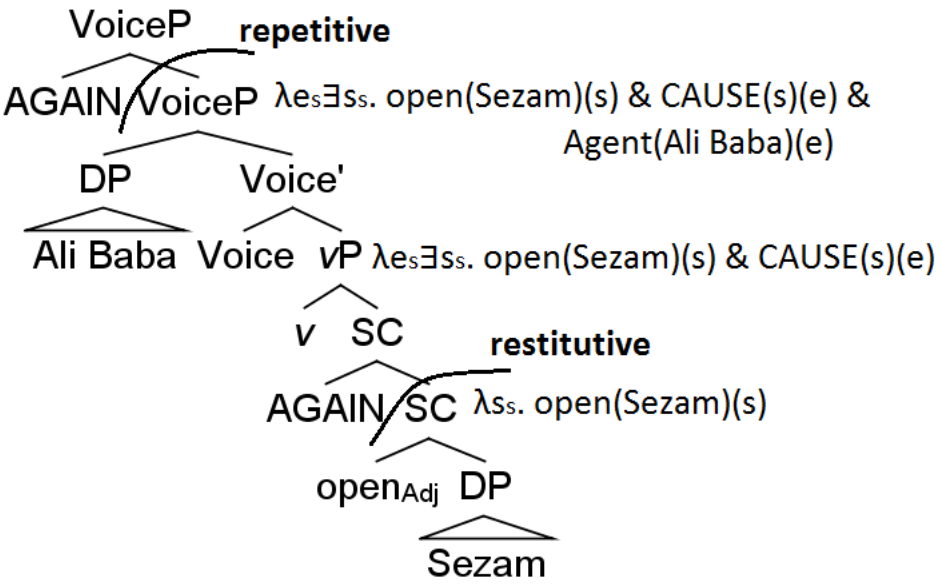
(45) *Sezam had always been open. Yesterday somebody closed it.* ***RES***
Today Ali Baba opened Sezam again.
'Сезам всегда был открыт. Вчера кто-то закрыл его. Сегодня Али Баба опять открыл Сезам.'
a. $\text{open}(e)(\text{Sezam})(\text{Ali Baba}) \& \exists e' [e' <_T e \& \text{open}(e')(\text{Sezam})]$

b. Пресуппозиция AGAIN:

‘Существует ещё одно событие, состоящее в состоянии ‘Сезам открыт’, которое предшествует во времени данному событию открытия Али Бабой Сезама.’

В примере (44) мы наблюдаем репетитивное прочтение AGAIN. В данном случае AGAIN присоединяется к глагольной группе со всеми её аргументами (VoiceP) и берет в качестве своего аргумента событие открытия Али Бабой Сезама. В (45) AGAIN присоединяется к малой клаузе, которая представляет стативное подсобытие предиката в синтаксической репрезентации, и берет это подсобытие, которое заключается в состоянии ‘Сезам открыт’, в качестве своего аргумента. Таким образом при предикатах изменения состояния типа *open* (‘открыть’) возникает реститутивная интерпретация репетитивов. На рис. 2. показаны два возможных места присоединения репетитивов в синтаксической структуре при предикатах изменения состояния (на примере предложений в (44)-(45)).

(46) Рис. 2. Два места присоединения AGAIN при предикатах изменения состояния: (44)-(45).



Прокомментируем структуру в (46). В синтаксической репрезентации имеется малая клауза, состоящая из прилагательного open (‘открытый’) (наличие в структуре прилагательного – следствие декомпозиции глагола open (‘открыть’) в синтаксисе) и именной группы Sezam. Малая клауза обозначает свойство события (семантический тип <s,t>), состоящее в том, что событие является состоянием ‘Сезам открыт’ (λs_s.open(Sezam)(s)). Лёгкий глагол (*v*) вводит каузативный компонент CAUSE в

семантическую репрезентацию[12] и связывает событийный аргумент малой клаузы экзистенциальным квантором: $\lambda e_s \exists s_s$. [open(Sezam)(s) & CAUSE(s)(e)]. Как можно заметить, группа *v*P продолжает обозначать свойство событий, поэтому семантически она также типа <s,t>. Вершина Voice вводит внешний аргумент в структуру: она берёт свойство событий и отображает его в функцию из множества индивидов во множество событий, удовлетворяющих этому свойству. Таким образом, семантический тип вершины Voice – <<s,t>,<e,<s,t>>>, а семантический тип узла, соединяющего Voice и *v*P (Voice') – <e, <s,t>>. Узел Voice' берёт агентивного участника своим аргументом, и таким образом глагольная группа, содержащая все аргументы (VoiceP), снова обозначает свойство событий: $\lambda e_s \exists s_s$. [open(Sezam)(s) & CAUSE(s)(e) &Agent(Ali Baba)(e)].

В рамках синтаксической структуры, представленной в (46), AGAIN может присоединиться к тем составляющим, которые обозначают свойства событий (т.е., к составляющим семантического типа <s,t>). Когда AGAIN присоединяется к малой клаузе (SC), мы получаем семантическую интерпретацию в (47), когда AGAIN присоединяется к глагольной группе со всеми аргументами (VoiceP), возникает семантическая интерпретация в (48). Как можно заметить, в нашей синтаксической структуре есть ещё одна составляющая, обозначающая свойство событий – *v*P. В связи с этим возникает вопрос: существует ли промежуточная интерпретация (*INT* от *intermediate* ('промежуточный')) репетитивных морфем, при которой повторяется событие, состоящее в каузации состояния, обозначаемого малой клаузой 0?

(47)	**again(**λs_s.open(Sezam)(s)**)**	SC	*REP*
(48)	**again(**$\lambda e_s \exists s_s$.[open(Sezam)(s) & CAUSE(s)(e) &Agent(Ali Baba)(e)]**)**	VoiceP	*RES*
(49)	**again(**$\lambda e_s \exists s_s$.[open(Sezam)(s) & CAUSE(s)(e)]**)**	*v*P	*INT*

В (Lechner et al. 2015) утверждается, что такая интерпретация действительно существует.[13] Мы не будем обсуждать реальность данного прочтения (аргументы в пользу его

[12] Наличие вершины, вводящей элемент CAUSE в семантическую репрезентацию, необязательно для успешной деривации предложений с предикатами изменения состояния. В разделе 1.4. мы обсудим альтернативный вариант внедрения данного компонента в семантику: с помощью особого интерпретационного принципа соединения глаголов с малыми клаузами ((von Stechow 1995), (Beck & Johnson 2004), (Beck 2005)).

[13] Наряду с ещё одной интерпретацией – интерпретацией альтернативного агенса (*ALTGAG* от *alternative agent*), при которой пресуппозиция содержит информацию о том, что до этого имело место событие, аналогичное данному, но с другим агенсом. Подробное обсуждение данной интерпретации см. в (Lechner et al. 2015).

существования см. в (Lechner et al. 2015, а также в (Bale 2006)), так как данная интерпретация не будет важна для последующего изложения. Однако пример предложения, в котором данная интерпретация возникает, представлен в (51) (при контексте в (50)).

(50) *John and Mary were in a room with a closed window. Mary/the wind opened the window. John closed it, but later...*
‘Джон и Мэри были в комнате с закрытым окном. Мэри /ветер открыл(а) окно. Джон закрыл его, но позже…’

(адаптировано из (Lechner 2015: 6))

(51) *John opened the window again.*
‘Джон опять открыл окно.’
При контексте в (50): ‘Джон открыл окно, и существует событие, предшествующее данному, которое состоит в том, что кто-то/что-то каузировало окно быть открытым.’

(адаптировано из (Lechner 2015: 6))

Таким образом, синтаксический подход позволяет хорошо объяснить неоднозначность репетитивных морфем при предикатах изменения состояния при предположении о том, что такие предикаты подвергаются лексической декомпозиции в синтаксисе. Возникает вопрос о том, как синтаксический подход объясняет неоднозначность репетитивов при степенных достижениях типа rise (‘подниматься’), результирующее состояние у которых представить как в семантике, так и в синтаксисе довольно затруднительно.

В (von Stechow 1996) многозначность AGAIN при таких предикатах анализируется следующим образом: репетитивная морфема может присоединиться или до, или после внедрения компонента BECOME, что и является причиной наличия двух значений. Проиллюстрируем случай «низкого» присоединения AGAIN (соответствующий каунтер-дирекциональному прочтению при семантическом подходе к полисемии репетитивных морфем) на примере предложений с глаголом *rise* (‘подниматься’). Для этого сначала рассмотрим семантику предложения без репетитивного наречия, предложенную в (von Stechow 1996). Предложение в (52) можно переформулировать как (52a). Предикат ‘температура поднялась’ будет истинным для некоторого события e, если по истечении e температура выше, чем при исходном состоянии до поднятия температуры (pre(e)). Компонент MORE (52c) берёт два свойства степеней (d от *degree*), соответствующих уровню некоторого свойства некоторого объекта при некотором событии, и возвращает 1

в том случае, если максимальная степень обладания объектом свойства при одном событии больше максимальной степени обладания объектом свойства при другом событии. Соответственно, сравнив максимальную степень температуры по завершении события и максимальную степень температуры исходного состояния, предшествующего e (pre(e)), мы сможем сказать, истинен ли предикат ‘температура поднялась’ для данных событий или нет.

(52) *The temperature rose.*
‘Температура поднялась.’
a. Температура стала выше.
b. λe. BECOME(e)(λe’.MORE((λd.d-high(pre(e))(the_temperature))(λd.d-high(e’)(the_temperature)))
c. MORE(D)(D’) = 1 iff max(D’) > max(D)
(адаптировано из (von Stechow 1996: 132) и (Beck 2005: 17))

Теперь добавим в данное предложение репетитивное наречие (AGAIN):

(53) *The temperature rose again.*
a. ‘Температура опять поднялась.’
b. λe. BECOME(e)(**again(**λe’.MORE((λd.d-high(pre(e))(the_temperature))(λd.d-high(e’)(the_temperature))**))**
c. **again(**λe. BECOME(e)(λe’.MORE((λd.d-high(pre(e))(the_temperature))(λd.d-high(e’)(the_temperature)))**)**
(адаптировано из (von Stechow 1996: 132) и (Beck 2005: 17))

В том случае, если AGAIN присоединится между компонентами BECOME и MORE (53b), мы получим такое прочтение, при котором температура могла раньше не подниматься: репетитивная морфема будет вносить пресуппозицию, заключающуюся в том, что в некоторый момент в прошлом температура была выше, чем в начале события e. Таким образом, предложение будет истинным в такой ситуации, при которой температура поднимается после снижения. Если же AGAIN присоединится выше компонента BECOME, то мы получим обычное репетитивное прочтение, при котором ранее имело место событие, состоящее в повышении температуры. Таким образом, синтаксический подход к неоднозначности AGAIN в принципе способен объяснить наличие двух прочтений при

степенных достижениях, хотя и ценой внедрения в синтаксическое представление элементов, которые мы, возможно, не хотели бы постулировать в противном случае.

В дальнейшем обсуждении мы будем следовать синтаксическому подходу к репетитивно-реститутивной полисемии. В особенности нас будет интересовать реститутивное прочтение и связанные с ним вопросы о представлении результирующих состояний в синтаксисе. К рассмотрению некоторых аспектов данной проблематики мы приступим в следующем разделе.

1.4. Реститутивные прочтения: малые клаузы и принцип R

Реститутивная интерпретация репетитивных морфем при синтаксическом подходе появляется вследствие присоединения AGAIN к синтаксической составляющей, соответствующей результирующему состоянию предиката. В связи с этим возникает вопрос о том, какие типы составляющих могут вводить результирующее подсобытие в синтаксическую репрезентацию. В литературе в рамках синтаксического подхода ((von Stechow 1995), (von Stechow 1996), (Snyder 2001), (Beck & Snyder 2001), (Beck & Johnson 2004), (Beck 2005), (Alexiadou et al. 2014), (Lechner et al. 2015)) считается, что такие составляющие – малые клаузы (SC от *small clause*), т.е. соединения некоторого неглагольного предиката с индивидом. Таким образом, в синтаксических конфигурациях, которые содержат малую клаузу, мы ожидаем наличия реститутивного прочтения репетитивов. Как мы видели в предыдущем разделе (1.3.), предикаты изменения состояния типа *open* (‘открыть’) представляется возможным подвергнуть декомпозиции, при которой лексическое значение ‘открыт’ (чаще всего анализируемое в синтаксисе как прилагательное) будет предикатом малой клаузы. Приведём более очевидный пример предложения с малой клаузой, при котором также можно наблюдать репетитивно-реститутивную полисемию (54).

(54) *Sally hammered the metal flat again.*

a. ‘Салли наносила удары молотком по металлу, вследствие чего металл стал плоским, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Салли наносила удары молотком по металлу, вследствие чего металл стал плоским, и метал уже был плоским до этого.’ *RES*

Предложение в (54) представляет собой результативную конструкцию, в которой глагол описывает действие, совершаемое над объектом (*hammer* (‘бить, наносить удары’)), а

вторичный предикат – *flat* (‘плоский’) – описывает состояние объекта, которое возникает в результате совершения с ним действия, описываемого глаголом. Результативные конструкции обычно анализируются как содержащие малую клаузу: вторичный предикат образует составляющую либо с самим прямым дополнением, либо с кореферентным ему нулевым местоимением. Например, von Stechow (1995) предлагает следующую логическую форму для предложения в (54):

(55) [[the metal] [1 [$_{VP}$ Sally [$_{V'}$ t_1 [$_{V'}$ hammered [$_{SC}$ PRO_1 flat]]]]

((von Stechow 1995), цит. по (Beck 2005: 6))

В (55) мы видим, что вторичный предикат соединяется с нулевым местоимением PRO, образуя малую клаузу. Затем глагол соединяется с малой клаузой, после чего присоединяет прямое дополнение, которое выступает контролёром нулевого местоимения малой клаузы. В дальнейшем в структуру вводится внешний аргумент, а прямое дополнение претерпевает передвижение за пределы глагольной группы.

Если структура имеет такой вид как в (55), то присоединение AGAIN к глагольной группе (VP) и к малой клаузе (SC) повлечёт за собой репетитивное и реститутивное прочтения соответственно:

(56) [[the metal] [1 **[again**[$_{VP}$ Sally [$_{V'}$ t_1 [$_{V'}$ hammered [$_{SC}$ PRO_1 flat]]**]**]] *REP*

(57) [[the metal] [1 [$_{VP}$ Sally [$_{V'}$ t_1 [$_{V'}$ hammered **[again**[$_{SC}$ PRO_1 flat]**]**]]] *RES*

Однако при такой структуре возникает вопрос о том, каким образом устроено взаимодействие между событием, заключающемся в нанесении ударов молотком, (описываемым глаголом *hammer*) и состоянием ‘металл плоский’. Интуитивно мы понимаем, что первое событие каузирует (CAUSE) возникновение (BECOME) второго, но каким образом в семантике предложения возникает эта информация? Вносит ли основной предикат *hammer* эти компоненты? Вносит ли вторичный предикат *flat* эти компоненты? Вводятся ли они независимо от предикатов – и если да, то каким образом? Большинство исследователей (например, ((Goldberg 1995), (Jackendoff 1990), (Levin & Rappaport Hovav 1995), (von Stechow 1996), (Beck 2005)) придерживается взгляда, согласно которому компоненты CAUSE и BECOME не привносятся ни одним из предикатов, а вводятся независимо. В предыдущем разделе (1.3.) мы представили подход ((Alexiadou et al. 2014), (Lechner et al. 2015)), согласно которому каузативный компонент CAUSE вводится функциональной проекцией лёгкого глагола. В принципе, можно себе представить и

особую функциональную проекцию, вводящую компонент BECOME. Однако постулировать синтаксические единицы исключительно для получения правильной семантической интерпретации не кажется оптимальным вариантом. В данном разделе мы обсудим подход ((von Stechow 1995), (von Stechow 1996), (Beck 2005)), который позволяет избежать введения компонентов CAUSE и BECOME в синтаксическое представление.

В работе (von Stechow 1995) была выдвинута гипотеза, согласно которой глагол и результативный предикат соединяются с помощью особого принципа семантической интерпретации – принципа R:

(58) **Принцип R**

Если $\alpha = [_{V}\gamma \ _{SC}\beta]$ и β' имеет тип <s, t>, а γ' – тип <e,…<e, <s, t>>> (n-местный предикат), то $\alpha' = \lambda x_1 \ldots \lambda x_n \lambda e.\ \gamma'_e(x_1)\ldots(x_n) \& \exists e' [\text{BECOME}_{e'}(\beta') \& \text{CAUSE}(e')(e)]$.

((von Stechow 1995), цит. адаптирована из (Beck 2005: 7))

Принцип R применяется к глаголам (многоместным предикатам) и малым клаузам (свойствам событий) и позволяет «склеить» их вместе с помощью компонентов BECOME и CAUSE. При этом семантика самих компонентов понимается следующим традиционным образом (для компонента CAUSE – как в (Lewis 1973), для компонента BECOME – как в (Dowty 1979)):

(59) [[BECOME]] (P)(e) = 1 тогда и только тогда, когда e является наименьшим событием, таким, что P не является истинным для состояния, предшествующего e, но P является истинным для результирующего состояния e.

(60) [[CAUSE]] (e')(e) = 1 тогда и только тогда, когда e' произошло, e произошло, и если бы e не произошло, то и e' бы не произошло.

Таким образом, принцип R позволяет интерпретировать соединение глаголов и малых клауз, в частности, позволяет проинтерпретировать такое соединение в результативной конструкции (55):

(61) $[[_{V'}$ hammered $_{SC}$ PRO_1 flat]] =

$\lambda x \lambda y \lambda e.$ hammer(x)(y)(e) & $\exists e'$ [BECOME($\lambda s.$flat(PRO_1)(s))(e') & CAUSE (e')(e)]

В (Beck 2005) выдвигается гипотеза, согласно которой не во всех естественных языках имеется принцип интерпретации R. Если данная гипотеза верна, то в языках, в которых нет принципа R, должно быть невозможно проинтерпретировать соединение глагола и малой клаузы. То есть даже если в этих языках имеется возможность построить малую клаузу и соединить её с глаголом в синтаксисе, предложения должны получаться неграмматичными из-за невозможности их проинтерпретировать. В работах (Beck & Snyder 2001), (Snyder 2001), (Beck 2005) предлагается ввести следующий межъязыковой параметр (62), который должен различать языки, в которых имеется принцип, позволяющий проинтерпретировать соединение глагола и малой клаузы (+R языки), и языки, в которых такого принципа интерпретации не имеется (-R языки).

(62) **Complex Predicate Parameter (Параметр Сложного Предиката):**
Существует единый грамматический параметр, который определяет возможность существования в языке «конструкций со сложными предикатами»: результативных вторичных предикатов, конструкций с двойным дополнением, make-каузативов и других конструкций.

(адаптировано из (Snyder 2001))

Под «конструкциями со сложными предикатами» исследователи понимают такие синтаксические конфигурации, в которых можно предположить наличие малой клаузы. В (Snyder 2001) к ним относятся следующие конструкции:

(63) Конструкции со сложными предикатами:

a. *John painted [the house red]*. — resultative
b. *Mary picked [the book up]*. — verb-particle
c. *Fred made [Jeff leave]*. — make-causative
d. *Fred saw [Jeff leave]*. — perceptual report
e. *Bob put [the book on the table]*. — put-locative
f. *Alice sent [the letter to Sue]*. — to-dative
g. *Alice sent [Sue the letter]*. — double object dative

(адаптировано из (Snyder 2001: 4))

В (63a) представлена результативная конструкция, в (63b) – конструкция с фразовым глаголом (*pick up* (‘поднимать’)), в (63c) – каузатив с глаголом *make* (‘делать’), в (63d) – конструкция с глаголом восприятия, в (63e) – локативная конструкция с глаголом *put*

(‘положить’), в (63f)-(63g) – дитранзитивные клаузы с предложной группой с предлогом *to* (‘к’) и с двумя дополнениями соответственно. Что объединяет данные конструкции? Конструкции в (63) помимо основного предиката (выраженный глаголом), который обозначает совершаемое над пациентивным участником действие, содержат, как кажется, некоторый вторичный предикат, выраженный прилагательным (63a), частицей (63b), другим глаголом (63c)-(63d), предложной группой (63e)- (63f), причем событие, описываемое основным предикатом, каузирует возникновение события, описываемого вторичным предикатом. Таким образом, можно предположить, что во всех данных конструкциях глагол соединяется с малой клаузой некоторого типа. Как можно заметить, конструкция с двумя дополнениями (63g) в некотором смысле отличается от остальных конструкций, представленных в (63): неочевидно, какой элемент клаузы в данном случае является вторичным предикатом. Вопросу о наличии малой клаузы в предложениях типа (63g) будут посвящены разделы 3.1.1.-3.1.2. данного исследования.

В (Beck 2005) предпринимается попытка расклассифицировать ряд языков как +R или -R исходя из того, имеют ли языки конструкции со сложными предикатами типа перечисленных в (63). По итогам её классификации к +R языкам были отнесены английский, немецкий, японский, корейский, мандаринский китайский, к –R языкам – французский, иврит, хинди, испанский. В данном исследовании нас интересует вопрос о том, как ведут себя русский и грузинский относительно Параметра Сложного Предиката – имеется ли в данных языках семантический принцип, позволяющий проинтерпретировать соединение глагола с малой клаузой?

Как в русском (64), так и в грузинском (65) отсутствует результативная конструкция в том виде, в котором она представлена в английском и немецком языках: в клаузу невозможно ввести результативный вторичный предикат, выраженный прилагательным. Значит ли это, что в этих языках нет возможности проинтерпретировать конструкции со сложными предикатами, т.е. нет принципа R? Как кажется, такой вывод был бы слишком поспешным. Как можно увидеть из (65) и (67), в обоих языках имеются средства, позволяющие выразить семантику результативной конструкции:

(64) **Вася покрасил дом красный.*

(65) *Вася покрасил дом в красный.*

(66)	**šota-m*	*saxli*	*çiteli*	*še-γ-eb-a.*
	Шота-ERG	дом.NOM	красный.NOM	PVB-красить-TS-AOR.3SG

Ожидаемое прочтение: ‘Шота покрасил дом в красный.’

(67) *šota-m* *saxli* *ṭitl-ad* *še-ɣ-eb-a.*
Шота-ERG дом.NOM красный-ADV PVB-красить-TS-AOR.3SG
‘Шота покрасил дом в красный.’

Русский язык использует в качестве вторичного предиката предложную группу с предлогом *в*, грузинский язык использует прилагательное в так называемом адвербиальном падеже (Aronson 1990): при присоединении суффикса *-ad-* имена существительные и прилагательные переходят в класс наречий, обретая способность модифицировать глагол. Имеются ли основания полагать, что данные конструкции ((65), (67)) содержат соединение глагола с малой клаузой так же, как результативные конструкции английского и немецкого? Мы считаем, что такие основания имеются: репетитивные наречия (русское *опять* и грузинское *isev* (‘опять’)) демонстрируют репетитивно-реститутивную полисемию в данных конструкциях:

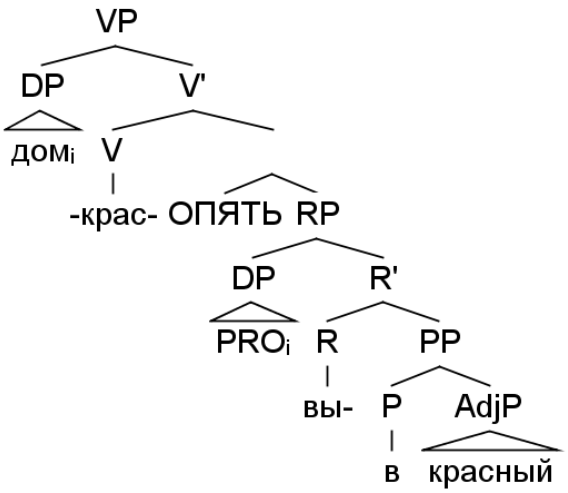
(68) *Вася опять выкрасил дом в красный.*
a. ‘Вася выкрасил дом в красный, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. ‘Вася выкрасил дом в красный, и дом уже был красным до этого.’ *RES*

(69) *šota-m* *isev* *saxli* *ṭitl-ad* *še-ɣ-eb-a.*
Шота-ERG опять дом.NOM красный-ADV PVB-красить-TS-AOR.3SG
‘Шота опять выкрасил дом в красный.’
a. ‘Шота выкрасил дом в красный, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. ‘Вася выкрасил дом в красный, и дом уже был красным до этого.’ *RES*

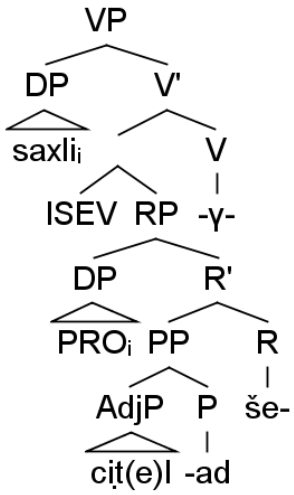
Как можно увидеть в (68)-(69), помимо репетитивного прочтения, при котором всё событие повторяется во второй раз, данные конструкции совместимы с реститутивным прочтением репетитивного наречия, при котором имеет место повторение состояния ‘дом красный’. При синтаксическом подходе к многозначности AGAIN это позволяет сделать предположение, что эти конструкции содержат малую клаузу, к которой AGAIN может присоединиться (рис. 3. в (70)). А значит, несмотря на отсутствие результативной конструкции в том виде, в котором она представлена в английском и немецком, русскому и грузинскому нужен такой семантический принцип, который позволяет проинтерпретировать соединение глагола и малой клаузы.

(70) Рис. 3. Реститутивное прочтение AGAIN в результативных конструкциях русского (a) и грузинского (b).

(a)



(b)



Отметим, что на рис. 3. для нас не являются принципиальными категориальный статус составляющей, соединяющей суффикс *-ad* и прилагательное *ciṭ(e)*[14]*l*, точный тип малой клаузы (мы используем *RP* от *Result Phrase*) и вопрос о содержании вершины малой клаузы (следуя за (Svenonius 2004), мы предполагаем, что некоторые глагольные префиксы могут быть вершинами малых клауз[15]). Существенным для нас на рис. 3. является наличие такой фразы, которая содержит в себе вторичный предикат и коиндексированное прямому дополнению местоимение и не содержит глагольных проекций.

Рассмотрим интерпретации репетитивов в двух других конструкциях ((73)-(74)), альтернативных результативной конструкции английского (71) и немецкого (72).

(71) *John wiped the table clean again.*

‘Джон опять вытер стол дочиста.’

a. ‘Джон вытер стол, в результате чего стол стал чистым, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Джон вытер стол, в результате чего стол стал чистым, и стол уже был чистым до этого.’ *RES*

[14] Данный корень имеет гласный *-e-*, который в ряде форм подвергается синкопе.

[15] Мы обсудим этот вопрос чуть подробнее ниже в данном разделе.

(72) *Johann* *hat* *den* *Tisch* *wieder*
Йоханн иметь.PRS.3SG DEF.m.3SG.ACC стол опять
sauber *gewischt.*
чистый вытирать.PART
‘Йоханн опять вытер стол дочиста.’

a. ‘Йоханн вытер стол, в результате чего стол стал чистым, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Йоханн вытер стол, в результате чего стол стал чистым, и стол уже был чистым до этого.’ *RES*

(73) *Саша опять вытер тарелку дочиста.*

a. ‘Саша вытер тарелку, в результате чего тарелка стала чистой, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Саша вытер тарелку, в результате чего тарелка стала чистой, и тарелка уже была чистой до этого.’ *RES*

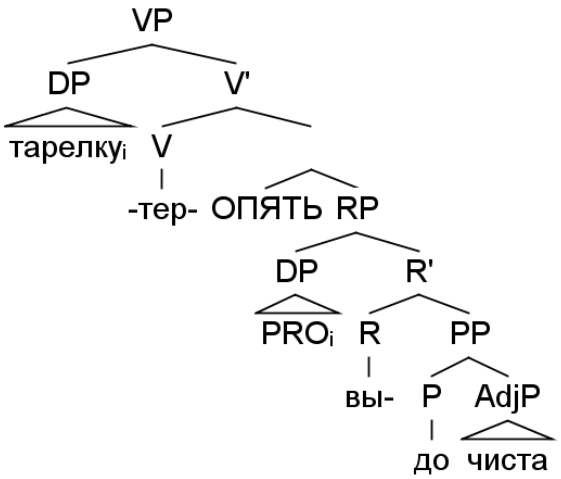
(74) *šota-m* *isev* *mo-a-supt-av-a* *tepši*
Шота-ERG опять PVB-pv-чистый-TS-AOR.3SG тарелка.NOM
‘Шота опять вытер тарелку дочиста.’

a. ‘Шота вытер тарелку, в результате чего тарелка стала чистой, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Шота вытер тарелку, в результате чего тарелка стала чистой, и тарелка уже была чистой до этого.’ *RES*

Иногда в качестве альтернативы результативной конструкции русский язык использует наречия (73), которые выглядят как комбинация предлога с краткой формой прилагательного: *дочиста, досуха, добела*. Мы предположим, что данные формы на самом деле представляют собой предложные группы, которые могут выступать в качестве комплемента малой клаузы. Если в (73) имеется малая клауза, к которой может присоединиться русское *опять* (рис. 4. в (75)), то наличие реститутивного прочтения в (73b) ожидаемо.

(75) Рис. 4. Реститутивное прочтение *опять* в результативной конструкции (73).



Отметим, что реститутивные прочтения *опять* в клаузах с результативными наречиями довольно часто можно встретить в естественной речи:

(76) *«Однако Саша съел свою огромную порцию пельменей с удовольствием и опять дочиста вытер тарелку хлебной корочкой…»*[16]

Рассказ, из которого взято (76), не содержит никакого упоминания предшествующего вытирания Сашей тарелки. Как кажется, скрэмблинг результативного наречия в предглагольную позицию делает реститутивное прочтение более легкодоступным.

Грузинский язык помимо использования адвербиальной формы прилагательного (69) иногда выражает семантику результативной конструкции с помощью отадъективных глаголов (74). Глагол образуется от прилагательного с помощью присоединения тематического суффикса, преверба и предкорневого гласного *-a-*, который в частности употребляется для образования каузативов (77).

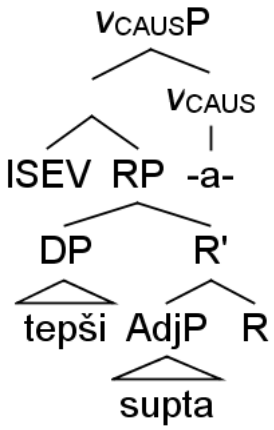
(77) *šota-m* *levan-s* *ɣvino* *da-**a**-lev-in-a*
Шота-ERG Леван-DAT вино.NOM PVB-**pv**-пить-TS-AOR.3SG
‘Шота заставил Левана пить вино.’

Мы предположим, что предкорневой *-a-* является показателем каузативной вершины *v* – v_{CAUS}, в которую входе деривации инкорпорируется прилагательное. Если v_{CAUS} берёт своим комплементом малую клаузу, содержащую прямое дополнение (*tepši* ‘тарелка’) и

[16] Источник: http://e-libra.ru/read/81419-legkie-shagi-bezumiya.html

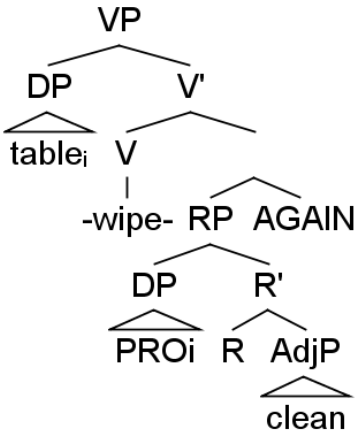
прилагательное (*supta* (‘чистый’)) в качестве вторичного предиката, то в такой структуре репетитивное наречие *isev* (‘опять’) может присоединиться к этой малой клаузе, что приведёт к наблюдаемому реститутивному прочтению.[17]

(78) Рис. 5. Реститутивное прочтение *isev* в результативной конструкции (74).



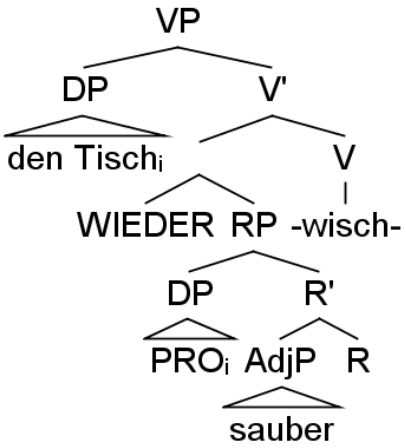
Сравним предложенные нами структуры для русского ((70a), (75)) и грузинского ((70b), (78)) с предполагаемой структурой результативных конструкций в английском ((55), (79)) и немецком (80) языках.

(79) Рис. 6. Реститутивное прочтение *again* в результативной конструкции (71).



[17] В данном случае мы предполагаем, что глагол деривируется в синтаксисе, поэтому в структуре нет группы собственно лексического глагола VP. В связи с этим мы допустили, то прямое дополнение зарождается непосредственно внутри малой клаузы, а не в позиции спецификатора глагола, контролируя находящееся ниже нулевое местоимение (как, например, в (61), (70), (75)). Вопрос о том, где в точности внутренний аргумент входит в деривацию, не является для нас принципиальным. Однако см. обсуждение в разделе 1.5.2.

(80) Рис. 7. Реститутивное прочтение *wieder* в результативной конструкции (72)



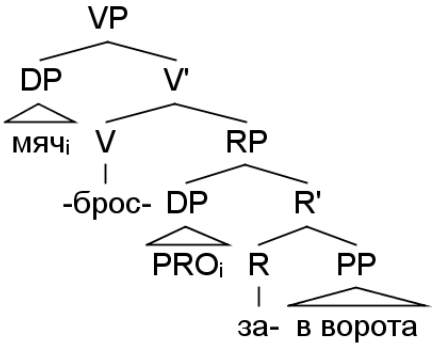
Как можно заметить, русский и грузинский отличаются от английского и немецкого не отсутствием малой клаузы в результативных конструкциях, а тем, что вершина малой клаузы берёт в качестве своего комплемента. В английском (79) и немецком (80) комплементом вершины малой клаузы выступает группа прилагательного. В русском языке вершина малой клаузы берёт комплементом предложную группу ((70a), (75)). В грузинском языке вершина малой клаузы или берёт комплементом предложную группу (70b) или такое прилагательное, которое в ходе деривации подвергнется инкорпорации в глагол (78). Таким образом, невозможность результативов в русском и грузинском ровно в той форме, в которой они возможны в других языках (с неинкорпорированным прилагательным) ничего не говорит о наличии принципа R в этих языках. Наоборот, возможность реститутивных прочтений в вышеописанных результативных конфигурациях свидетельствует о возможности строить и интерпретировать конструкции со сложными предикатами как в русском, так и в грузинском.

Наконец, рассмотрим ещё один аргумент в пользу наличия малых клауз в русском и грузинском. В работе (Svenonius 2004) была высказана гипотеза, согласно которой лексические префиксы глаголов русского языка входят в деривацию как вершины малых клауз, которые глаголы берут своими комплементами. Например, в предложении (81) лексический префикс *за-* исходно является вершиной малой клаузы, в которую входит кореферентное прямому дополнению нулевое местоимение (PRO_i)[18] и предложная группа *в ворота* (рис. 8. в (82)).

[18] Как и в предыдущих случаях, для нас не принципиально, порождается ли прямое дополнение внутри малой клаузы или контролирует нулевое кореферентное местоимение, находящееся в ней.

(81) *Вася забросил мяч в ворота.*

(82) Рис. 8. Лексические префиксы как вершины малых клауз (81).



Проверим гипотезу о наличии малой клаузы в данном предложении, рассмотрев возможность в нём реститутивного прочтения *опять*. Как можно увидеть из (84), репетитивное наречие может иметь как репетитивную, так и реститутивную (например, при контексте в (83)) интерпретацию. При синтаксическом подходе к неоднозначности AGAIN это свидетельствует о наличии в синтаксической структуре сложного предиката, содержащего составляющую, соответствующую результирующему состоянию ‘мяч в воротах’.

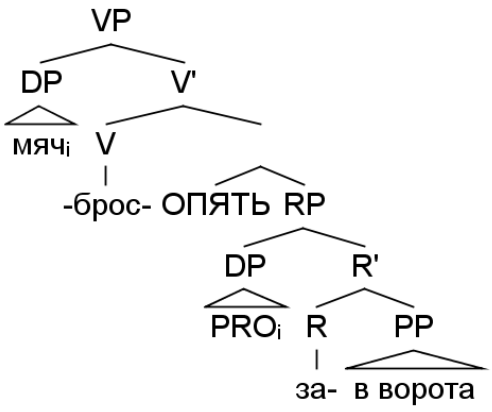
(83) Контекст для реститутивного прочтения (84):
Этот мяч всегда, сколько мы помним, лежал внутри ворот. Потом кто-то заметил его и выбросил из ворот. Вася нашёл мяч…

(84) *Вася опять забросил мяч в ворота.*

a. ‘Вася забросил мяч в ворота, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Вася забросил мяч в ворота, и мяч уже был в воротах до этого.’ *RES*

(85) Рис. 9. Реститутивное прочтение в конструкции с лексическим префиксом как вершиной малой клаузы в русском языке (84).



Если предложенная в (Svenonius 2004) гипотеза верна, то многие клаузы русского языка содержат малые клаузы. Рассмотрим ещё один пример (87) и его аналог в грузинском языке (88), в котором также имеется система аспектуальных глагольных префиксов.

(86) Контекст для реститутивных прочтений (87)-(88):
Вася /Шота никогда прежде не был на вершине этой горы. Однажды он летел на воздушном шаре, и впервые приземлился на эту вершину. Он спустился вниз, чтобы посмотреть на долину, а затем…

(87) *Вася опять забрался на гору.*
a. ‘Вася забрался на гору, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. ‘Вася забрался на гору, и он уже был на горе до этого.’ *RES*

(88)

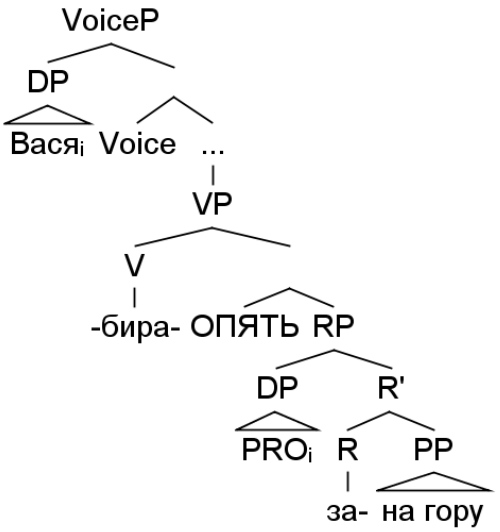
šota	*isev*	*a-vid-a*	*mta-ze*
Шота.NOM	опять	PVB-забираться-AOR.3SG	гора-на

‘Шота опять забрался на гору.’
a. ‘Шота забрался на гору, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. ‘Шота забрался на гору, и он уже был на горе до этого.’ *RES*

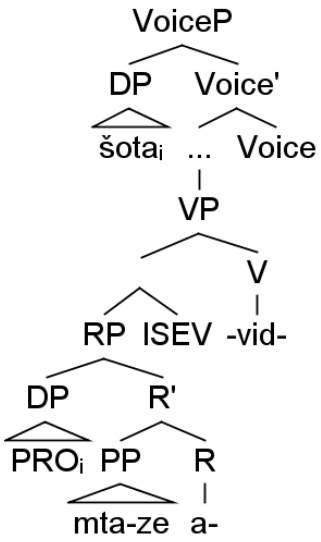
Как можно увидеть из (87)-(88), в обоих языках данное предложение может иметь реститутивное прочтение (оба предложения совместимы с контекстом в (86)), при котором повторяется состояние ‘Вася / Шота на горе’. Это позволяет предположить наличие малой клаузы в конструкциях с лексическими префиксами в обоих языках (рис. 10. в (89)).

(89) Рис. 10. Реституативные прочтения в конструкциях с лексическими префиксами как вершинами малых клауз в русском (a) и грузинском (b) языках.

(a)



(b)



Подводя итог, можно заключить, что и русский, и грузинский[19] – такие языки, в которых существует способ проинтерпретировать соединение глагола и малой клаузы. Если за интерпретацию такого рода действительно отвечает принцип R ((von Stechow 1995), (Beck 2005)), то в данных языках этот принцип присутствует – их нельзя отнести к языкам с отрицательным значением Параметра Сложного Предиката ((Beck & Snyder 2001), (Snyder 2001), (Beck 2005)). Существование принципа R в том виде, в котором он сформулирован в (Snyder 2001), однако кажется сомнительным: предложенный перечень конструкций со сложными предикатами (63) не является ни обязательным (например, в русском языке нет фразовых глаголов, но малые клаузы имеются), ни достаточным (например, в английском

[19] В грузинском языке существует ещё несколько конструкций, которые претендуют на наличие в них малой клаузы, например, наблюдаемые в следующих предложениях:

(i) *Levan-s* *ḳari* *qoveltvis* *γia* *hkonda*
Леван-DAT дверь.NOM всегда открытый.NOM 3SG.иметь.AOR.3SG
‘У Левана дверь всегда открытая.’

(ii) *Tanyas* *Nino* *mtvrali* *mo-e-čven-a*
Таня.DAT Нино.NOM пьяный.NOM PVB-pv-показаться-AOR.3SG
‘Тане Нино пьяной показалась.’

Если предложения в (i)-(ii) действительно содержат малые клаузы, то это является ещё одним аргументом в пользу наличия принципа R или его эквивалента в грузинском языке. Однако мы оставляем данный вопрос для дальнейших исследований.

языке нет результативных конструкций с наречиями типа *дочиста*) для определения того, имеет ли язык малые клаузы и умеет ли интерпретировать их соединение с глаголом. Может оказаться, что принцип R или некоторый его эквивалент присутствует на самом деле во всех языках, а межъязыковое различие связано с другими факторами – например, с селективными ограничениями, накладываемыми вершинами малых клауз на их комплементы, или с возможностью нулевого выражения вершины малой клаузы. В некотором смысле, универсальность принципа R более желательна с концептуальной точки зрения: логичнее допустить вариативность в наборе функциональных и лексических единиц и их селективных свойствах (потому что такая вариативность нам в любом случае необходима для объяснения многих грамматических явлений), чем в доступности важного принципа семантической интерпретации.

1.5. Типология репетитивов

В данном разделе мы обсудим то, как репетитивные морфемы различаются с точки зрения их способности «видеть» лексическую декомпозицию предикатов в синтаксисе (раздел 1.5.1.) и с точки зрения их линейного и структурного расположения в клаузах (раздел 1.5.2.). Также мы затронем вопрос о существовании таких репетитивов, которые являются модификаторами предложных групп (1.5.3.).

1.5.1. Реститутивные прочтения и Параметр Видимости

Репетитивные морфемы как в разных языках, так и внутри одного языка различаются по своим способностям присоединяться к различным составляющим в синтаксической репрезентации подвергнувшегося декомпозиции предиката. Так, например, в то время как немецкое репетитивное наречие *wieder* (‘опять’) может модифицировать результирующее состояние лексических свершений типа *öffnen* (‘открыть’), наречие *erneut* (‘опять’) со схожей семантикой этого не может, что можно увидеть из примеров (90)-(91), где *wieder* имеет как репетитивную, так и реститутивную интерпретации, в то время как *erneut* – только репетитивную.

(90)	*Maria*	*hat*	*die*	*Tür*	*wieder*
	Мария	иметь.PRS.3SG	DEF.f.3SG.ACC	дверь	опять
	geöffnet.				
	открыть.PART				

a. ‘Мария открыла дверь, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Мария открыла дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ *RES*

((Rapp & von Stechow 1999), цит. по (Beck 2005: 12))

(91) Maria hat die Tür erneut geöffnet.
Мария иметь.PRS.3SG DEF.f.3SG.ACC дверь опять открыть.PART

a. ‘Мария открыла дверь, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. *‘Мария открыла дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ **RES*

((Rapp & von Stechow 1999), цит. по (Beck 2005: 12))

Не только репетитивы, но и другие наречия, способные теоретически «заглядывать» в декомпозицию предиката (далее D-наречия от *decomposition adverbs*), различаются по возможности модифицировать результирующие состояния. Так, например, английское *almost* (‘почти’) может модифицировать как всё событие, обозначаемое предикатом, так и только его результирующе состояние, как можно видеть из возможности двух интерпретаций в (92), а немецкое *fast* (‘почти’) со схожей семантикой может иметь только одно прочтение: почти произошло всё событие (93).

(92) *The dwarves almost closed the door*.
‘Гномы почти закрыли дверь.’

a. ‘Почти произошло событие, состоящее в закрытии гномами двери.’
b. ‘Гномы что-то сделали, что привело к тому, что дверь стала почти закрытой.’

((Rapp & von Stechow 1999), цит. по (Beck 2005: 12))

(93) ... *weil Ottilie die Tür fast schloss.*
…потому.что Оттилия DEF.f.3SG.ACC дверь почти закрыть.PRT.3SG
‘…потому что Оттилия почти закрыла дверь.’

a. ‘…потому что почти произошло событие, состоящее в закрытии Оттилией двери.’
b. *‘…потому что Оттилия что-то сделала, что привело к тому, что дверь стала почти закрытой.’

((Rapp & von Stechow 1999), цит. по (Beck 2005: 12))

Наблюдение, что D-наречия в разных языках и внутри одного языка различаются по своей способности видеть результирующее состояние предикатов, являющихся лексическими свершениями (т.е., предикатов типа немецкого *öffnen* (‘открыть’) и *schließen* (‘закрывать’)), привело Rapp & von Stechow (1999) к формулированию следующего параметра варьирования – Параметра Видимости (Visibility Parameter).

(94) **Параметр Видимости для D-наречий**
D-наречие может / не может присоединяться к фразе с фонетически нулевой вершиной.
((Rapp & von Stechow 1999), цит. по (Beck 2005: 13))

Параметр Видимости в том виде, как он сформулирован в (Rapp & von Stechow 1999), предполагает инкорпорацию прилагательного в глагольную вершину (95). Группа прилагательного, являющаяся комплементом глагола в декомпозиционной структуре, таким образом имеет нулевую вершину. Соответственно, Параметр Видимости предполагает, что для некоторых D-наречий модификация такой группы прилагательного будет невозможна, и их соответствующее «низкое» прочтение будет отсутствовать при лексических свершениях.

(95) [Maria [$_{VP}$ [Ø + *offen*$_{Adj}$] V [$_{AP}$ t [die Tür]]
(адаптировано из (Beck 2005))

Оказалось, что обобщения в (94) не достаточно для того, чтобы описать свойства D-наречий в языках: одни и те же наречия могут иметь одинаковые (не)возможности присоединения в структуре с лексическими свершениями, но другие свойства, например, в результативных конструкциях. Например, в (91) и (93) мы наблюдали, что немецкое репетитивное наречие *erneut* (‘опять’) и D-наречие *fast* (‘почти’) оба не способны модифицировать результирующее состояние в клаузах с лексическими свершениями. Однако, как показывают примеры (96)-(97), *fast* способно модифицировать результирующее состояние в результативной конструкции, а *erneut* не способно: реститутивное прочтение в (97), при котором повторяется состояние ‘стол чистый’ оказывается недоступным.

(96)	...weil	Ottilie	den	Tisch	fast
	…потому.что	Оттилия	DEF.m.3SG.ACC	стол	почти

sauber gewischt hat

чистый вытирать.PART иметь.PRS.3SG

‘…потому что Оттилия почти дочиста вытерла стол.’

a. ‘…потому что почти произошло событие, состоящее в вытирании Оттилией стола дочиста.’

b. ‘…потому что Оттилия что-то сделала, что привело к тому, что стол стал почти чистым.’

(адаптировано из (Beck 2005: 13))

(97) ...weil Ottilie den Tisch erneut

…потому.что Оттилия DEF.m.3SG.ACC стол опять

sauber gewischt hat

чистый вытирать.PART иметь.PRS.3SG

‘…потому что Оттилия опять дочиста вытерла стол.’

a. ‘…потому что Оттилия вытерла стол дочиста, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘…потому что Оттилия вытерла стол дочиста, и стол уже был чистым до этого.’ **RES*

(адаптировано из (Beck 2005: 13))

Beck (2005) приходит к выводу, что классификация D-наречий устроена более сложным образом: все наречия могут модифицировать полноценные синтаксические группы (глагольные группы со всеми их зависимыми), некоторые наречия (английские *again* (‘опять’) и *almost* (‘почти’), немецкие *wieder* (‘опять’) и *fast* (‘почти’)) также могут модифицировать результирующие состояния в конструкциях со сложными предикатами (результативные конструкции и некоторые другие, см. (63)), и только некоторое подмножество последних (английские *again* (‘опять’) и *almost* (‘почти’), немецкое *wieder* (‘опять’)) может заглядывать в лексическую декомпозицию таких предикатов как лексические свершения. Таким образом, Параметр Видимости приобретает следующий вид:

(98) **Модифицированный Параметр Видимости**

D-наречие может модифицировать:

(i) только независимые синтаксические составляющие; *erneut*

(ii) любую группу с фонетически выраженной вершиной; *fast*

(iii) любую группу. *wieder, again, almost*

Дефолтное значение параметра – (i).

(адаптировано из (Beck 2005: 14))

Заметим, что для Beck (2005) независимые синтаксические составляющие эквивалентны полным глагольным группам, группы с фонетически выраженной вершиной – результирующим состояниям в структурах со сложными предикатами, в которых вторичный предикат не претерпевает инкорпорации в глагольную вершину. Возможность модифицировать любую группу подразумевает возможность «видеть» результирующее состояние лексических свершений.

Рассмотрим вопрос о том, к какой категории D-наречий относятся русское репетитивное наречие *опять* и грузинское репетитивное наречие *isev*. Согласно дефолтному значению Модифицированного Параметра видимости, репетитивы могут модифицировать глагольные группы. Могут ли русский и грузинский репетитивы модифицировать другие синтаксические составляющие? Как мы видели в предыдущем разделе (1.4.), русское *опять* и грузинское *isev* способны модифицировать вторичные предикаты в результативных конструкциях (например, (69) и (73), повторенные ниже как (100) и (99) соответственно), а значит, они как минимум относятся к категории D-наречий, которые могут модифицировать «любую группу с фонетически выраженной вершиной» (ii).

(99) *Саша опять вытер тарелку дочиста.*

a. ‘Саша вытер тарелку, в результате чего тарелка стала чистой, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Саша вытер тарелку, в результате чего тарелка стала чистой, и тарелка уже была чистой до этого.’ *RES*

(100) *šota-m* *isev* *saxli* *çitl-ad* *še-γ-eb-a.*

Шота-ERG опять дом.NOM красный-ADV PVB-красить-TS-AOR.3SG

‘Шота опять выкрасил дом в красный.’

a. ‘Шота выкрасил дом в красный, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Вася выкрасил дом в красный, и дом уже был красным до этого.’ *RES*

Более того, оба репетитивных наречия могут модифицировать результирующее состояние лексических свершений, а значит, согласно предложенному параметру, относятся к

наиболее «зрячим» D-наречиям, способным модифицировать любое результирующее состояние, представленное в синтаксической репрезентации (iii). Способность русского *опять* «видеть» декомпозицию предикатов типа *открыть* мы уже наблюдали в (40), приведём здесь данный пример с минимальными изменениями:

(101) *Вася опять открыл дверь.*

a. ‘Вася открыл дверь, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Вася открыл дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ *RES*

Как можно увидеть в (101), *опять* может иметь реститутивное прочтение в клаузах с лексическими свершениями: возможна интерпретация, при которой повторяется состояние ‘дверь открыта’. То же верно для грузинского *isev*, как можно наблюдать из предложения в (102):

(102) *is* *ḳari* *qoveltvis* *iqo* *ɣia.* *gušin*
этот дверь.NOM всегда быть.AOR.3SG открытый вчера
is *ṗirvelad* *daxures.*
этот впервые закрыть.AOR.3PL
šota-m *ḳari* *isev* *ga-a-ɣ-o.*
Шота-ERG дверь.NOM опять PVB-pv-открыть-AOR.3SG
Реститутивное прочтение: ‘Эта дверь всегда была открыта, вчера её впервые закрыли. Шота опять открыл дверь.’

Приведём ещё пару примеров на возможность реститутивных прочтений *опять* и *isev* при лексических свершениях, с глаголами опустошить и dacala (‘опустошить’):

(103) *Вася опять опустошил бутылку.*

a. ‘Вася опустошил бутылку, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Вася опустошил бутылку, и бутылка уже была пустая до этого.’ *RES*

(104) *es* *botli* *qoveltvis* *iqo* *carieli*
этот бутылка.NOM всегда быть.AOR.3SG пустой
dɣes *es* *ṗirvelad* *saves* *iqo*
сегодня этот впервые полный быть.AOR.3SG

šota-m	*botli*	*isev*	*da-cal-a*
Шота-ERG	бутылка.NOM	опять	PVB-опустошить-AOR.3SG

Реститутивное прочтение: ‘Эта бутылка всегда была пустой. Сегодня она впервые стала наполненной. Шота опять опустошил бутылку.’

Примеры в (103)-(104) показывают, что как в русском, так и в грузинском репетитивные наречия при предикате ‘опустошить’ могут иметь реститутивную интерпретацию, при которой повторяется состояние ‘бутылка пустая’.

Таким образом, можно заключить, что по своей способности «видеть» результирующие состояния в лексической декомпозиции предикатов в синтаксисе русское *опять* и грузинское *isev* ничем не отличаются от английского *again* и немецкого *wieder*: все вышеперечисленные наречия относятся к самым «зрячим» согласно Параметру Видимости.

1.5.2. Предглагольные репетитивы: структурный анализ многозначности

Одной из привлекательных черт синтаксического подхода к репетитивно-реститутивной полисемии является способность объяснить разный набор возможных интерпретаций репетитивов при различном порядке слов. Обратимся ещё раз к примерам (34)-(37), повторённым ниже как (105)-(108).

(105) *Thilo opened the door again.*

a. ‘Тило открыл дверь, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Тило открыл дверь, и ранее дверь была открыта до этого.’ *RES*

(адаптировано из (Beck & Johnson 2004: 112))

(106) *Thilo again opened the door.*

a. ‘Тило открыл дверь, и это происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Тило открыл дверь, и ранее дверь была открыта до этого.’ **RES*

(адаптировано из (Beck & Johnson 2004: 112))

(107)

Ali Baba	*Sesam*	*wieder*	*öffnete.*
Али Баба	Сезам	опять	открыл

a. ‘Али Баба открыл Сезам, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Али Баба открыл Сезам, и Сезам был открыт до этого.’ *RES*

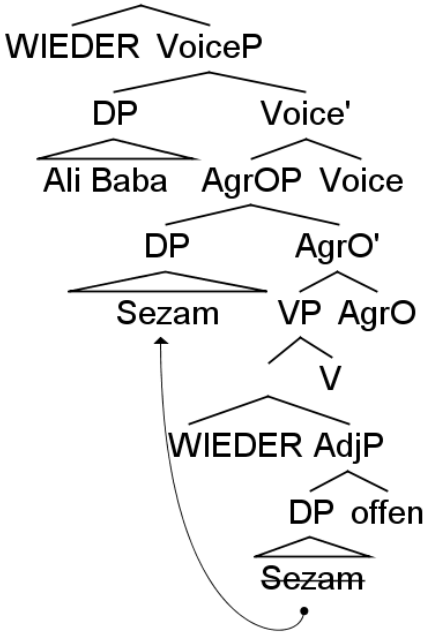
(адаптировано из (von Stechow 1996: 88))

(108) *Ali Baba* *wieder* *Sesam* *öffnete.*
Али Баба опять Сезам открыл
a. ‘Али Баба открыл Сезам, и это происходило до этого.’ *REP*
b. *‘Али Баба открыл Сезам, и Сезам был открыт до этого.’ **RES*
(адаптировано из (von Stechow 1996: 88))

Как можно заметить, возможность реститутивной интерпретации AGAIN и в английском, и в немецком зависит от расположения репетитивного наречия в клаузе. В немецком языке реститутивное прочтение возможно в том случае, если *wieder* непосредственно предшествует глаголу (107), английское *again* имеет реститутивную интерпретацию только находясь в конце предложения (105). Как синтаксический подход объясняет взаимосвязь позиции AGAIN и наличия реститутивного прочтения в этих языках?

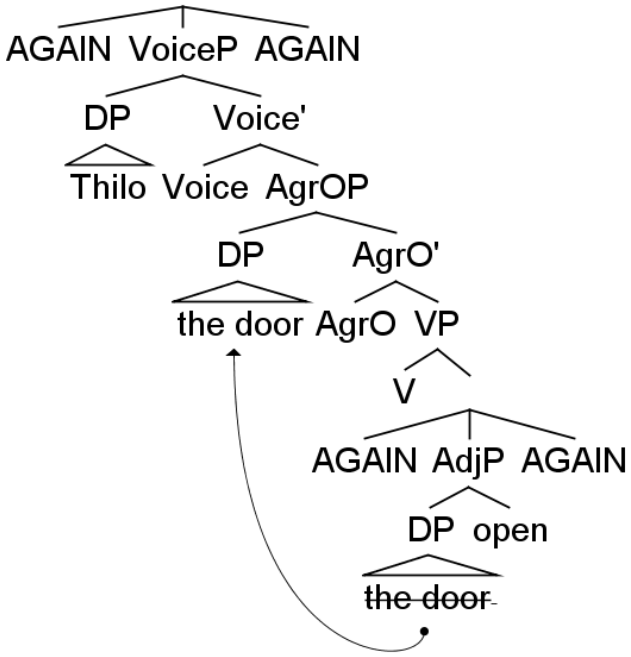
В (von Stechow 1996) была высказана гипотеза, согласно которой прямое дополнение в немецких клаузах с лексическими свершениями порождается внутри малой клаузы / группы прилагательного, а затем подвергается передвижению в некоторую более высокую позицию (Spec, AgrOP) для получения аккузативного падежа. Репетитивное наречие *wieder* может присоединиться или к малой клаузе, или к полной глагольной группе (VoiceP) (рис. 11. в (109)). Когда оно присоединяется к малой клаузе, оно обязательно следует за прямым дополнением, передвинувшемся в более высокую позицию ради получения падежа. Когда *wieder* присоединяется к глагольной группе, оно может либо предшествовать прямому дополнению (если прямое дополнение не претерпевает дальнейших передвижений), либо следовать за прямым дополнением (если прямое дополнение совершает некоторое дополнительное передвижение в ещё более высокую позицию). Невозможна такая конфигурация, при которой *wieder* присоединяется к малой клаузе и предшествует прямому дополнению: такой порядок слов соответствовал бы структуре, при которой прямое дополнение осталось внутри малой клаузы, а значит, не получило бы падеж. При предположении о наличии в грамматике падежного фильтра, запрещающего произносимым именным группам оставаться беспадежными, такая деривация не может сойтись, что хорошо соотносится с отсутствием реститутивного прочтения в (108).

(109) Рис. 11. Зависимость набора прочтений *wieder* от порядка слов ((107)-(108)).



Для объяснения взаимодействия порядка слов с набором прочтений репетитивного наречия в английском языке нам, как кажется, достаточно допустить одно отличие английского *again* от немецкого *wieder*: *again* может выступать как левосторонним, так и правосторонним адъюнктом при составляющих, с которыми оно соединяется. Напомним, что при рассматриваемом анализе прилагательное малой клаузы подвергается инкорпорации в глагольную вершину, а прямое дополнение претерпевает передвижение в некоторую более высокую позицию для получения падежа. Так как в английском языке глагол расположен слева по отношению к своему комплементу, то после инкорпорации прилагательного и передвижения прямого дополнения репетитивное наречие оказывается самым крайним (справа) произносимым материалом вне зависимости от того, являлось ли оно левосторонним или правосторонним адъюнктом к малой клаузе (рис. 12. в (110)).

(110) Рис. 12. Зависимость набора прочтений *again* от порядка слов ((105)-(106)).



В том случае, если *again* выступает правосторонним адъюнктом к полной глагольной группе (VoiceP), то мы также будем линейно наблюдать репетитивное наречие в самом конце предложения. Таким образом, три из четырёх потенциально возможных мест присоединения *again* приводят к предложению в (105): левосторонняя и правосторонняя адъюнкция к малой клаузе позволяет получить реститутивное прочтение, правосторонняя адъюнкция к глагольной группе приводит к репетитивной интерпретации. Остаётся ещё одно возможное место присоединения *again* – левосторонняя адъюнкция к VoiceP. Присоединение слева в качестве адъюнкта глагольной группы приводит к репетитивной интерпретации и предложению в (106). Как можно заметить, (106) не может возникать при присоединении *again* к малой клаузе при данном анализе, что объясняет невозможность реститутивного прочтения *again* в данном предложении.

Рассмотрим вопрос о взаимодействии порядка слов и набора возможных интерпретаций для русского репетитивного наречия *опять* и грузинского *isev*. Данные репетитивы отличаются от своих эквивалентов в английском и немецком языках тем, что при нейтральной информационной структуре они всегда предшествуют глаголу. Как мы видели в предыдущих разделах (1.4., 1.5.1.), находясь в предглагольной позиции, эти репетитивы могут иметь как репетитивную, так и реститутивную интерпретацию. Проиллюстрируем данный факт ещё раз в предложениях с лексическими свершениями: ‘открыть’ ((111), (115)), ‘опустошить’ ((112), (116)), ‘очистить’ ((113), (117)), ‘высушить’ ((114), (118)).

(111) *Вася **опять** открыл дверь.*

a. ‘Вася открыл дверь, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Вася открыл дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ *RES*

(112) *Вася **опять** опустошил бутылку.*

a. ‘Вася опустошил бутылку, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Вася опустошил бутылку, и бутылка уже была пустая до этого.’ *RES*

(113) *Вася **опять** очистил стол.*

a. ‘Вася очистил стол, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Вася очистил стол, и стол уже был чистым до этого.’ *RES*

(114) *Вася **опять** высушил полотенце.*

a. ‘Вася высушил полотенце, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Вася высушил полотенце, и полотенце уже было сухим до этого.’ *RES*

(115) *šota-m* *ḳari* ***isev*** *ga-a-γ-o*

Шота-ERG дверь.NOM опять PVB-pv-открывать-AOR.3SG

‘Шота опять открыл дверь.’

a. ‘Шота открыл дверь, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Шота открыл дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ *RES*

(116) *šota-m* *botli* ***isev*** *da-cal-a*

Шота-ERG бутылка.NOM опять PVB-опустошать-AOR.3SG

‘Шота опять опустошил бутылку.’

a. ‘Шота опустошил бутылку, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Шота опустошил бутылку, и бутылка уже была пустой до этого.’ *RES*

(117) *šota-m* *magida* ***isev*** *ga-a-suptav-a*

Шота-ERG стол.NOM опять PVB-pv-чистить-AOR.3SG

‘Шота опять очистил стол.’

a. ‘Шота очистил стол, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Шота очистил стол, и стол уже был чистым до этого.’ *RES*

(118) *levan-ma* *p̣irsaxoci* ***isev*** *ga-a-šr-o*
Леван-ERG полотенце.NOM опять PVB-pv-сушить -AOR.3SG
'Шота опять высушил полотенце.'
a. 'Шота высушил полотенце, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. 'Шота высушил полотенце, и полотенце уже было сухим до этого.' *RES*

Возможны ли другие позиции для репетитивных наречий в этих языках, и если возможны, какие в них будут наблюдаться интерпретации? Будут ли различные порядки слов отображать различные места присоединения репетитивов в этих языках?

Обратимся сначала к материалу русского языка. Единственный порядок слов, при котором реститутивная интерпретация оказывается совершенно невозможна, – порядок, при котором опять стоит в начале предложения:

(119) ***Опять*** *Вася открыл дверь.*
a. 'Вася открыл дверь, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. *'Вася открыл дверь, и дверь уже была открыта до этого.' **RES*

Можно предположить, что в данном случае *опять* присоединяется к большей составляющей, чем глагольная группа – например, ко всей клаузе (TP), и, таким образом, модифицирует всё событие, описываемое предикатом. Остальные же возможные позиции *опять* никак не коррелируют с набором возможных прочтений:

(120) *Вася открыл дверь* ***опять.***
(маркировано с точки зрения информационной структуры)
a. 'Вася открыл дверь, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. 'Вася открыл дверь, и дверь уже была открыта до этого.' *RES*

(121) *Вася открыл* ***опять*** *ДВЕРЬ.* (фокус на прямом дополнении)
a. 'Вася открыл именно ДВЕРЬ, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. 'Вася открыл именно ДВЕРЬ, и дверь уже была открыта до этого.' *RES*

Как можно увидеть из (120)-(121), расположение *опять* в конце предложения и непосредственно перед прямым дополнением имеет последствия для информационной структуры, но не для интерпретации репетитивов: оба предложения совместимы как с репетитивным, так и с реститутивным прочтением. Предложение в (120) представляется

носителям стилистически маркированным, предложение в (121) имеет интерпретацию, при которой на прямом дополнении возникает фокусное выделение. В дальнейшем мы не будем рассматривать предложения с *опять* в конце предложения (120), оставив вопрос о деривации таких предложений для будущих исследований. Что касается предложений с *опять* перед прямым дополнением в фокусе, мы вернёмся к обсуждению их деривации в ходе сравнения с материалом грузинского языка.

Как мы уже говорили, в грузинском языке при нейтральной информационной структуре репетитивное наречие *isev* находится в предглагольной позиции, причём прямое дополнение в данном случае может как находиться как перед репетитивом ((115)-(118)), так и после глагола (122)-(123) – его расположение не влияет на набор интерпретаций.

(122) *šota-m* ***isev*** *ga-a-ɣ-o* *ḳari*
Шота-ERG опять PVB-pv-открывать-AOR.3SG дверь.NOM
'Шота опять открыл дверь.'
a. 'Шота открыл дверь, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. 'Шота открыл дверь, и дверь уже была открыта до этого.' *RES*

(123) *šota-m* ***isev*** *da-cal-a* *botli*
Шота-ERG опять PVB-опустошать-AOR.3SG бутылка.NOM
'Шота опять опустошил бутылку.'
a. 'Шота опустошил бутылку, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. 'Шота опустошил бутылку, и бутылка уже была пустой до этого.' *RES*

Грузинский язык является языком с предглагольным фокусом, и можно наблюдать интересные эффекты при расположении аргументов клаузы между репетитивом *isev* и глаголом: именная группа в такой позиции выступает в роли контрастивного фокуса.

Рассмотрим сначала случай, при котором между *isev* и глаголом находится прямое дополнение (ISEV – DO – V) ((124)-(125)). Наличие контрастивного фокуса на прямом дополнение порождает альтернативы (Rooth 1992) вида 'Шота открыл X' {Шота открыл окно, Шота открыл дверь, Шота открыл шкаф…} для (124) и 'Леван очистил X' {Леван очистил стол, Леван очистил стул, Леван очистил подоконник…} для (125). В предложениях утверждается, что из всего множества альтернатив верна именно та, где X – прямое дополнение ('Шота открыл дверь' для (124), 'Леван очистил стол' для (125)). Отметим, что вводимые контрастивным фокусом альтернативы находятся в ассертивном компоненте высказывания и, как кажется, не затрагивают пресуппозицию, вводимую

репетитивным наречием. Оба рассматриваемых предложения с порядком ISEV – DO – V совместимы как с репетитивным, так и с реститутивным прочтениями (см. сценарии для последнего в (124c) и (125c)).

(124) *šota-m* ***isev*** ***ḳari****[FOCUS]* *ga-a-ɣ-o*
Шота-ERG опять дверь.NOM PVB-pv-открывать-AOR.3SG
'Шота открыл опять ДВЕРЬ.'

a. Совместимо с REP с альтернативами:
Ассерция: Шота открыл именно ДВЕРЬ, а не что-то ещё (не окно, не шкаф…).
Пресуппозиция: Шота открывал дверь до этого.

b. Совместимо с RES с альтернативами:
Ассерция: Шота открыл именно ДВЕРЬ, а не что-то ещё (не окно, не шкаф…).
Пресуппозиция: Дверь была открыта до этого.

c. Сценарий для RES с альтернативами:
В комнате было открыто много вещей: окно, дверь, шкаф. Потом кто-то закрыл все эти вещи. Шота вошел в комнату, и опять ДВЕРЬ (а не окно, шкаф…) открыл.

(125) *levan-ma* ***isev*** ***magida****[FOCUS]* *ga-a-suptav-a*
Леван-ERG опять стол.NOM PVB-pv-чистить-AOR.3SG
'Леван очистил опять СТОЛ.'

a. Совместимо с REP с альтернативами:
Ассерция: Леван очистил именно СТОЛ, а не что-то ещё (не стул, не подоконник…).
Пресуппозиция: Леван очищал стол до этого.

b. Совместимо с RES с альтернативами:
Ассерция: Леван очистил именно СТОЛ, а не что-то ещё (не стул, не подоконник…).
Пресуппозиция: Стол был чистым до этого.

c. Сценарий для RES с альтернативами:
В ресторан завезли много новых чистых вещей: стол, стулья, шкаф. После этого в ресторане было большое мероприятие, и все новые вещи стали грязными. Левану сказали убраться, но он не почистил все вещи. Он опять именно СТОЛ (а не другие предметы) почистил.

Теперь обратимся к тем случаям, когда между *isev* и глаголом находится подлежащее (ISEV – SUBJ – V) ((126)-(127)). В данных предложениях подлежащее оказывается в контрастивном фокусе, что порождает альтернативы вида ‘X открыл дверь’ {Шота открыл дверь, Леван открыл дверь, Гиви открыл дверь…} для (126) и вида ‘X очистил стол’ {Шота очистил стол, Леван очистил стол, Гиви очистил стол…} для (127). В ассертивном компоненте утверждается, что из множества альтернатив имело место именно та, где X – подлежащее (‘Шота открыл дверь’ для (126), ‘Леван очистил стол’ для (127)). При порядке слов ISEV – SUBJ – V предложения оказываются совместимы с репетитивным сценарием и не совместимы с реститутивным. Однако положение дел оказывается ещё более интересным: репетитивная интерпретация в данных предложениях возможна, но не обязательна. И (126), и (127) совместимы с таким сценарием, при котором ранее не происходило события, описываемого предикатом (не было предшествующего события открытия Шотой двери / очищения Леваном стола). Репетитивное наречие при таком употреблении вводит пресуппозицию, что ранее имело место некоторое действие или ряд действий, совершенных участником, выраженным подлежащной именной группой. Таким образом, в пресуппозиции репетитива при данном порядке слов может не содержаться не только информация о предшествующем состоянии прямого дополнения, но и информация о событии, описываемым основным предикатом.

(126) ***isev*** ***šota-m***$_{[FOCUS]}$ *ga-a-γ-o* *ḳari*
опять Шота-ERG PVB-pv-открывать-AOR.3SG дверь.NOM
‘Опять ШОТА открыл дверь.’

a. Совместимо с REP с альтернативами:
Ассерция: Именно ШОТА, а не кто-то ещё (не Леван, не Гиви…) открыл дверь.
Пресуппозиция: Шота открывал дверь до этого.

b. НЕ совместимо с RES с альтернативами:
Ассерция: Именно ШОТА, а не кто-то ещё (не Леван, не Гиви…) открыл дверь.
Пресуппозиция: *Дверь была открыта до этого.
(Прим.: нет никакой информации о том, что происходило ранее с дверью)

c. REP не обязателен:
Не обязательно, чтобы до этого Шота открывал дверь, но обязательно, чтобы Шота до этого совершал некоторое действие или ряд действий.
Возможный контекст: *Шота такой молодец, всё-время что-то делает! Он помыл посуду, полил цветы, подмел пол. И когда сказали, что надо проветрить помещение, опять ШОТА (а не кто-то другой) открыл дверь.*

(127) ***isev*** ***levan-ma***$_{[FOCUS]}$ *ga-a-suptav-a* *magida*
опять Леван-ERG PVB-pv-чистить-AOR.3SG стол.NOM
‘Опять ЛЕВАН очистил стол.’

a. Совместимо с REP с альтернативами:
Ассерция: Именно ЛЕВАН, а не кто-то ещё (не Шота, не Гиви…) очистил стол.
Пресуппозиция: Леван очищал стол до этого.

b. НЕ совместимо с RES с альтернативами:
Ассерция: Именно ЛЕВАН, а не кто-то ещё (не Шота, не Гиви…) очистил стол.
Пресуппозиция: *Стол был чистым до этого.
(Прим.: нет никакой информации о том, что происходило ранее со столом)

c. REP не обязателен:
Не обязательно, чтобы до этого Леван очищал стол, но обязательно, чтобы Леван до этого совершал некоторое действие или ряд действий.
Контекст: Леван до этого одну вещь сделал, вторую вещь сделал, третью вещь сделал. И стол опять именно ЛЕВАН почистил.

Прежде чем представить наши гипотезы относительно взаимодействия репетитивного наречия и предглагольного фокуса в грузинском языке, продемонстрируем, что все остальные возможные порядки слов в предложениях с *isev* кроме вышеупомянутых или невозможны, или сильно маркированы.

Основное обобщение о месторасположении *isev* можно сформулировать следующим образом: *isev* занимает предглагольную позицию и не может отделяться от глагола более чем одним аргументом. Как можно увидеть в (128)-(132), репетитивное наречие не может быть отделено от глагола подлежащим и прямым дополнением одновременно ((128)-(130)), прямым и непрямым дополнениями одновременно (131) и тремя аргументами (подлежащим, прямым и непрямыми дополнениями) одновременно (132).

(128) ****isev*** ***šota-m*** ***ḳari*** *ga-a-γ-o*
опять Шота-ERG дверь.NOM PVB-pv-открывать-AOR.3SG
Ожидаемое: ‘Опять Шота открыл дверь.’

(129) ****isev*** ***šota-m*** ***botli*** *da-cal-a*
опять Шота-ERG бутылка.NOM PVB-опустошать-AOR.3SG
Ожидаемое: ‘Опять Шота опустошил бутылку.’

(130) ***isev*** ***levan-ma*** ***magida*** *ga-a-suptav-a*
опять Леван-ERG стол.NOM PVB-pv-чистить-AOR.3SG
Ожидаемое: ‘Опять Шота почистил стол.’

(131) **šota-m* ***isev*** ***levan-s*** ***çigni*** ***/ çigni*** ***levan-s***
Шота-ERG опять Леван-DAT книга.NOM / книга.NOM Леван-DAT
ga-u-gzavn-a
PVB-pv-отправлять-AOR.3SG
Ожидаемое: ‘Шота опять Левану книгу / книгу Левану отправил.’

(132) ****isev*** ***šota-m*** ***levan-s*** ***çigni*** *ga-u-gzavn-a*
опять Шота-ERG Леван-DAT книга.NOM PVB-pv-отправлять-AOR.3SG
Ожидаемое: ‘Опять Шота Левану книгу отправил.’

Что касается расположения грузинского *isev* после глагола, то все потенциально возможные порядки оказываются стилистически маркированными и обычно воспринимаются носителями языка как «поэтический» слог:

DO-V-ISEV

(133) *??šota-m* *ḳari* *ga-a-γ-o* ***isev***
Шота-ERG дверь.NOM PVB-pv-открывать-AOR.3SG опять
‘Шота открыл дверь опять.’ *(очень стилистически маркировано)*

(134) *??šota-m* *botli* *da-cal-a* ***isev***
Шота-ERG бутылка.NOM PVB-опустошать-AOR.3SG опять
‘Шота опустошил бутылку опять.’ *(очень стилистически маркировано)*

V-DO-ISEV

(135) *??šota-m* *ga-a-γ-o* *ḳari* ***isev***
Шота-ERG PVB-pv-открывать-AOR.3SG дверь.NOM опять
‘Шота открыл дверь опять.’ *(очень стилистически маркировано)*

(136) *??šota-m* *da-cal-a* *botli* ***isev***
Шота-ERG PVB-опустошать-AOR.3SG бутылка.NOM опять
‘Шота опустошил бутылку опять.’ *(очень стилистически маркировано)*

V-ISEV-DO *(менее маркирован, чем другие порядки с ISEV после V)*

(137) *?šota-m* *ga-a-γ-o* ***isev*** *ḳari*
Шота-ERG PVB-pv-открывать-AOR.3SG опять дверь.NOM
‘Шота открыл дверь опять.’ (REP – OK, RES – */OK)

(138) *?šota-m* *da-cal-a* ***isev*** *botli*
Шота-ERG PVB-опустошать-AOR.3SG опять бутылка
‘Шота опустошил бутылку опять.’ (REP – OK, RES – */?)

Чуть менее маркированным по сравнению с другими порядками слов с репетитивом после глагола оказывается порядок, при котором репетитивное наречие непосредственно следует за глаголом, а прямое дополнение следует за наречием (‘V-ISEV-DO’).

Среди информантов нет консенсуса по вопросу о том, имеется ли в предложениях (133)-(138) фокусное выделение. Также наблюдается большая вариативность суждений по вопросу наличия реститутивной интерпретации при данных порядках слов (например, (137)-(138)). Как кажется, предложения с *isev* после глагола не являются исходными, а получаются после некоторых манипуляций с информационной структурой. В связи с этим мы не будем рассматривать предложения с такими порядками слов в дальнейшем обсуждении.

Ниже мы предложим гипотезу о взаимодействии репетитивного наречия в грузинском языке с фокусом ((124)-(127)), которая, как кажется, может быть применима и для предложений русского языка типа (121) с фокусом на прямом дополнении.[20] Наша гипотеза заключается в том, что когда в грузинском языке репетитив отделён от глагола некоторым аргументом, он на самом деле модифицирует этот аргумент, а не некоторую обозначающую подсобытие составляющую в декомпозиции предиката в синтаксисе. Как можно заметить, наша гипотеза несовместима с семантикой AGAIN ровно в том виде, в котором мы её до этого предполагали (43), повторенное ниже как (139):

(139) $[[\text{AGAIN}]](P_{<s,t>})(e) =$ 1 iff $P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P(e')]$;
0 iff $\neg P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P(e')]$;
не определено в противном случае.

Согласно ранее принятой нами семантике, AGAIN берёт предикат и событие в качестве своих аргументов. Если же мы хотим, чтобы репетитив брал именную группу типа e

[20] Вопрос о том, как в точности данное взаимодействие устроено в русском мы оставляем открытым.

своим аргументом, мы должны модифицировать его семантику для этих случаев некоторым образом. Мы предполагаем, что во всех случаях AGAIN не вносит вклад в ассертивный компонент значения клаузы. Соответственно, когда AGAIN берёт именную группу своим аргументом, он не изменяет ассертивную часть её значения. Однако во всех случаях репетитивное наречие вносит пресуппозицию о существовании некоторого предшествующего события. В то время как AGAIN в (139) вводит пресуппозицию о наличии события, предшествующего тому, которое является его аргументом, мы предположим, что в случае соединения с именной группой AGAIN вводит пресуппозицию о том, что существуют два события и некоторое свойство событий, причем для второго события выполняется указанное свойство, и участник, выраженный именной группой в фокусе, является участником второго события, и второе событие предшествует первому во времени:

(140) [[ISEV]](x) = x :[21] $\underline{\exists e_1\ \exists P\ \exists e_2\ [P(e_2) \& Part(x)(e_2) \& e_2 <_T e_1]}$.

Свойство ‘быть участником’ – Part(icipant) мы будем понимать следующим образом:

(141) **Определение отношения Part(icipant)**$_{<e,<s,t>>}$

a. Part(x)(e) = 1 iff x является участником события e.

b. Part(x)(e_1) & CAUS(e_1)(e_2) → Part(x)(e_2)

В (140b) мы вводим свойство отношения ‘быть участником’: если x является участником события e_1, которое каузируется событием e_2, то x также является участником e_2. Отметим, что обратное не верно: если x является участником события e_1, которое каузирует событие e_2, то необязательно, что x также является участником e_2.

В нашей модифицированной семантике для AGAIN[22] существенны два момента. Во-первых, соединившись с именной группой, AGAIN не изменяет ассертивного компонента её значения и просто передает его дальше без изменений. Во-вторых, мы предполагаем, что первое событие в пресуппозиции AGAIN (e_1) всегда отождествляется с событием e,

[21] Здесь мы используем знак « : » для отделения ассертивного компонента значения от пресуппозиционального.

[22] Можно представить себе и другие способы того, как модифицировать семантику репетитивного наречия и / или именной группы для того, чтобы они могли соединиться. В частности, можно предположить коерсию именной группы до события. Мы оставляем этот вопрос для дальнейших исследований. Для нас важным является только то, что в случаях с фокусом на именных группах AGAIN присоединяется непосредственно к именной группе, а не к другим составляющим клаузы.

соответствующим полной глагольной группе (VoiceP). На данном этапе мы не можем предложить механизма, который позволяет гарантировать идентичность e_1 и e, однако представим себе, что такой механизм существует. В таком случае пресуппозиция, вводимая репетитивом, будет говорить следующее: существует некоторое событие (e_2) и некоторое свойство (P), такие, что данное свойство выполняется для данного события, и индивид, выраженный именной группой в фокусе (x), является участником этого события, и это событие предшествует событию, соответствующему глагольной группе ($e_2 <_T e$).

Откуда берется информация о том, какое свойство событий (P) имело место ранее? Мы предполагаем, что P может отождествляться как с некоторым свойством, присутствующим в самом предложении, так и с некоторым контекстно заданным свойством. Мы не будем рассматривать вопрос о том, какие прагматические или иные причины стоят за выбором свойства событий P. Однако мы рассмотрим, как отождествление P со свойствами, присутствующими в предложении, создаёт видимость репетитивной и реститутивной интерпретаций.

Предложение (124), повторенное ниже как (142), совместимо[23] как с репетитивной, так и с реститутивной интерпретацией. Почему это так?

(142) *šota-m* ***isev*** ***ḳari****[FOCUS]* *ga-a-γ-o*
Шота-ERG опять дверь.NOM PVB-pv-открывать-AOR.3SG
‘Шота открыл опять ДВЕРЬ.’

a. Совместимо с REP с альтернативами:
Ассерция: Шота открыл именно ДВЕРЬ, а не что-то ещё (не окно, не шкаф…).
Пресуппозиция: Шота открывал дверь до этого.

b. Совместимо с RES с альтернативами:
Ассерция: Шота открыл именно ДВЕРЬ, а не что-то ещё (не окно, не шкаф…).
Пресуппозиция: Дверь была открыта до этого.

Рассмотрим деривацию нефокусного значения (*ordinary semantic value*) предложения (см. (Rooth 1992) о фокусном значении – *focus semantic value*) пошагово. Мы предполагаем, что *isev* соединяется с именной группой *ḳari* (‘дверь’), добавляя в её семантику пресуппозицию о существовании двух событий и некоторого свойства, таких что свойство

[23] Мы говорим, что предложение «совместимо» с репетитивной / реститутивной интерпретацией, а не имеет её в качестве возможной, именно в связи с тем, что событие, которое имело место ранее, не обязательно имеет то же свойство P, что и событие, обозначаемое всей глагольной группой / малой клаузой.

выполняется для второго события, ‘дверь’ является участником второго события, и второе событие стоит в отношении временного предшествования к первому событию:

(143) [[ISEV ɪ[24]ḳari]] = ɪḳari : $\underline{\exists e_1\, \exists P\, \exists e_2\, [P(e_2)\ \&\ \text{Part}(\text{ɪḳari})(e_2)\ \&\ e_2 <_T e_1].}$

Данная пресуппозиция передаётся в ходе деривации дальше до тех пор, пока не собирается полная глагольная группа:

(144) [[SC ISEV ɪḳari γia]] = $\lambda s_s.$ γia(ɪḳari)(s) : $\underline{\exists e_1\, \exists P\, \exists e_2\, [P(e_2)\ \&\ \text{Part}(\text{ɪkari})(e_2)\ \&\ e_2 <_T e_1].}$

(145) [[VoiceP šotam ISEV ɪḳari gaaγo]] = $\lambda e_s\, \exists s_s.$ γia(ɪḳari)(s) & CAUSE(s)(e) & Agent(šotam)(e)
: $\underline{\exists e_1\, \exists P\, \exists e_2\, [P(e_2)\ \&\ \text{Part}(\text{ɪkari})(e_2)\ \&\ e_2 <_T e_1].}$

На уровне глагольной группы некоторый механизм позволяет отождествить первое событие пресуппозиции (e_1) с событием e – каузирующим подсобытием в декомпозиции предиката клаузы. Таким образом, в пресуппозиции теперь содержится информация о том, что существует некоторое событие и некоторое свойство событий, такие, что данное свойство выполняется для данного события, и индивид, обозначаемый именной группой в фокусе, является участником этого события, и это событие предшествует событию e:

(146) [[VoiceP šotam ISEV ɪḳari gaaγo]] = $\lambda \mathbf{e}_s\, \exists s_s.$ γia(ɪḳari)(s) & CAUSE(s)**(e)** & Agent(šotam)**(e)**
: $\underline{\exists P\, \exists e_2\, [P(e_2)\ \&\ \text{Part}(\text{ɪkari})(e_2)\ \&\ e_2 <_T \mathbf{e}].}$

Предложение в (142) оказывается совместимым с репетитивным прочтением благодаря тому, что свойство событий P может быть отождествлено с предикатом, который обозначает глагольную группу (VoiceP): $\lambda e_s\, \exists s_s.$ γia(ɪḳari)(s) & CAUSE(s)(e) & Agent(šotam)(e). В этом случае пресуппозиция предложения будет выглядеть следующим образом (147): существует такое событие, которое каузирует состояние ‘дверь открыта’ и агенсом которого является индивид ‘Шота’, и участником этого события является индивид ‘дверь’, и это событие предшествует во времени данному событию ‘Шота открыл дверь’.

[24] Йота-оператор делает из предиката ‘дверь’ с семантическим типом <e,t> индивида типа e (определенную дверь).

(147) **Совместимость с REP прочтением (ISEV – DO – V):**

a. e_1 = e. P = $\lambda e_s \exists s_s.$ γia(ɪķari)(s) & CAUSE(s)(e) & Agent(šotam)(e).

b. [[$_{VoiceP}$ šotam ISEV ɪķari gaaγo]] = $\lambda e_s \exists s_s.$ γia(ɪķari)(s) & CAUSE(s)(e) & Agent(šotam)(e) : <u>$\exists e_2$ [$\exists s_s.$ γia(ɪķari)(s) & CAUSE(s)(e_2) & Agent(šotam)(e_2) & Part(ɪķari)(e_2) & $e_2 <_T$ **e**].</u>

Заметим, что по введенному нами свойству в (141b), индивид ‘дверь’ является участником события e_2, так как это событие каузирует событие s, чьим участником ‘дверь’ является.

Теперь рассмотрим то, каким образом предложение (142) оказывается совместимым с реститутивной интерпретацией:

(148) **Совместимость с RES прочтением (ISEV – DO – V):**

a. e_1 = e. P = $\lambda s_s.$ γia(ɪķari)(s).

b. [[$_{VoiceP}$ šotam ISEV ɪķari gaaγo]] = $\lambda e_s \exists s_s.$ γia(ɪķari)(s) & CAUSE(s)(e) & Agent(šotam)(e) : <u>$\exists e_2$ [γia(ɪķari)(e_2) & Part(ɪķari)(e_2) & $e_2 <_T$ **e**].</u>

Если предикат P отождествляется с предикатом, обозначающим малую клаузу (SC): P = $\lambda s_s.$ γia(ɪķari)(s), то вводимая репетитивом пресуппозиция будет говорить о существовании такого события, которое является состоянием ‘дверь открыта’, и индивид ‘дверь’ является участником данного события, и это событие предшествует по времени данному событию ‘Шота открыл дверь’. То есть, отождествление P с предикатом малой клаузы приводит к возникновению реститутивной интерпретации репетитивного наречия.

Теперь рассмотрим то, как предложенная нами модифицированная семантика (140) позволяет объяснить набор возможных интерпретаций репетитива в предложениях с контрастивным фокусом на подлежащем. Обратимся к примеру (126), повторенному ниже как (149):

(149) ***isev*** ***šota-m$_{[FOCUS]}$*** *ga-a-γ-o* *ķari*

опять Шота-ERG PVB-pv-открывать-AOR.3SG дверь.NOM

‘Опять ШОТА открыл дверь.’

a. Совместимо с REP с альтернативами:

<u>Ассерция</u>: Именно ШОТА, а не кто-то ещё (не Леван, не Гиви…) открыл дверь.

<u>Пресуппозиция</u>: Шота открывал дверь до этого.

b. НЕ совместимо с RES с альтернативами:

<u>Ассерция</u>: Именно ШОТА, а не кто-то ещё (не Леван, не Гиви…) открыл дверь.

Пресуппозиция: *Дверь была открыта до этого.

(Прим.: нет никакой информации о том, что происходило ранее с дверью)

c. REP не обязателен:

Не обязательно, чтобы до этого Шота открывал дверь, но обязательно, чтобы Шота до этого совершал некоторое действие или ряд действий.

Возможный контекст: *Шота такой молодец, всё-время что-то делает! Он помыл посуду, полил цветы, подмел пол. И когда сказали, что надо проветрить помещение, опять ШОТА (а не кто-то другой) открыл дверь.*

Почему предложение в (149) несовместимо с реститутивной интерпретацией? Почему репетитивная интерпретация возможна, но необязательна? Рассмотрим пошагово деривацию для каждого случая.

При соединении репетитивного наречия с подлежащим наречие вводит следующую пресуппозицию: существуют два события и некоторое свойство событий, такое что данное свойство верно для второго события, и индивид, выраженный подлежащим, является участником второго события, и второе событие предшествует по времени первому.

(150) [[ISEV šotam]] = šotam : $\underline{\exists e_1\, \exists P\, \exists e_2\, [P(e_2)\ \&\ \text{Part}(\text{šotam})(e_2)\ \&\ e_2 <_T e_1]}$.

Эта пресуппозиция передаётся наверх в ходе дальнейшей деривации до уровня глагольной группы (151), где первое событие пресуппозиции (e_1) с помощью некоторого механизма отождествляется с каузирующим событием (e) в декомпозиции предиката в синтаксисе (152).

(151) $[[_{\text{VoiceP}}$ šotam ISEV ıḳari gaaγo]] = $\lambda e_s\, \exists s_s.\ \gamma\text{ia}(\text{ıḳari})(s)\ \&\ \text{CAUSE}(s)(e)\ \&\ \text{Agent}(\text{šotam})(e)$: $\underline{\exists e_1\, \exists P\, \exists e_2\, [P(e_2)\ \&\ \text{Part}(\text{šotam})(e_2)\ \&\ e_2 <_T e_1]}$.

(152) $[[_{\text{VoiceP}}$ šotam ISEV ıḳari gaaγo]] = $\lambda \mathbf{e}_s\, \exists s_s.\ \gamma\text{ia}(\text{ıḳari})(s)\ \&\ \text{CAUSE}(s)(\mathbf{e})\ \&\ \text{Agent}(\text{šotam})(\mathbf{e})$:$\underline{\exists P\, \exists e_2\, [P(e_2)\ \&\ \text{Part}(\text{šotam})(e_2)\ \&\ e_2 <_T \mathbf{e}]}$.

В том случае, когда предикат P отождествляется с предикатом глагольной группы ($\lambda e_s\, \exists s_s.$ γia(ıḳari)(s) & CAUSE(s)(e) & Agent(šotam)(e)), возникает репетитивное прочтение (153): существует такое событие, предшествующее данному событию ‘Шота открыл дверь’, которое каузирует состояние ‘дверь открыта’ и имеет индивида ‘Шота’ в качестве своего агенса, и ‘Шота’ является участником этого события.

(153) **Совместимость с REP прочтением (ISEV – SUBJ – V):**

a. e_1 = e. P = $\lambda e_s \exists s_s$. γia(ɪ̨kari)(s) & CAUSE(s)(e) & Agent(šotam)(e).

b. [[$_{VoiceP}$ šotam ISEV ɪ̨kari gaaγo]] = $\lambda e_s \exists s_s$. γia(ɪ̨kari)(s) & CAUSE(s)(e) & Agent(šotam)(e) : $\underline{\exists e_2 [\exists s_s. \gamma ia(\text{ɪ̨kari})(s) \& \text{CAUSE}(s)(e_2) \& \text{Agent}(\text{šotam})(e_2) \& \text{Part}(\text{šotam})(e_2) \& e_2 <_T e]}$.

Рассмотрим вопрос о том, почему предложение в (149) не может иметь реститутивную интерпретацию. Реститутивное прочтение было бы возможно в том случае, когда предикат, соответствующий состоянию ‘дверь открыта’ (λs_s. γia(ɪ̨kari)(s)) мог бы быть отождествлен с предикатом P, существование которого утверждается в пресуппозиции. Почему такое отождествление оказывается невозможным?

(154) **Несовместимость с RES прочтением (ISEV – SUBJ – V):**

a. e_1 = e. P = λs_s. γia(ɪ̨kari)(s)

b. [[$_{VoiceP}$ šotam ISEV ɪ̨kari gaaγo]] = $\lambda e_s \exists s_s$. γia(ɪ̨kari)(s) & CAUSE(s)(e) & Agent(šotam)(e) : $\underline{\exists e_2 [\mathbf{\gamma ia(\text{ɪ̨kari})(e_2) \& \text{Part}(\text{šotam})(e_2)} \& e_2 <_T e]}$.

Как можно увидеть из (154), при отождествлении P = λs_s. γia(ɪ̨kari)(s) возникает противоречие, связанное с тем, что событие (e_2), для которого верно свойство λs_s. γia(ɪ̨kari)(s) с одной стороны не содержит в качестве участника индивида ‘Шота’ (γia(ɪ̨kari)(e_2)), а с другой стороны – содержит (Part(šotam)(e_2)). Так как индивид, выраженный именной группой подлежащего в фокусе (‘Шота’), не является участником того события (e_2), для которого верен предикат P – для состояния ‘дверь открыта’, то отношение Part(šotam)(e_2) не выполняется, и пресуппозиция нарушается. Соответственно, реститутивное прочтение оказывается несовместимым с конфигурацией, при которой AGAIN соединяется с группой подлежащего в фокусе.

При этом, как мы видели из (149c), для предложения в (149) возможны интерпретации, при которых повторяется ситуация ‘Шота что-то сделал’. Как возникает такое прочтение? Мы считаем, что данное прочтение на самом деле является исходным: оно получается в том случае, если предикат P не отождествляется ни с каким другим предикатом клаузы:

(155) **Возможность прочтения ни REP, ни RES:**

a. e_1 = e. ∃P.

b. [[$_{VoiceP}$ šotam ISEV ɩķari gaaγo]] = λe_s ∃s_s. γia(ɩķari)(s) & CAUSE(s)(e) & Agent(šotam)(e) : ∃P ∃e_2 [P(e_2) & Part(šotam)(e_2) & e_2 <$_T$ **e**].

c. ‘Шота открыл дверь, и Шота был участником какого-то другого события, предшествующего данному.’

В каком именно событии Шота принимал участие ранее (155) в этих случаях задается контекстом.

Наши предположения о взаимодействии репетитивов с именными группами в фокусе носят очень предварительный характер. Данная проблематика требует гораздо более детального изучения как с теоретической, так и с эмпирической стороны. Однако мы воспользуемся некоторыми представленными выше соображениями при обсуждении дитранзитивной конструкции в грузинском языке (раздел 3.1.4.).

Теперь обратимся к вопросу о возможности структурного анализа для репетитивных наречий в русском и грузинском языках. Как мы установили в ходе предыдущего обсуждения, русское *опять* и грузинское *isev* являются предглагольными репетитивами: именно находясь перед глаголом они демонстрируют наиболее нейтральные употребления и оказываются способны «видеть» лексическую декомпозицию предиката в синтаксисе и иметь реститутивные прочтения. В связи с этим возникает вопрос: присоединяются ли данные наречия к тем составляющим, которые соответствуют событиям, которые они модифицируют? На поверхностном уровне мы этого не наблюдаем. Иными словами, можно ли найти аргументы в пользу синтаксического подхода к репетитивно-реститутивной неоднозначности в тех языках, где репетитивы в предглагольной позиции? Или же семантический подход, подразумевающий полисемию репетитивных наречий, оказывается более подходящим для данных языков?

Русский и грузинский являются не единственными представителями языков с предглагольными репетитивами. К таким языкам также можно причислить мандаринский китайский (Xu 2016), в котором репетитивное наречие *you* (‘опять’) занимает позицию непосредственно перед глаголом (и позволяет наблюдать репетитивно-реститутивную полисемию при данном порядке слов) (156), и не может стоять в конце предложения (157) и даже перед прямым дополнением (158):

(156) *Zhangsan* ***you*** *da-kai* *le* *men.*
Жангсан опять бить-открыть Asp дверь
‘Жангсан опять открыла дверь.’

a. ‘Жангсан открыла дверь, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Жангсан открыла дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ *RES*

(адаптировано из (Xu 2016: 24))

(157) **Zhangsan da-kai le men **you**.*
Жангсан бить-открыть Asp дверь опять
Ожидаемое прочтение: ‘Жангсан открыла дверь опять.’

(адаптировано из (Xu 2016: 24))

(158) **Zhangsan da-kai le **you** men.*
Жангсан бить-открыть Asp опять дверь
Ожидаемое прочтение: ‘Жангсан открыла дверь опять.’

(адаптировано из (Xu 2016: 24))

Для языков с предглагольными репетитивами (китайский, русский, грузинский) можно привести следующий аргумент в пользу синтаксического подхода к объяснению репетитивно-реститутивной неоднозначности ((Alexiadou et al. 2014), (Lechner et al. 2015), (Xu 2016)): в этих языках наблюдаются те же возможные сферы действия AGAIN по отношению к кванторным прямым дополнениям, что и в языках, в которых мы более явным образом видим зависимость набора возможных интерпретаций AGAIN от порядка слов (английский, немецкий). При семантическом подходе к многозначности AGAIN различные возможности в сферах действия между кванторной ИГ и репетитивным наречием в зависимости от интерпретации репетитива (репетитивная или реститутивная) остаются без объяснения.

Рассмотрим для начала взаимодействие между кванторными ИГ и репетитивным наречием в английском языке. Предложение в (160) при реститутивном прочтении имеет только одну возможную сферу действия, при которой кванторная ИГ (*a window*) имеет широкую сферу действия по отношению к репетитиву (∃ > AGAIN). Невозможной оказывается широкая сфера действия репетитивного наречия, при которой должно было бы наблюдаться прочтение ‘Некоторое окно было открыто ранее’. Это хорошо видно в том случае, если рассмотреть предложение в (160) в контексте (159), при котором только сфера действия AGAIN > ∃ удовлетворяется: предложение при данном контексте оказывается неуместным.

(159) Контекст (RES) для (160):
John is in a room with two windows. One window is open and the other one is closed. John opens the closed window.

‘Джон находится в комнате с двумя окнами. Одно окно открыто, другое – закрыто. Джон открывает закрытое окно.’

(адаптировано из (Lechner et al. 2015: 4))

(160) *#John opened a window again.* (при контексте в (159))

‘Джон опять открыл окно.’

a. ∃ > AGAIN: ‘Окно, которое Джон открыл, было открыто до этого.’ *не удовлетворена*

b. AGAIN > ∃: ‘Некоторое окно было открыто ранее.’ *удовлетворена*

(адаптировано из (Lechner et al. 2015: 4))

В отличие от реститутивной интерпретации, репетитивная интерпретация допускает широкую сферу действия AGAIN по отношению к кванторному прямому дополнению (AGAIN > ∃). Так, например, при репетитивном контексте в (161), который делает возможной только сферу действия AGAIN > ∃, предложение в (162) оказывается уместным при репетитивном прочтении.

(161) Контекст (REP) для (162):

John is in a room with two windows. Both are closed. John opens one of the windows. It is still too warm, so he opens the second window, too.

‘Джон находится в комнате с двумя окнами. Оба окна закрыты. Джон открывает одно из окно. В комнате всё ещё жарко, поэтому он открывает также второе окно.’

(адаптировано из (Lechner et al. 2015: 4))

(162) *John opened a window again.* (при контексте в (161))

‘Джон опять открыл окно.’

a. RES (∃ > AGAIN):

‘Окно, которое Джон открыл, было открыто до этого.’ *не удовлетворена*

b. REP (∃ > AGAIN):

‘Окно, которое Джон открыл, Джон открывал до этого.’ *не удовлетворена*

c. REP (AGAIN > ∃):

‘Джон открывал некоторое окно до этого.’ *удовлетворена*

(адаптировано из (Lechner et al. 2015: 4))

Наблюдения над взаимодействием сфер действия кванторных дополнений и репетитивов, во-первых, ещё раз подтверждает реальность двух прочтений: репетитивная и реститутивная интерпретации имеют разные условия истинности при наличии в предложении кванторной именной группы. Во-вторых, невозможность широкой сферы

действия репетитивов при реститутивном прочтении можно объяснить в рамках синтаксического подхода тем, что AGAIN в данном случае присоединяется к малой клаузе и оказывается в слишком низкой позиции для того, чтобы получить широкую сферу действия: репетитивное наречие находится структурно ниже кванторного прямого дополнения, которое возникает в позиции Spec, VP. Детали деривации возможных сфер действия в предложениях с кванторными прямыми дополнениями мы обсудим несколько позже, а пока рассмотрим возможные сферы действия в другом языке, демонстрирующем взаимосвязь порядка слов и набора интерпретаций репетитивного наречия – в немецком.

В немецком языке точно так же, как и в английском, репетитивное наречие не может иметь широкую сферу действия при реститутивной интерпретации (163). Более того, линейный порядок расположения немецкого wieder и кванторного прямого дополнения всегда отражает возможные сферы действия. Так, при репетитивном прочтении и порядке DO – WIEDER – V также оказывается возможна только узкая сфера действия репетитивного наречия (164). Как кажется, это может быть вызвано передвижением прямого дополнения в некоторую более высокую (возможно, фокусную) позицию. При репетитивной интерпретации и порядке слов WIEDER – DO – V широкая сфера действия репетитива возможна (165). Совместимость с узкой сферой действия wieder, как кажется, в данном случае обусловлена возможностью случайной кореференции: если опять повторилось событие ‘Hans opened a window’, то ‘a window’ может случайно оказаться одним и тем же окном в обоих событиях, как данном, так и предшествующем ему.

(163) **RES, DO-WIEDER-V**

Ich	*denke,*	*dass*	*Hans*	*ein*	*Fenster*	***wieder***	*öffnete.*
Я	думаю	что	Ханс	INDEF.n.ACC	окно	опять	открыл

‘Я думаю, что Ханс опять открыл окно.’

a. *AGAIN > EIN:
‘Ханс открыл окно, и до этого некоторое окно было открыто.’

b. EIN > AGAIN:
‘Ханс открыл окно, до этого это окно было открыто.’

(164) **REP, DO-WIEDER-V**

Ich	*denke,*	*dass*	*Hans*	*ein*	*Fenster*	***wieder***	*öffnete.*
Я	думаю	что	Ханс	INDEF.n.ACC	окно	опять	открыл

‘Я думаю, что Ханс опять открыл окно.’

a. *AGAIN > EIN:

*‘Ханс открыл окно, до этого он открывал некоторое окно.’

b. EIN > AGAIN:

‘Существует конкретное окно (на нем фокус), которое Ханс открыл в этот раз и открывал до этого.’

(165) **REP, WIEDER-DO-V**

Ich	*denke,*	*dass*	*Hans*	***wieder***	*ein*	*Fenster*	*öffnete.*
Я	думаю	что	Ханс	опять	INDEF.n.ACC	окно	открыл

‘Я думаю, что Ханс опять открыл окно.’

a. AGAIN > EIN:

‘Ханс открыл окно, до этого он открывал некоторое окно.’

b. EIN > AGAIN (может быть случайно то же самое окно):

‘Ханс открыл окно, до этого он уже открывал это окно.’

Обобщая наблюдения над взаимодействием сфер действия репетитивных наречий со сферами действий кванторных дополнений в английском и немецком (Табл. 1. в (166)), можно сделать следующее заключение: при реститутивной интерпретации возможна только узкая сфера действия AGAIN, а при репетитивной интерпретации возможна широкая сфера действия AGAIN или «узкая» сфера действия (при случайной кореферентности). В случаях, когда кванторное прямое дополнение претерпевает некоторое дополнительное передвижение при репетитивной интерпретации (164), только узкая сфера действия репетитива оказывается доступной (мы опускаем эту информацию в Табл. 1.).

(166) Табл. 1. Возможные сферы действия кванторных DO и AGAIN.

	REP	**RES**
AGAIN > QP	OK	*
QP > AGAIN	OK (совместимо при случайной кореферентности)	OK

Теперь рассмотрим взаимодействие сфер действия репетитивных наречий и кванторных именных групп в языках с предглагольными репетитивами. Как утверждается в (Xu 2016), в мандаринском китайском широкая сфера действия репетитивного наречия при

реститутивной интерпретации оказывается недоступной точно так же, как в английском и немецком:

(167) **Контекст RES, QP > AGAIN** (для (168)):
У Лизы было некоторое количество красных ракушек. К сожалению, через некоторое время они запылились, и красный цвет выцвел. Лизе нужны были две красные ракушки, чтобы украсить рождественское дерево…

(168) *ta* ***you*** *tu-hong* *le* *qizhong* *liang-ge* *beike.*
она опять красить-красный Asp среди два-CL ракушка.
‘Она опять выкрасила две ракушки в красный.’

(169) **Контекст RES, AGAIN > QP** (для (170)):
Жангсан сходил на пляж и собрал много белых ракушек и две красные. Когда его жена убирала дом, она случайно сломала две красные ракушки. Волнуясь, что Жангсан заметит отсутствие двух красных ракушек…

(170) *#ta* ***you*** *tu-hong* *le* *liang-ge* *beike.*
она опять красить-красный Asp два-CL ракушка.
‘Она опять выкрасила две ракушки в красный.’

Как можно увидеть из уместности предложения (168) при контексте в (167), при реститутивном прочтении возможна узкая сфера действия репетитивного наречия. Неуместность предложения (170) при сценарии в (169) говорит о том, что при реститутивной интерпретация широкая сфера действия по отношению к кванторному прямому дополнению невозможна.

Аналогичные наблюдения можно сделать о взаимодействии сфер действия русского *опять* и грузинского *isev* в предложениях с кванторными именными группами. Предложения (171)-(172) показывают, что при реститутивной интерпретации дверь / две ракушки должны быть одними и теми же как в данном событии, так и в предшествующем состоянии ‘дверь открыта’ / ‘две ракушки красные’, в то время как при репетитивной интерпретации дверь / две ракушки могут быть случайно теми сами же в двух событиях (‘Вася открыл дверь’ и ‘Маша выкрасила две ракушки в красный’) ((171b)-(172b)), но это совершенно не обязательно: двери могут быть разными в (171), две ракушки могут быть различными в (172).

(171) *Вася **опять** открыл (какую-то / эту) дверь.*

a. REP, AGAIN > QP:

‘Вася открыл (какую-то) дверь, и он уже открывал (какую-то) дверь до этого.’

b. REP, QP > AGAIN:

‘Вася открыл (эту) дверь, и он уже открывал (эту) дверь до этого.’

c. ***RES, AGAIN > QP:**

*‘Вася открыл (какую-то) дверь, и (какая-то) дверь была открыта до этого.’

d. RES, QP > AGAIN:

‘Вася открыл (эту) дверь, и (эта) дверь была открыта до этого.’

(172) *Маша **опять** выкрасила (какие-то / эти) две ракушки в красный.*

a. REP, AGAIN > QP:

‘Маша выкрасила (какие-то) две ракушки в красный, и она уже выкрашивала (какие-то) две ракушки в красный до этого.’

b. REP, QP > AGAIN:

‘Маша выкрасила (эти) две ракушки в красный, и она уже выкрашивала (эти) две ракушки в красный до этого.’

c. ***RES, AGAIN > QP:**

*‘Маша выкрасила (какие-то) две ракушки в красный, и (какие-то) две ракушки были красными до этого.’

d. RES, QP > AGAIN:

‘Маша выкрасила (эти) две ракушки в красный, и (эти) две ракушки были красными до этого.’

Предложение в (173) демонстрирует то же самое для грузинского языка: при реститутивной интерпретации возможна только сфера действия QP > AGAIN, в то время как при репетитивной интерпретации возможна также широкая сфера репетитивного наречия (AGAIN > QP).

(173) *šota-m* *ḳari* ***isev*** *ga-a-ɣ-o*

Шота-ERG дверь опять PVB-pv-открывать-AOR.3SG

‘Шота опять открыл (какую-то / эту) дверь.’

a. REP, AGAIN > QP:

‘Шота открыл (какую-то) дверь, и он уже открывал (какую-то) дверь до этого.’

b. REP, QP > AGAIN:

‘Шота открыл (эту) дверь, и он уже открывал (эту) дверь до этого.’

c. ***RES, AGAIN > QP:**

*‘Шота открыл (какую-то) дверь, и (какая-то) дверь была открыта до этого.’

d. RES, QP > AGAIN:

‘Шота открыл (эту) дверь, и (эта) дверь была открыта до этого.’

Невозможность широкой сферы действия грузинского *isev* можно отчетливо наблюдать при рассмотрении предложения (175) при контексте в (174), который делает возможной только реститутивную интерпретацию, при которой репетитивное наречие имеет широкую сферу действия по отношению к кванторному дополнению. Неуместность (175) при (174) показывает, что сфера действия AGAIN > QP в данном случае невозможна.

(174) **Контекст RES, AGAIN > QP** для (175):

otax-ši	*iqo*	*otxi*	*pandžara,*	*ert-erti*	*iqo*	*γia.*
комната-в	быть.AOR.3SG	четыре	окно.NOM	один-один	быть.AOR.3SG	открытый

tavidan	*šota-m*	*da-ḳeṭ-a*	*pandžara,*
сначала	Шота-ERG	PVB-закрывать-AOR.3SG	окно.NOM
šemdeg	*da-s-cx-a…*		
потом	PVB-3SG-быть.жарким-AOR.3SG		

‘В комнате было четыре окна, одно из них было открыто. Сначала Шота закрыл окно, потом ему стало жарко…’

(175) *#šota-m* *pandžara* ***isev*** *ga-a-γ-o*

Шота-ERG окно.NOM опять PVB-pv-открывать-AOR.3SG

Ожидаемое прочтение: ‘Шота опять открыл окно (не то же самое), и какое-то другое окно до этого было открыто.’

Представим ещё один пример невозможности широкой сферы действия репетитива при реститутивном прочтении. Предложение (177) при реститутивном контексте (176) оказывается неуместным в связи с тем, что этот контекст подразумевает широкую сферу *isev* по отношению к кванторному дополнению. Предложение (179) в контексте (178) оказывается уместным, так как данный реститутивный контекст подразумевает узкую сферу действия репетитивного наречия (одни и те же розы являются носителями двух состояний ‘быть красными’, одно из которых предшествует другому).

(176) Контекст RES, AGAIN > QP для (177):

Нино сделала много-много роз из белой бумаги и две розы из красной бумаги. Гиви случайно порвал две красные розы. Чтобы Нино не заметила, он покрасил две белые розы в красный цвет.

(177) #givi-m ori vardi isev ċitl-ad še-γeb-a[25]
Гиви-ERG два роза опять красный-ADV PVB-красить-AOR.3SG
'Гиви покрасил две розы в красный, и две (другие) розы были красными до этого.'

(178) Контекст RES, QP>AGAIN для (179):

Нино сделала две розы из красной бумаги. Потом она покрасила их в белый цвет. Потом она передумала и покрасила их в красный.

(179) nino-m ori vardi isev ċitl-ad še-γeb-a
Нино-ERG два роза опять красный-ADV PVB-красить-AOR.3SG
'Нино покрасила две розы в красный цвет, и (эти) две розы были красными до этого.'

Таким образом мы можем заключить, что в языках с предглагольными репетитивами (китайский, русский, грузинский) взаимодействие сферы действия репетитивного наречия с кванторным дополнением происходит ровно так же, как в языках типа английского и немецкого. Семантический подход не способен объяснить различия в возможных сферах действия при разных интерпретациях AGAIN: если репетитивы всегда присоединяются в

[25] Обратим внимание на расположение репетитивного наречия *isev* в данном случае. Мы наблюдаем результативную конструкцию, и в ней оказывается, что расположение *isev* непосредственно перед глаголом невозможно: репетитив обязан предшествовать вторичному предикату при реститутивной интерпретации вне зависимости от сфер действия.

(i) *givi-m ori vardi ċitl-ad isev še-γeb-a
Гиви-ERG два роза красный-ADV опять PVB-красить-AOR.3SG
Ожидаемое прочтение (RES, AGAIN > QP): 'Гиви покрасил две розы в красный, и две (другие) розы были красными до этого.'

(ii) *nino-m ori vardi ċitl-ad isev še-γeb-a
Нино-ERG два роза красный-ADV опять PVB-красить-AOR.3SG
Ожидаемое прочтение (RES, QP > AGAIN): 'Нино покрасила две розы в красный цвет, и (эти) две розы были красными до этого.'

Такое положение дел ожидаемо при синтаксическом подходе, согласно которому при реститутивной интерпретации AGAIN модифицирует малую клаузу, и не получает объяснения при семантическом подходе: не ясно, почему в данной конфигурации репетитив, который обычно находится в предглагольной позиции, обязан находиться слева от адвербиальной группы.

одном месте (предположительно, к глагольной группе), источник разных сфер действия при репетитивном и реститутивном прочтениях неочевиден. Требуются дополнительные допущения, чтобы объяснить наблюдаемые факты.

Однако остаётся вопрос о том, как синтаксический подход может объяснить тот факт, что в ряде языков репетитивные наречия располагаются в предглагольной позиции. Можно предположить как минимум три сценария, при которых репетитивное наречие будет употребляться в предглагольной позиции при реститутивном прочтении. Во-первых, AGAIN может исходно присоединяться к малой клаузе и претерпевать обязательное передвижение в предглагольную позицию, связанное с некоторым фонологическим (PF) требованием, с последующей реконструкцией на уровне логической формы (LF). Во-вторых, AGAIN может, точно так же исходно присоединяясь к малой клаузе и претерпевая обязательное передвижение в предглагольную позицию, подвергаться семантической реконструкции (см. (Cresti 1995), (Lechner 1998), (Sharvit 1999), среди прочих). В-третьих, AGAIN может исходно присоединяться к глагольной группе и претерпевать «семантическое снижение» (semantic lowering), (см. (Ernst 2002)). В данном исследовании мы не будем выбирать какой-то один из вышеперечисленных анализов (см. их подробное обсуждение на материале мандаринского китайского в (Xu 2016)). Однако мы рассмотрим один из аргументов, предложенных в (Xu 2016), в пользу синтаксического передвижения AGAIN в предглагольную позицию (т.е., аргумент против анализа с «семантическим снижением»).

Данный аргумент строится на следующем наблюдении. При наличии в клаузе одновременно репетитивного и некоторого другого наречия при линейном порядке AGAIN – ADV – V возможна только прямая сфера действия (AGAIN > ADV) и невозможна обратная (ADV > AGAIN). Для получения обратной сферы действия необходим линейный порядок ADV – AGAIN – V. Данное обобщение является верным как для китайского репетитива *you*, так и для русского *опять* и грузинского *isev*.

Как можно увидеть в примерах (180)-(181), когда китайское *you* предшествует наречию *xunsu* (‘быстро’), то возможна только сфера действия AGAIN > БЫСТРО, но не БЫСТРО > AGAIN; для получения последний репетитив должен следовать за xunsu (‘быстро’).

(180) Контекст: *Пять минут назад, он быстро открыл дверь. Сейчас…*

Ta	***you***	***xunsu***	*da-kai*	*le*	*men.*	AGAIN > БЫСТРО
он	опять	быстро	ударить-открыть	Asp	дверь.	

‘Опять, он быстро открыл дверь.’

(адаптировано из (Xu 2016: 47))

(181) Контекст: *Пять минут назад, он медленно открыл дверь. Сейчас…*

a. *#Ta* ***you*** ***xunsu*** *da-kai* *le* *men.* *БЫСТРО > AGAIN
он опять быстро ударить-открыть Asp дверь.
'Опять, он быстро открыл дверь.'

b. *Ta* ***xunsu*** ***you*** *da-kai* *le* *men.* БЫСТРО > AGAIN
он быстро опять ударить-открыть Asp дверь.
'Быстро, он опять открыл дверь.'

(адаптировано из (Xu 2016: 47))

Аналогичное наблюдение можно сделать о взаимодействии сфер действия *you* и наречия *guyi* ('нарочно'): (182)-(183). Когда *you* предшествует наречию *guyi* ('нарочно'), возможна только прямая и невозможна обратная сфера действия. Для получения обратной сферы действия *you* должно следовать за *guyi* ('нарочно').

(182) Контекст: *В прошлый раз он нарушил правила нарочно. В этот раз…*

Ta ***you*** ***guyi*** *weifan* *le* *guize.* AGAIN > НАРОЧНО
он опять нарочно нарушить Asp правила
'Он опять нарочно нарушил правила.'

(адаптировано из (Xu 2016: 46))

(183) Контекст: *В прошлый раз он нарушил правила случайно. В этот раз…*

a. #Ta you guyi weifan le guize. *НАРОЧНО > ОПЯТЬ
он опять нарочно нарушить Asp правила
'Он опять нарочно нарушил правила.'

b. *Ta* ***guyi*** ***you*** *weifan* *le* *guize.* НАРОЧНО > ОПЯТЬ
он нарочно опять нарушить Asp правила
'Нарочно, он опять нарушил правила.'

(адаптировано из (Xu 2016: 46))

То же самое можно наблюдать в русском и грузинском языках. Примеры (184)-(185) и (186)-(187) иллюстрируют, что возможна прямая сфера действия и невозможна обратная при линейном предшествовании репетитивных наречий наречию 'быстро'.

(184) *Вчера Вася быстро открыл дверь,*
*и сегодня Вася **опять быстро** открыл дверь.* AGAIN > БЫСТРО

(185) *Вчера Вася медленно открыл дверь,*
*#а сегодня Вася **опять быстро** открыл дверь.* *БЫСТРО > AGAIN

(186) *gušin šota-m botli sc̣rapad da-cal-a,*
вчера Шота-ERG бутылка.NOM быстро PVB-опустошить-AOR.3SG
*da dγes šota-m botli **isev sc̣rapad** da-cal-a.*
и сегодня Шота-ERG бутылка.NOM опять быстро PVB-опустошить-AOR.3SG
AGAIN > БЫСТРО: ‘Вчера Шота быстро опустошил бутылку, и сегодня Шота опять быстро опустошил бутылку.’

(187) *gušin šota-m botli nela da-cal-a,*
вчера Шота-ERG бутылка.NOM медленно PVB-опустошить-AOR.3SG
*#dγes šota-m botli **isev sc̣rapad** da-cal-a.*
сегодня Шота-ERG бутылка.NOM опять быстро PVB-опустошить-AOR.3SG
*БЫСТРО > AGAIN: ‘Вчера Шота медленно опустошил бутылку, а сегодня Шота быстро опять опустошил бутылку.’

Примеры (188)-(193) показывают взаимные сферы действия русских *опять* и *нарочно* и грузинских *isev* и *ganzrax* (‘нарочно’). Когда репетитивы предшествуют ‘нарочно’, то возможна сфера действия AGAIN > НАРОЧНО, и невозможна НАРОЧНО > ОПЯТЬ. Для получения обратной сферы действия ‘нарочно’ должно предшествовать репетитивному наречию ((190), (193)).

(188) *Вчера Вася нарочно открыл дверь,*
*и сегодня Вася **опять нарочно** открыл дверь.* AGAIN > НАРОЧНО

(189) *Вчера Вася случайно открыл дверь,*
*#а сегодня Вася **опять нарочно** открыл дверь.* *НАРОЧНО > ОПЯТЬ

(190) *Вчера Вася случайно открыл дверь,*
*а сегодня Вася **нарочно опять** открыл дверь.* НАРОЧНО > ОПЯТЬ

(191) *gušin šota-m botli ganzrax da-cal-a,*
вчера Шота-ERG бутылка.NOM намеренно PVB-опустошить-AOR.3SG
*dγes šota-m botli **isev ganzrax** da-cal-a.*
сегодня Шота-ERG бутылка.NOM опять нарочно PVB-опустошить-AOR.3SG

AGAIN > НАРОЧНО: ‘Вчера Шота намеренно опустошил бутылку, сегодня Шота опять нарочно опустошил бутылку.’

(192) *#gušin šota-m botli šemtxvevit da-cal-a,*
вчера Шота-ERG бутылка.NOM случайно PVB-опустошить-AOR.3SG
dγes šota-m botli ***isev*** ***ganzrax*** *da-cal-a.*
сегодня Шота-ERG бутылка.NOM опять нарочно PVB-опустошить-AOR.3SG
*НАРОЧНО > ОПЯТЬ: ‘Вчера Шота случайно опустошил бутылку, сегодня Шота нарочно опять опустошил бутылку.’

(193) *gušin šota-m botli šemtxvevit da-cal-a,*
вчера Шота-ERG бутылка.NOM случайно PVB-опустошить-AOR.3SG
dγes šota-m botli ***ganzrax*** ***isev*** *da-cal-a.*
сегодня Шота-ERG бутылка.NOM нарочно опять PVB-опустошить-AOR.3SG
НАРОЧНО > ОПЯТЬ: ‘Вчера Шота случайно опустошил бутылку, сегодня Шота нарочно опять опустошил бутылку.’

Подходы, предполагающие синтаксическое передвижение репетитивных наречий в языках с предглагольными репетитивами (явное передвижение + реконструкция на уровне логической формы, явное передвижение + семантическая реконструкция) позволяют объяснить невозможность обратного прочтения (ADV > AGAIN) в тех случаях, когда репетитивное наречие предшествует некоторому другому наречию. Тот факт, что наречия блокируют обратное прочтение репетитивов, следует из Принципа Относительной Минимальности (*Relativized Minimality,* (Rizzi 1990)) – широко известного синтаксического ограничения, запрещающего передвижение одного адъюнкта (например, репетитивного наречия) мимо другого адъюнкта (например, другого наречия). Подход с исходным порождением AGAIN в предглагольной позиции и последующим «семантическим снижением» не позволяет объяснить данное явление.

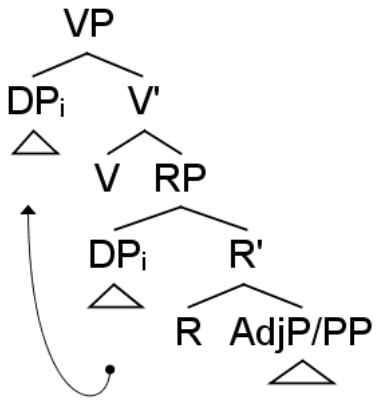
В дальнейшем изложении мы будем предполагать структурный анализ для предглагольных репетитивов: репетитивные наречия в языках типа русского и грузинского порождаются в той синтаксической позиции, где они получают верную интерпретацию согласно синтаксическому подходу к репетитивно-реститутивной полисемии (т.е., например, при реститутивной интерпретации они порождаются как адъюнкты к малой клаузе). В дальнейшем репетитивы претерпевают передвижение в предглагольную позицию, связанное с требованиями фонологических компонентов данных языков. Вопрос о том, подвергаются ли репетитивы в дальнейшем реконструкции

на уровне логической формы или «семантической реконструкции», мы оставляем открытым.

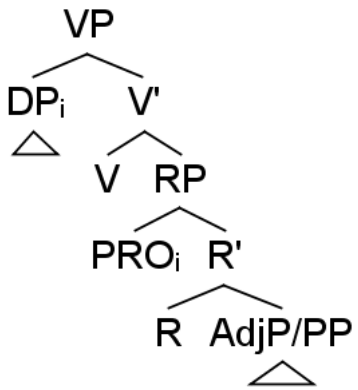
В конце данного раздела кратко обсудим вопрос о том, где порождаются прямые дополнения в структурах с малыми клаузами: порождаются ли они внутри малой клаузы, претерпевая затем передвижение в более высокую позицию (194a), или же они возникают в качестве аргумента глагола в позиции Spec, VP, контролируя нулевое местоимение (PRO) в малой клаузе (194b).

(194) Рис. 13. Контроль – vs – Подъём в структурах с малыми клаузами.

a. Анализ с подъёмом DP из SC



b. Анализ с контролем DP (в Spec, VP) PRO в SC



Отметим, что два данных анализа сложно развести. Некоторые исследователи ((von Stechow 1996), (Beck & Johnson 2004), (Alexiadou et al. 2014), (Lechner et al. 2015)) предполагают конструкцию с подъёмом, некоторые ((von Stechow 1995), (Beck 2005), (Xu 2016)) – конструкцию с контролем.[26] Один из важных фактов, который любой анализ в рамках синтаксического подхода должен объяснить – невозможность широкой сферы действия репетитивных наречий по отношению к кванторным прямым дополнениям при реститутивном прочтении. Возможность объяснения данного факта в рамках анализа с подъёмом сильно зависит от наших предположений о свойствах А-передвижений, а именно, от того, как данный тип передвижения влияет на возможные сферы действия: «замораживает» ли он сферу действия передвинувшейся кванторной группы или же позволяет её реконструкцию на уровне логической формы. Если А-передвижения позволяют реконструкцию кванторных именных групп, то невозможность широкой сферы действия репетитивов при реститутивном прочтении остаётся без объяснения:

[26] См. также обсуждение наличия обоих типов конструкций среди результативных предикаций («ECM-результативов» и результативов с контролем) в работе (Wechsler 2005).

реконструированная в малую клаузу кванторная именная группа должна быть способна интерпретироваться внутри сферы действия AGAIN. Если же А-передвижения «замораживают» сферу действия, не позволяя кванторной именной группе реконструироваться, то отсутствие широкой сферы действия репетитивов оказывается ожидаемым: в отсутствии реконструкции репетитивное наречие при реститутивной интерпретации оказывается ниже в структуре, чем передвинувшееся кванторное дополнение. Анализ с контролем является в некотором смысле более привлекательным: он не требует дополнительных допущений об устройстве каких-либо синтаксических процессов. Если прямое дополнение порождается в позиции спецификатора лексического глагола, контролируя в малой клаузе нулевое местоимение, то отсутствие широкой сферы действия репетитивов при реститутивном прочтении оказывается ожидаемым: сама кванторная группа в этом случае ни на каком этапе деривации не находится в сфере действия репетитивного наречия.

В данном исследовании мы не решим вопроса о том, какой из анализов – с контролем или с подъёмом – является верным. Может оказаться и так, что для различных конструкций в различных языках верны разные анализы (в частности, свойства А-передвижений в разных языках могут быть различны). Выбор между двумя анализами не принципиален для нашего последующего изложения. Однако в качестве рабочей гипотезы для конструкций с малыми клаузами мы примем анализ с контролем (194b) во всех случаях кроме одного. В том случае, если предикат малой клаузы претерпевает инкорпорацию в вышерасположенную глагольную вершину, мы будем считать, что мы имеем структуру с подъёмом прямого дополнения. Данное решение обусловлено тем, что в конструкциях с инкорпорацией мы не видим собственно лексического глагола (V), а предполагать возникновение прямого дополнения в позиции спецификатора некоторой функциональной проекции странно как минимум с точки зрения приписывания ему тета-роли. Мы предполагаем, что тета-роли может приписывать лексический глагол и некоторый набор других вершин (например, вершина прилагательного Adj в малой клаузе, вершина Voice и др.), но не лёгкий глагол (*v*) или какие-то более высокие глагольные функциональные проекции.

1.5.3. Однозначно реститутивные репетитивные наречия

В данном разделе мы обсудим такие репетитивные модификаторы, которые могут иметь только реститутивные прочтения. К таковым можно отнести английское *back* (195) и русское *обратно* (196).[27]

(195) *Basil found the arms of Venus and glued them back onto the statue.*
'Базиль нашёл руки Венеры и приклеил их обратно к статуе.'

a. *'…Базиль приклеил руки к статуе, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. '…Базиль приклеил руки к статуе, и руки уже были на статуе до этого.' *RES*

(адаптировано из (McIntyre 2011): 4)

(196) *Вася нашёл руки Венеры и приклеил их обратно к статуе.*

a. *'…Вася приклеил руки к статуе, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. '…Вася приклеил руки к статуе, и руки уже были на статуе до этого.' *RES*

Как в рамках синтаксического подхода к репетитивно-реститутивной полисемии можно объяснить существование таких репетитивов, которые имеют исключительно реститутивные прочтения? Мы обсудим данный вопрос на примере русского *обратно*, рассмотрев две гипотезы о семантико-синтаксических свойствах данного модификатора.

Для начала убедимся, что *обратно* действительно имеет только реститутивную интерпретацию. Интуитивно кажется, что репетитивное прочтение в предложениях с данным модификатором отсутствует ((196)-(197)), однако принимая во внимания потенциальную проблему отношения логического следования между двумя интерпретациями (REP => RES) (см. обсуждение в разделе 1.1.), убедимся, что наша интуиция в данном случае верна.

---

[27] Возможно, к таким же реститутивным модификаторам можно отнести русское *назад* (i), грузинское *ukan* (ii) и немецкое *zurück* (iii). Мы оставляем вопрос о природе таких модификаторов открытым.

(i) *Я взял эту бумагу, да и отправил ее* ***назад*** *Лоссиевскому с следующим объяснением…*

(ii) *šota-m* *levan-s* *çigni* ***uḳan*** *gada-u-gzavn-a*
Шота-ERG Леван-DAT книга.NOM UḲAN PVB-pv-отправить-AOR.3SG
'Шота отправил Левану книгу назад.'

(iii) *Sie* *gehen* *nach* *Hause* *und* *kommen* ***zurück.***
они идти.PRS.3PL к дом.DAT и приходить.PRS.3PL ZURÜCK
'Они идут домой и возвращаются обратно.'

(197) *Вася открыл окно обратно.*

a. *‘Вася открыл окно, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Вася открыл окно, и окно уже было открытым до этого.’ *RES*

Для этого возьмём предложение с немонотонным квантором «ровно один» и контекст, совместимый только с репетитивной интерпретацией (198).

(198) Контекст REP (для (199)-(200)):

Три студента – Маша, Вася и Петя – занимались в библиотеке. Они хотели, чтобы окно в библиотеке было открыто, но библиотекарь хотел, чтобы окно было закрыто. Маша открыла окно, но библиотекарь закрыла его. Вася открыл окно, но библиотекарь закрыла его. Петя открыл окно, но библиотекарь закрыла его. Наконец, Маша открыла окно во второй раз.

(адаптировано из (Tatevosov 2016: 31))

(199) *#Ровно один студент открыл окно обратно.* (Tatevosov 2016: 31)

(200) *Ровно один студент опять открыл окно.* (Tatevosov 2016: 29)

Как можно увидеть из (199)-(200), наречие *опять*, которое может иметь репетитивную интерпретацию, уместно в контексте (198), в то время как *обратно* оказывается неуместным. Это говорит о том, что *обратно* может иметь только реститутивную интерпретацию.

Рассмотрим первый возможный анализ для *обратно*, предложенный в (Tatevosov 2016). Согласно этому анализу невозможность репетитивного значения обратно следует из его семантики:

(201) $||\text{обратно}|| = \lambda R_{<s,<s,t>>}.\lambda s.\ \lambda e : \exists s' \exists s_0\ [s' <_T s\ \&\ \neg\ s' \infty_T s\ \&\ s' \leq_S s_0\ \&\ s \leq s_0].\ R(s)(e)$

(адаптировано из (Tatevosov 2016: 7))

В данном определении (201) в семантическом типе отношения R ‘s’ – событийный тип, переменные ‘s’ и ‘e’ соответствуют состояниям и динамическим событиям соответственно. Также используются следующие отношения: ‘$<_T$’ – отношение временного предшествования, ‘∞_T’ – отношение временной смежности (temporal adjacency), ‘$\leq_S$’ – отношение кросс-временного подсостояния (cross-temporal substate) (Landman 2008). Согласно данному анализу, обратно не вносит изменений в ассертивный

компонент предложения: оно применяется к отношению R между событием s и состоянием e, и возвращает то же самое отношение (R(s)(e)). Обратно вносит пресуппозицию о существовании такого состояния s', которое предшествует данному (s' $<_T$ s) и не пересекается с ним по времени ($\neg$ s' $\circ_T$ s), причем как s', так и s являются подсостояниями некоторого другого состояния s_0 (s' $\leq_S s_0$ & s $\leq s_0$). Таким образом, семантика обратно в (201) подразумевает, что состояния s' и s – это одно и то же состояние s_0, и разница между ними только во временном промежутке между ними. Иными словами, в предложениях с обратно некоторый индивид (носитель состояния) возвращается в то состояние, в котором он уже был до этого.

Однозначность русского *обратно* тривиальным образом следует из предлагаемой семантики (201): так как *обратно* применяется только к отношениям между событиями и состояниями, и вводимая им пресуппозиция накладывает ограничения только на состояние, то репетитивное прочтение обратно автоматически становится невозможным.

Рассмотрим некоторые другие свойства русского *обратно* и как они могут быть объяснены при данном подходе. Одно из наблюдений над *обратно* состоит в том, что данный модификатор, как и реститутивное *опять* (см. раздел 1.5.2.), не может иметь широкую сферу действия по отношению к кванторному прямому дополнению:

(202) Контекст RES, OBRATNO > QP:
Володя в комнате с двумя окнами. Одно окно закрыто, другое – открыто. Володя открывает закрытое окно.

(203) #*Володя открыл окно обратно.*

Неуместность (203) при контексте в (202) показывает, что *обратно* не может иметь широкую сферу действия по отношению к кванторному прямому дополнению. Ожидаемое прочтение в данном случае следующее: 'Володя открыл окно, и какое-то окно было открыто до этого.' Как можно заметить, в рассматриваемом контексте присутствует окно (открытое с самого начала), которое удовлетворяет предполагаемой пресуппозиции. Таким образом, неуместность (203) показывает, что индивид, который является носителем состояния, должен быть идентичен как в данном событии, так и в предшествующем состоянии 'быть открытым'.

Каким образом данное ограничение объясняется в (Tatevosov 2016)? При этом анализе оно следует из того факта, что два состояния являются идентичными, различающимися только соответствующими им временными интервалами (201), и из того, что одно состояние не может иметь двух различных носителей (204).

(204) Уникальность участников (как для событий, так и для состояний)
∀R∀e∀x∀y [R(x)(e) & R(y)(e) → x = y] (адаптировано из (Tatevosov 2016: 25))

Условие уникальности участников событий в (204) говорит о том, что для любого отношения R, любого события e и любых индивидов x и y если отношение R выполняется для события e и индивида x и отношение R выполняется для событие e и индивида y, то x является тем же индивидом, что и y. Иными словами, два индивида, которые стоят в одном и том же отношении к событию, являются идентичными. Таким образом, из семантики *обратно* и условия в (204) следует, что носитель данного состояния и предшествующего ему должны быть идентичны, а значит, кванторные прямые дополнения всегда должны иметь широкую сферу действия по отношению к *обратно*.

Ещё одно наблюдение, сделанное в (Tatevosov 2016), состоит в том, что *обратно* оказывается совместим только с целевыми состояниями (*target states*), но не с собственно состояниями результата (*result states*) в терминологии (Kratzer 2000). Согласно (Kratzer 2000), целевые состояния являются частью лексической репрезентации предиката, соответствуют стативному компоненту событийной структуры свершений и ассоциируются с переменной состояния (λ**s.** λe…). Состояния же результата не являются частью лексической репрезентации предиката и представляют собой временные интервалы, левая граница которых совпадает со временем окончания события, а правая – с временем ассерции. Соответственно, состояния результата ассоциируются с временной переменной (λt. ∃e…τ(e) $<_T$ t…). В отличие от целевых состояний, состояния результата необратимы: после кульминации события соответствующее состояние результата имеет место вечно. Как можно заметить, из предложенной семантики *обратно* (201) следует, что *обратно* сможет модифицировать только целевые состояния: только целевые состояния допускают возвращение в то состояние, в котором индивид находился ранее. В качестве диагностики на тип состояния в (Kratzer 2000) предлагается использовать модификацию с помощью наречий типа *ещё* (*still*): такая модификация должна быть невозможна для состояний результата, но возможна для целевых состояний исходя из предполагаемых различий между ними. Согласно данной диагностике, предикат ‘лозунг написан’ представляет собой целевое состояние, в то время как ‘роман написан’ – состояние результата:

(205) *Лозунг ещё написан (на стене).* (Tatevosov 2016: 15)

(206) **Роман ещё написан.* (Tatevosov 2016: 17)

Как можно увидеть из (207)-(210), целевое состояние (‘лозунг написан’) оказывается возможно модифицировать с помощью *обратно* (208), в то время как состояние результата (‘роман написан’) – невозможно (210), что является аргументом в пользу предложенной в семантики.

(207) Контекст для (208):
Володя написал лозунг на стене. На следующий день кто-то его стёр. После этого…

(208) *Володя написал лозунг обратно.* (Tatevosov 2016: 13)

(209) Контекст для (210):
Володя написал роман, но в доме случился пожар, и рукопись сгорела. Тогда…

(210) **Володя написал роман обратно.* (Tatevosov 2016: 13)

Какова позиция данного анализа по поводу места присоединения *обратно* в синтаксической репрезентации? Предложенная семантика (201) предполагает, что *обратно* является наречием, модифицирующим глагольную группу: оно берет отношение между событием и состоянием в качестве своего аргумента.

Теперь рассмотрим другое предположение о природе *обратно*, а именно, что *обратно* представляет собой такой репетитив, который с синтаксической точки зрения является модификатором предложной группы. Такая гипотеза уже выдвигалась для другого репетитива – как минимум для некоторых употреблений английского *back* в (McIntyre 2011). При таком подходе семантика *обратно* может быть идентичной семантике AGAIN (43):

(211) $[[\text{OBRATNO}]](P_{<s,t>})(e) =$ 1 iff $P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P(e')]$;
0 iff $\neg P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P(e')]$;
не определено в противном случае.

Тот факт, что в событие e всегда является состоянием, следует из синтаксических селективных свойств *обратно*: *обратно* присоединяется только к предложным группам, а предложные группы могут вводить в синтаксическую репрезентацию только стативные

события.[28] При анализе *обратно* как модификатора PP и при наличии лексической декомпозиции предикатов в синтаксисе возможность *обратно* иметь исключительно реститутивные прочтения находит очень просто объяснение: так как *обратно* не может присоединяться к глагольной группе, оно никогда не способно иметь репетитивную интерпретацию.

Каким образом данный подход способен объяснить другие вышерассмотренные свойства – неспособность иметь широкую сферу действия по отношению к кванторным прямым дополнениям и совместимость только с целевыми состояниями по (Kratzer 2000)? Что касается взаимной сферы действия с кванторными ИГ, данное свойство *обратно* опять является прямым следствием его синтаксического статуса модификатора предложной группы: как модификатор PP, *обратно* присоединяется в структуре ниже, чем позиция, которую занимает кванторное прямое дополнение (Spec, VP), и, таким образом, никогда не может иметь широкую сферу действия по отношению к нему. Что касается способности модифицировать только целевые состояния, то можно выдвинуть предположение, что предложные группы, которые *обратно* способен модифицировать, всегда имеют в своей семантике целевое состояние. А те случаи, когда обратно не способен присоединиться, объясняются тем, что данный предикат не может присоединять такую предложную группу, которая позволила бы ввести в синтаксическую репрезентацию необходимое состояние. Посмотрим ещё раз на предложения (208) и (210), повторенные ниже как (212)-(213):

[28] В данном исследовании мы не будем обсуждать вопрос о том, как именно предложные группы вводят стативные результирующие подсобытия в лексическую декомпозицию (о расщеплении предложных групп на ряд проекций в синтаксисе см. (Svenonius 2007), о семантике предложных групп см. в частности (Cresswell 1978), (Zwarts & Winter 2000)). Однако любая теория должна некоторым образом объяснять тот факт, что в семантике направительных предложных групп некоторым образом присутствует информация о состоянии нахождения некоторого индивида в некоторой локации:

(i) *John went out of the house → John was in the house.*
'Джон вышел из дома → Джон был дома.'
(ii) *Mary went into the room → Mary was in the room.*
'Мэри вошла в комнату → Мэри была в комнате.'
(iii) *The train went through the tunnel → The train was in the tunnel.*
'Поезд прошёл через туннель → Поезд был в туннеле.'
(Zwarts & Winter 2000: 30)

Мы будем предполагать, что как минимум в случаях типа (ii) предложная группа вводит некоторым образом результирующее состояние (в данном случае – результирующее состояние 'Мэри в комнате'), которое может быть в дальнейшем модифицировано репетитивными наречиями при присоединении их к предложной группе.

(212) *Володя написал лозунг обратно.* (Tatevosov 2016: 13)

(213) **Володя написал роман обратно.* (Tatevosov 2016: 13)

Как можно заметить, предикат ‘написать лозунг’ совместим с направительной предложной группой, в то время как предикат ‘написать роман’ – несовместим:

(214) *Володя написал лозунг на стену.*

(215) *??Володя написал роман в тетрадь.*

Соответственно, можно предположить, что именно несовместимость предиката ‘написать роман’ с предложной группой вызывает неграмматичность употребления с ним обратно, а не непосредственно тот тип результирующего состояния, который данный предикат подразумевает.[29]

Таким образом, как можно видеть, обе вышеприведенные гипотезы об *обратно* способны объяснить наличие у него только реститутивных прочтений, невозможность широкой сферы действия по отношению к кванторным именным группам и чувствительность к типу результирующего состояния. Перейдём к рассмотрению тех свойств *обратно*, которые неодинаково успешно объясняются двумя подходами.

В пользу определения *обратно* как модификатора предложной группы говорят наблюдении о его синтаксической дистрибуции. Как можно заметить, в отличие от *опять*, который занимает предглагольную позицию при нейтральном порядке слов ((216)-(217)), *обратно* обычно располагается в конце предложения ((218)-(219)):

(216) *Вася опять приехал.* (нейтральный порядок слов)

(217) *?Вася приехал опять.* (маркированный порядок слов)

(218) *Вася приехал обратно.* (нейтральный порядок слов)

(219) *?Вася обратно приехал.* (маркированный порядок слов)

Если *обратно* является наречием, модифицирующим глагольную группу, то остаётся неясно, почему оно обычно употребляется не в предглагольной позиции, как *опять*, а в конце предложения. При подходе к *обратно* как к модификатору предложной группы мы предполагаем, что в тех случаях, когда предложная группа в предложении на

[29] Однако тип результирующего состояния предиката и возможность взять предложную группу в качестве аргумента могут быть взаимосвязаны.

поверхностном уровне отсутствует, она на самом деле присутствует в синтаксической репрезентации:

(220) Вася приехал [обратно [P DP_{LOC}]].

Таким образом, позиция *обратно* в предложениях типа (218) неудивительна: *обратно* предшествует опущенной предложной группе, которую оно модифицирует.

Заметим, что в тех случаях, когда английское *back* является модификатором предложной группы (согласно анализу (McIntyre 2011)), предложная группа не может быть опущена (221). Данной характеристикой *back* отличается от русского *опять*, которое может как соседствовать с предложной группой, так и употребляться без неё ((222)-(223)):

(221) *Basil found the arms of Venus and glued them back *(onto the statue).*
(McIntyre 2011: 4)

(222) *Вася нашёл руки Венеры и приклеил их обратно (к статуе).*

(223) *Вася повесил картину обратно (на стену).*

Ещё одним аргументом в пользу *обратно* как модификатора предложной группы является тот факт, что в тех случаях, когда в предложении имеется направительная предложная группа, *обратно* не просто линейно предшествует ей (224), но на самом деле образует с ней составляющую.

(224) *Вася приехал [обратно в Москву]*.

(225) **Скрэмблинг [ОБРАТНО + PP]**
[Обратно в Москву] Вася решил приехать.

(226) **«Эффект Крысолова»: [ОБРАТНО + wh-PP]**
[Обратно в какой город] они отправились?

(227) **[ОБРАТНО + PP] как ответ на вопрос**
A: *Куда Петя пошёл?*
B: *[Обратно в школу]*.

Как можно увидеть в (225)-(227), *обратно* и направительную предложную группу можно вместе подвергнуть скрэмблингу; при наличии вопросительного слова в составе предложной группы возможно передвинуть на левую периферию не только саму группу, но и *обратно*; ‘обратно PP’ способно выступать высказыванием, являющимся ответом на вопрос о направлении движения. Все данные диагностики свидетельствуют о том, что, когда в предложении имеется направительная предложная группа, *обратно* образует с ней составляющую. Очевидным образом, данный факт плохо совместим с анализом *обратно* как модификатора глагольной группы: будучи модификатором VP, *обратно* должен бы был образовывать составляющую с ней, а не с некоторым материалом внутри неё.

Несмотря на свою привлекательность, подход к *обратно* как к модификатору предложной группы сталкивается со следующей проблемой: часть предикатов, при которых мы видим *обратно*, либо совсем не могут встречаться с выраженными предложными группами, либо сильно ограничены в своих возможностях сочетания с ними. Так, например, если для предикатов ‘замёрзнуть’ и ‘накачать шину’ ещё можно встретить некоторые употребления с направительными предложными группами, то для предикатов вроде ‘заснуть’ или ‘заболеть’ сложно представить себе предложные группы, с которыми они могли бы употребляться.

(228) *Вода замёрзла обратно.* (Tatevosov 2016: 4)
(229) *Володя накачал шину обратно.* (Tatevosov 2016: 12)
(230) *Вася заснул обратно.* (С.Г. Татевосов, л.с.)
(231) *Вася заболел обратно.* (С.Г. Татевосов, л.с.)

(232) *«Та же незамерзкайка в минус 30 замёрзла до состояния холодца…»*[30]
(233) *«Заменил АКБ, накачал шины до требуемого давления…»*[31]

Подход, представленный в (Tatevosov 2016), не предполагает обязательность наличия в синтаксической репрезентации предложной группы, поэтому не сталкивается с вышепредставленной проблемой. Для сохранения анализа *обратно* как модификатора PP в случаях типа (230)-(231) приходится постулировать некоторую нулевую абстрактную предложную группу, что кажется контринтуитивным.[32]

[30] Пример из интернета.
[31] Пример из интернета.
[32] *Обратно*, как и английское *back*, как кажется, в некоторых случаях может выступать модификатором AdjP. В (i)-(iii) представлены случаи модификации *back* групп прилагательного, которые выступают в качестве вторичного предиката в результативной конструкции. В (iv)-(vi) представлены случаи

Таким образом, обе рассмотренные гипотезы объясняют большую часть синтактико-семантических свойств обратно, но имеют трудности с объяснением некоторых наблюдений. Для анализа *обратно*, представленного в (Tatevosov 2016), проблемной оказывается синтаксическая дистрибуция *обратно*. В рамках данного анализа приходится предположить, что существует на самом деле два *обратно* (по всей видимости, с разной семантикой): *обратно*$_1$ – модификатор глагольной группы, и *обратно*$_2$ – модификатор предложной группы. *Обратно*$_2$ встречается в тех предложениях, где мы видим выраженную направительную предложную группу, образующую составляющую с модификатором, *обратно*$_1$ – в остальных случаях. Для альтернативного подхода, при котором *обратно* считается модификатором предложной группы, трудность составляет наличие таких предикатов, которые совместимы с *обратно*, но, как кажется, не могут брать предложные группы в качестве своих аргументов. В рамках этого подхода приходится постулировать абстрактные нулевые предложные группы для данных случаев.

В данном исследовании мы не будем делать выбор в пользу какой-то одной из рассмотренных гипотез. Для последующего обсуждения будет существенно такое свойство обратно, которые оба рассмотренных подхода признают: *обратно* способно находить и модифицировать результирующие состояния предикатов. Если *обратно* может употребляться с некоторым предикатом, то это значит, что результирующее состояние присутствует в событийной структуре данного предиката. Вопрос о том, присутствует ли оно также в синтаксической репрезентации, будучи введенным некоторой предложной группой, мы оставляем открытым.

модификации *обратно* прилагательных, найденные в интернете. Мнения носителей о приемлемости последних расходятся.

(i) *I folded it back flat.* (McIntyre 2011: 4)
‘Я сложил это обратно (так, что оно стало) плоским.’

(ii) *The noise jarred him back awake.* (McIntyre 2011: 4)
‘Звук, действуя ему на нервы, разбудил его.’
(Досл.: ‘Звук раздражал его обратно бодрствующим’)

(iii) *The goal brought the two teams back even.* (McIntyre 2011: 4)
‘Гол сделал так, что две команды стали обратно на равных.’
(Досл.: ‘Гол принёс две команды обратно равными.’)

(iv) *«Всё, поздно: я обратно худой, трезвый и всех ненавижу.»* (интернет)

(v) *«Затем снова сердце прихватило, опять давление бешеное – он обратно трезвый.»* (интернет)

(vi) *«Я обратно пьяный, захмелел от милой…»* (интернет)

Анализ *обратно* как модификатора предложной группы совместим с наличием некоторых других употреблений *обратно* – например, с наличием *обратно* в качестве модификатора AdjP. Однако для этого подхода важно, чтобы *обратно* не мог выступать также модификатором глагольной группы: если это возможно, то большая часть объяснений в рамках данного подхода будет потеряна.

1.6. Выводы

В конце данной главы подведём краткие итоги нашего обсуждения репетитивных морфем. В этой главе мы рассмотрели возможные интерпретации репетитивов (раздел 1.1.), выделив те две интерпретации, которые будут важны для нас в дальнейшем – репетитивную и реститутивную. Мы представили два конкурирующих подхода к объяснению репетитивно-реститутивной полисемии морфем – семантический (раздел 1.2.) и синтаксический (раздел 1.3.), и решили принять последний в данном исследовании. Мы обсудили связь наличия реститутивного прочтения с существованием в структуре малой клаузы (раздел 1.4.) и со свойствами репетитивной морфемы (раздел 1.5.1), продемонстрировав, что как в русском, так и в грузинском языке имеются конструкции с малыми клаузами, а репетитивы *опять* и *isev* способны «заглядывать» внутрь декомпозиции предикатов в синтаксисе. В разделе 1.5.2. мы представили аргументы в пользу структурного анализа многозначности AGAIN в языках с предглагольными репетитивами (русский, грузинский), а в разделе 1.5.3. обсудили возможные анализы однозначно реститутивных репетитивов на примере русского *опять*.

II. Теоретические подходы к конструкциям с дативными аргументами

В данной главе мы рассмотрим некоторые теоретические подходы к конструкциям с дативными аргументами. Мы не ставим перед собой задачи обсудить все возможные анализы таких конструкций, встречающиеся в обширной литературе ((Пшехотская 2012), (Anagnostopoulou 2003), (Bailyn 1995), (Bailyn 2010), (Baker 1996), (Barss & Lasnik 1986), (Boneh & Nash, to appear), (Bresnan et al. 2007), (Bruening 2010a), (Bruening 2010b) (Chomsky 1981), (Cuervo 2003), (Dyakonova 2005), (Dyakonova 2007), (Franks 1995), (Grimshaw & Prince 1986), (Harley 1996), (Harley 2002), (Harley & Jung 2015), (Harley & Miyagawa 2016), (Haspelmath 2015), (Jelinek 1999), (Junghanns & Zybatow 1997), (Kayne 1984), (Kim 2015), (Larson 1988), (Levin 1993), (Levin 2009), (Levinson 2004), (Lomashvili 2010), (Marantz 1993), (McIntyre 2006), (McIntyre 2011), (Oehrle 1976), (Miyagawa & Tsujioka 2004), (Pesetsky 1995), (Pylkkänen 2008), (Rappaport Hovav & Levin 2008), (Snyder 2003), (Wood & Marantz 2015), среди многих прочих). В частности, мы не станем приводить аргументы за и против представляемых нами анализов.

Цель данной главы – рассмотреть четыре типа подходов к дитранзитивным клаузам (например, таким как представлены в (234)-(237)) (непрямое дополнение как аргумент глагола (раздел 2.1.), непрямое дополнение как аппликативный аргумент (раздел 2.2.), непрямое дополнение как аргумент малой клаузы (раздел 2.3.) и непрямое дополнение как предложная группа с инкорпорированной вершиной (раздел 2.4.)) а также кратко обсудить возможные анализы некоторых других типов конструкций с дативными аргументами (например, таких как в (238)-(240)) (раздел 2.5.), для того, чтобы определить, каковы ожидаемые интерпретации репетитивных морфем в данных конструкциях при синтаксическом подходе к репетитивно-реститутивной полисемии (раздел 2.6.).

(234) *John gave Mary the book.*
‘Джон отдал Маше книгу.’

(235) *Hans gab dem Mädchen ein Buch.*
Ганс отдать.PRT.3SG DEF.n.3SG.DAT девочка INDEF.n.3SG.ACC книга
‘Ганс отдал девочке книгу.’

(236) *Вася отдал Маше книгу.*

(237) *šota-m levan-s ɕigni misca*
Шота-ERG Леван-DAT книга.NOM отдать.AOR.3SG
‘Шота отдал Левану книгу.’

(238) *Вася открыл Маше дверь.*

(239) *Иван разлил Маше чернила на платье.* (Пшехотская 2012: 94)

(240) *šota-m* *levan-s* *γvino* *da-a-lev-in-a*
Шота-ERG Леван-DAT вино.NOM PVB-pv-пить-CAUS-AOR.3SG
'Шота заставил Левана пить вино.'

Среди большого ряда вопросов, которые возникают в связи с синтаксисом конструкций с дативными аргументами, можно выделить три, на наш взгляд, наиболее существенных:

1. Является ли косвенное дополнение аргументом глагола?
2. Какой аргумент находится в структуре выше – косвенное дополнение или прямое дополнение?
3. Если в языке присутствуют две конструкции с разным морфосинтаксическим кодированием косвенного дополнения, связаны ли они деривационным отношением?

Первый вопрос связан с нашими представлениями о том, какой вершиной дативный аргумент вводится в синтаксическую репрезентацию. Является ли эта вершина лексической или функциональной? Является ли она глагольной? Этот вопрос также неразрывно связан с вопросом о том, как косвенное дополнение получает свою тета-роль: приписывается ли роль определенной вершиной ((Baker 1996), (Bailyn 1995), среди прочих) или возникает вследствие определенной синтаксической конфигурации ((Cuervo 2003), (Lomashvili 2010), среди прочих)?

Второй вопрос посвящён тому, как устроено отношение структурного приоритета между двумя дополнениями в клаузе: с-командует ли косвенное дополнение прямым дополнением или прямое дополнение косвенным? Ответ на данный вопрос вносит существенный вклад в синтаксический анализ дитранзитивной конструкции. Среди диагностик, которые используются для определение структурного отношения между двумя дополнениями, можно выделить следующие: связывание анафоров, связывание кванторными группами местоимений, наблюдения над наличием эффекта слабого переезда (*weak crossover*), лицензирование отрицательно-полярных единиц (*NPI*), взаимные сферы действия двух кванторных дополнений, наличие идиом с косвенным дополнением и с прямым дополнением, возможность вторичной предикации (например, лицензирование депиктивов) при косвенном и прямом дополнениях и некоторые другие.

Третий вопрос поднимает проблему вариативности морфосинтаксического кодирования аргументов в дитранзитивных клаузах. Если в каких-то случаях дативный

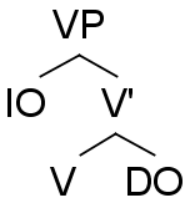
аргумент предшествует аккузативному, а в других следует за ним – это одна и та же конструкция (два порядка слов возникают в ходе передвижения в рамках одной деривации) или две разные конструкции (каждому порядку слов соответствует своя деривация)? Если в языке наряду с конструкцией с косвенным аргументом имеется конструкция с (практически) идентичной семантикой, в которой мы видим прямое дополнение и предложную группу (например, английские Double Object Construction (*John gave Mary the book* (‘Джон отдал Маше книгу’)) и to-PP construction (*John gave the book to Mary* (‘Джон отдал Маше книгу’))) – это одна и та же конструкция (предложения с разными морфосинтаксическими оформлениями аргумента связаны деривационным отношением) или две разные (каждому морфосинтаксическому оформлению аргумента соответствует своя деривация)?

В следующих ниже разделах мы постараемся осветить то, как различные типы подходов к конструкциям с дативными аргументами отвечают на эти три вопроса. А в разделе 2.6. мы обсудим то, как от ответов на эти вопросы зависят наши ожидания о наборе возможных интерпретаций репетитивов в структурах с косвенными аргументами.

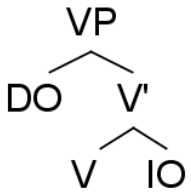
2.1. Дативное дополнение как аргумент глагола

Первый из рассматриваемых нами анализов предполагает, что дативный аргумент является аргументом глагола – то есть, вводится в структуру внутри проекций лексического глагола (V). Каково при этом структурное расположение прямого и косвенного аргументов внутри глагольной группы? На этот вопрос существуют различные точки зрения. Так, например, в работах ((Franks 1995), (Junghanns & Zybatov 1997), (Dyakonova 2005), (Dyakonova 2007) среди прочих) предполагается, что дативное дополнение структурно выше, чем прямое дополнение, в то время как другими исследователями ((Larson 1988), (Bailyn 1995), (Bailyn 2010), среди прочих) выдвигалась гипотеза о том, что прямое дополнение структурно выше косвенного (241)-(242).

(241) Рис. 14. Непрямое дополнение как аргумент глагола, IO > DO.



(242) Рис. 15. Непрямое дополнение как аргумент глагола, DO > IO.



Связаны ли дитранзитивные конструкции с различным морфосинтаксическим оформлением актантов (например, русские (243)-(244) или английские (245)-(246)) при данном типе анализов деривационно?

(243) *Ваня отправил письма студентам.*
(244) *Ваня отправил студентам письма.*
(245) *John sent the letters to students.*
(246) *John sent students the letters.*

Большинство исследователей в рамках данного подхода отвечают на данный вопрос положительно, хотя можно было бы себе представить наличие в рамках одного языка наличие двух конструкций ((241) и (242)), не связанных деривационным отношением. Так, например, как в работах Dyakonova (2005, 2007), так и в работах Bailyn (1995, 1997) предполагается наличие некоторого рода локального А-скрэмблинга в русских дитранзитивных конструкциях. Согласно анализу, предлагаемому в (Dyakonova 2005, 2007) это передвижение деривирует (243) из исходного предложения (244). Согласно Bailyn (1995, 1997), это передвижение, наоборот, деривирует (244) из исходного предложения (243). В работе (Larson 1988) предлагается деривационный анализ для английских дитранзитивных конструкций (245)-(246): выдвигается гипотеза о том, что конструкция с предложной группой является исходной, а конструкция с двумя дополнениями получается из неё с помощью передвижения косвенного дополнения в более высокую позицию в рамках глагольной группы.[33]

Таким образом, подход к дативным дополнениям как к аргументам глагола можно обобщить следующим образом:

1. Косвенное дополнение – аргумент глагола.
2. DO > IO или IO > DO (зависит от конкретного анализа).

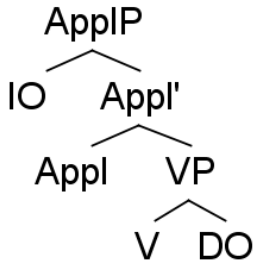
[33] При этом анализ Ларсона предполагает, что предлог *to* «абсорбируется» в конструкции с двумя дополнениями в том же духе, как аккузативный падеж «абсорбируется» при пассивизации. Ларсон в принципе рассматривает передвижение косвенного дополнения как разновидность пассивной деривации: «статус» прямого дополнения понижается, а статус косвенного дополнения «понижается».

3. Деривационный подход к морфосинтаксической вариативности.

2.2. Дативное дополнение как аппликативный аргумент

Второй рассматриваемый нами подход к дативным дополнениям ((Marantz 1993), (Pylkkänen 2008), (Cuervo 2003), (McIntyre 2006), (Bruening 2010b), среди прочих) предполагает, что косвенные аргументы не являются аргументами лексического глагола, а вводятся в синтаксическую структуру с помощью особой функциональной вершины – аппликативной вершины (Appl) (247). Данный подход в некотором смысле был вдохновлён выдвинутой в (Kratzer 1996) гипотезой о том, что внешние аргументы не являются на самом деле аргументами глагола и вводятся особой функциональной вершиной (Voice /v_{CAUS}[34]). Таким образом, последователи аппликативного подхода к косвенным аргументам выдвигают предположение о том, что на самом деле, только внутренние аргументы являются аргументами глаголов, а введение косвенных дополнений так же, как и внешних аргументов, связано с наличием дополнительных функциональных проекций в синтаксической структуре.

(247) Рис. 16. Дативное дополнение как аппликативный аргумент[35]



Эмпирическое подтверждение данной идее пришло из таких языков, которые маркируют введение косвенного аргумента в структуру особыми маркерами на глаголах:

[34] Название данной вершины отличается в различных работах.

[35] В (Pylkkänen 2008) была выдвинута гипотеза, согласно которой в языках бывает как минимум два типа аппликативных конструкций: «низкие» и «высокие» аппликативы. В конструкциях с «высокими» аппликативами аппликативная вершина берет глагольную группу, содержащую глагол и прямое дополнение, в качестве своего комплемента и вводит косвенный аргумент в качестве своего спецификатора. В конструкциях с «низкими» аппликативами аппликативная вершина устанавливает «отношения перехода принадлежности» между двумя дополнениями, беря прямое дополнение в качестве своего комплемента, а косвенное – в качестве своего спецификатора. Впоследствии многими исследователями было поставлено под сомнение существование «низких» аппликативов в том виде, в котором они были предложены Pylkkänen (2008) – см., например, обсуждение проблем с их семантикой в (Larson 2010). Однако мы не будем обсуждать «низкие» аппликативы в данном разделе по другой причине – по своей структуре анализ с «низким» аппликативом очень схож с анализом с малой клаузой и, как кажется, может рассматриваться как его разновидность с некоторыми незначительными модификациями.

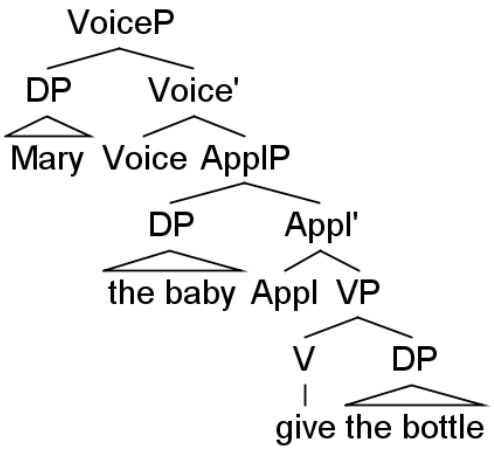
(248) N-á́-ǐ́-lyì-**í**-à m-kà k-élyá.
FOC-1s-PRS-есть-**APP**-FV 1-жена 7-еда
‘Он ест еду для своей жены.’
((Bresnan and Moshi 1993 : 49–50), цит. по (Pylkkänen 2008: 11))

В примере (248) из языка чага мы видим особый суффикс (*-í-*) на глагольной словоформе, который обязателен при введении в структуру дополнения, соответствующего бенефактивному участнику ситуации (‘есть еду’). Наличие в языках мира ненулевых аффиксов, которые маркируют ввод косвенных дополнений, является аргументом в пользу существования аппликативных вершин.

Анализ с аппликативной проекцией в дальнейшем получил большое распространение и стал применяться к менее экзотичным языкам, в которых отсутствуют особые аппликативные морфемы. Так, например, в (Bruening 2010b) предлагается анализировать конструкцию с двумя дополнениями в английском языке (249) как аппликативную конструкцию, в которой аппликативная вершина берет своим комплементом глагольную группу и вводит в качестве своего спецификатора косвенное дополнение (250).

(249) *Mary gave the baby the bottle* (Bruening 2010b: 521)

(250) Рис. 17. Структура с аппликативом для (249),
(адаптировано из (Bruening 2010b: 521)).



Подход к дативным дополнениям как к аппликативным аргументам однозначным образом отвечает на вопрос о структурных отношениях между прямым и косвенным дополнениями. Как можно заметить ((247)-(250)), из структуры аппликативной конструкции следует, что дативное дополнение с-командует прямым дополнением,

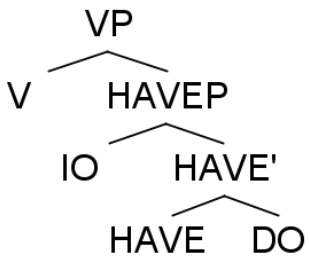
обратное невозможно. Приверженцы аппликативного подхода также считают, что деривационного отношения между предложениями с разным морфосинтаксическим кодированием аргументов не существует. Таким образом, основные черты аппликативного подхода выглядят следующим образом:

1. Косвенное дополнение – аргумент не глагола, а функциональной вершины Appl.
2. IO > DO.
3. Недеривационный подход к морфосинтаксической вариативности.

2.3. Дативное дополнение как аргумент малой клаузы

Третий подход к дитранзитивным конструкциям (представленный в (Kayne 1984), (Pesetsky 1995), (Harley 1996), (Harley 2002), (Beck & Johnson 2004) среди прочих) также предполагает, что дативные дополнения не являются непосредственно аргументами лексического глагола: косвенные аргументы являются аргументами вершины малой клаузы – например, как в (251).

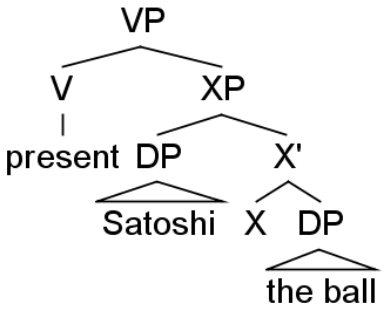
(251) Рис. 18. Обобщенный анализ дативных дополнений как аргумента малой клаузы.



Здесь необходимо сделать некоторое уточнение: исследователи отличаются в вопросе о том, имеют ли конструкции с двумя дополнениями и конструкции с дополнением и предложной группой одинаковую структуру. Так, например, для (Beck & Johnson 2004) конструкция с двумя дополнениями в английском языке содержит малую клаузу, чьим аргументом является косвенное дополнение ((252)-(253)), в то время как *to*-PP конструкция не содержит малой клаузы: косвенное дополнение выступает комплементом предлога внутри предложной группы, которую лексический глагол берет в качестве своего аргумента ((254)-(255)).

(252) *Thilo presented Satoshi the ball.*

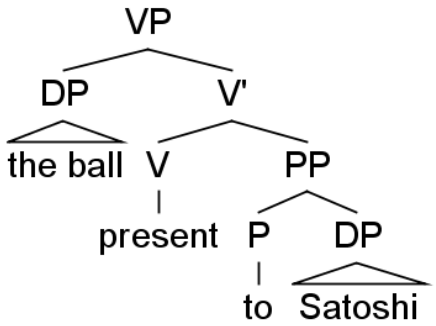
(253) Рис. 19. Структура конструкции с двумя дополнениями (252).



(адаптировано из (Beck & Johnson 2004: 101))

(254) *Thilo presented the ball to Satoshi.*

(255) Рис. 20. Структура *to*-PP конструкции (254).



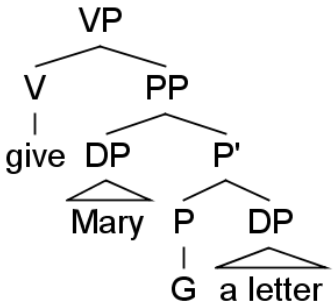
(адаптировано из (Beck & Johnson 2004: 100))

Другие исследователи ((Pesetsky 1995), (Harley 1996), (Harley 2002), среди прочих) предлагают симметричную структуру для конструкций с двумя дополнениями и для конструкций с прямым дополнением и предложной группой.

В (Pesetsky 1995), например, выдвигается гипотеза, согласно которой лексический глагол в дитранзитивных конструкциях всегда берет своим комплементом малую клаузу (PP), вершина которой устанавливает некоторое отношение между прямым и косвенным дополнениями. В том случае, если эта вершина берет косвенное дополнение в качестве своего спецификатора, а прямое – в качестве комплемента, то она имеет нулевое выражение (257). Если же вершина сначала соединяется с косвенным дополнением, а затем с прямым, то она фонологически выражается как предлог *to* (258).

(256) *John gave Mary a letter.*

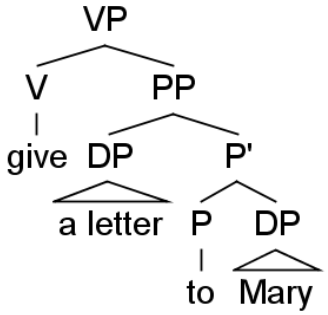
(257) Рис. 21. Структура конструкции с двумя дополнениями (256).



((Pesetsky 1995), пример (456), цит. по (Harley 2002: 3))

(258) *John gave a letter to Mary.*

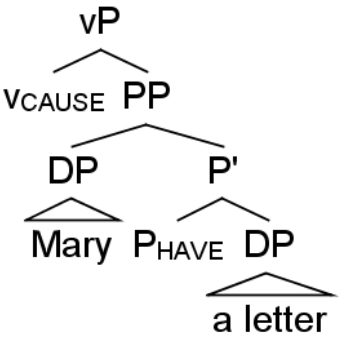
(259) Рис. 22. Структура *to*-PP конструкции (258).



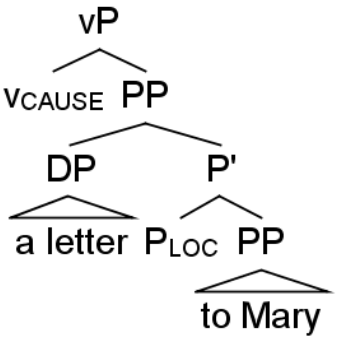
((Pesetsky 1995), пример (511), цит. по (Harley 2002: 3))

В (Harley 2002) предлагается модификация анализа, предложенного в (Pesetsky 1995): малую клаузу берёт своим комплементом не лексический глагол, а функциональная глагольная вершина с каузативной семантикой v_{CAUS}. Помимо этого, вершина малой клаузы может быть разной (но всегда имеет нулевое выражение): P_{HAVE} в качестве вершины малой клаузы берет две именные группы своими аргументами (260), P_{LOC} присоединяет предложную группу с предлогом *to* в качестве своего комплемента и берет прямое дополнение своим спецификатором (261).

(260) Рис. 23. Структура конструкции с двумя дополнениями (256) по (Harley 2002: 4)



(261) Рис. 24. Структура *to*-PP конструкции (258) по (Harley 2002: 4)



Таким образом, хотя все вышеперечисленные анализы предполагают наличие малой клаузы в некоторых дитранзитивных конструкциях, они отличаются, во-первых, по тому, присутствует ли малая клауза в конструкции с прямым дополнением и предложной группой, во-вторых, по тому, присутствует ли в деривации лексический глагол ((Pesetsky 1995), (Beck & Johnson 2004)) или нет (Harley 2002), и в-третьих, имеет ли вершина малой клаузы хотя бы в некоторых случаях фонологическое выражение (ср. (Pesetsky 1995) и (Harley 2002)).

Несмотря на эти различия, данные анализы разделяют точки зрения по основным вопросам. Помимо того, что косвенное дополнение не является аргументом лексического глагола, все рассмотренные анализы предполагают, что косвенное дополнение может располагаться в структуре как выше ((253), (257), (260)), так и ниже прямого дополнения ((255), (259), (261)), и что конструкции с двумя дополнениями и дитранзитивные конструкции с предложными группами не связаны деривационным отношением:[36]

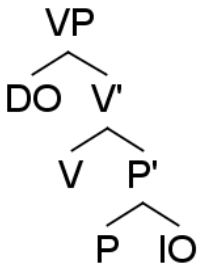
[36] Предполагают ли данные анализы наличие деривационного отношения между предложениями с разными порядками следования одинаково морфологически оформленных аргументов (например, дативный аргумент, линейно предшествующий аккузативному, – vs – аккузативный аргумент, линейно предшествующий дативному), не представляется возможным узнать – все известные нам работы в рамках данного подхода не обсуждали этот вопрос.

1. Косвенное дополнение – аргумент не глагола, а вершины малой клаузы (или, при некоторых анализах, иногда вершины предлога).
2. Возможны как IO > DO, так и DO > IO.
3. Недеривационный подход к морфосинтаксической вариативности.

2.4. Дативное дополнение как предложная группа с инкорпорированной вершиной P

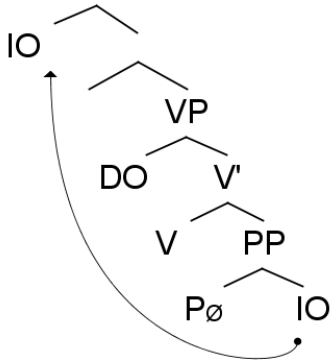
Четвёртый подход к дитранзитивным конструкциям ((Baker 1988b), (Baker 2006), (McIntyre 2011), среди прочих) предполагает, что косвенное дополнение никогда не является аргументом лексического глагола: дативный аргумент во всех случаях входит в деривацию как комплемент предлога (262).

(262) Рис. 25. Исходная структура при подходе к дативному дополнению как PP



После этого в ряде случаев происходит инкорпорация вершины P в глагольную вершину, а косвенное дополнение передвигается в более высокую позицию (263).

(263) Рис. 26. Передвижение дативного дополнения при инкорпорации вершины P



Данный подход к дитранзитивным конструкциям в том виде, в котором он представлен в (Baker 1996), возник в связи с гипотезой о единообразном приписывании тета-ролей (UTAH):

(264) **Гипотеза о Единообразном Приписывании Тета-ролей**
(The Uniformity of Theta Assignment Hypothesis, UTAH)
Identical thematic relationships between items are represented by identical structural relationships between those items at the level of D-structure.
Идентичные тета-отношения между единицами представлены идентичными структурными отношениями между этими единицами на уровне глубинной структуры.

((Baker 1988a), цит. по (Baker 1996: 2))

Такая гипотеза накладывает определенные ограничения на отображение аргументов предиката в синтаксическую структуру: аргументы с одинаковыми тета-ролями всегда должны занимать одинаковые структурные позиции в начале деривации. Таким образом, если мы предполагаем одинаковую семантику для дитранзитивных конструкций с разным морфосинтаксическим кодированием аргументов, мы обязаны связать их деривационным отношением, предположив одну из конструкций (в данном подходе такой предполагается структура в (262)) в качестве исходной. Возможность изменения исходной структуры позволяет получить две структурные конфигурации: как DO > IO, так и IO > DO. Таким образом, подход предполагает следующее:

1. Косвенное дополнение – аргумент не глагола, а предлога.
2. Исходно DO > IO, возможна инкорпорация P и передвижение IO: IO > DO.
3. Деривационный подход к морфосинтаксической вариативности.

2.5. Дативные аргументы за пределами дитранзитивных конструкций

Дативные аргументы часто встречаются за пределами дитранзитивных конструкций, например, в предложениях с «высоким» («затрагиваемым» (*affected*) дативом) (265)-(267), в некоторых клаузах с направительными предложными группами (268), в каузативах (269)-(270).

(265) *Вася открыл **Маше** дверь.*

(266) *Emilio*	*le*	*rompió*	*la*	*radio*	***a Valeria***.
Эмилио	CL.DAT	сломал	DEF	радио	Валерия.DAT

‘Эмилио сломал Валерии радио.’

(*испанский*, адаптировано из (Cuervo 2003: 105))

(267) *Elle* ***se*** *fume* *une* *cigarette.*
она SE курит INDEF сигарета
Досл.: ‘Она курит себе сигарету.’
(*французский*, адаптировано из (Boneh & Nash 2011: 65))

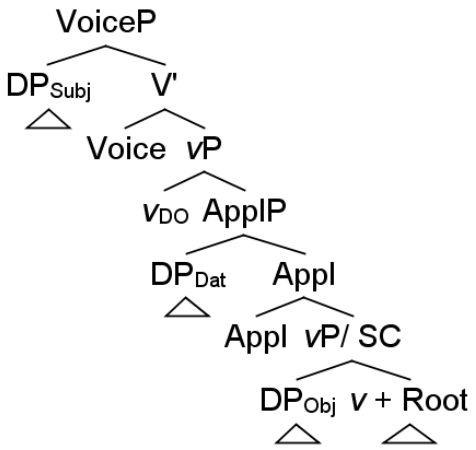
(268) *Вася разлил чернила* ***Маше*** *в комнате.*
(адаптировано из (Пшехотская 2012: 108))

(269) *šota-m* *levan-s* *ɣvino* *da-a-lev-in-a*
Шота-ERG Леван-DAT вино.NOM PVB-pv-пить-CAUS-AOR.3SG
‘Шота заставил Левана пить вино.’

(270) *ana-sɨ* *fatima-ʁa* *šorpa-nɨ* *aša-t-tɨ*
мать-3 Фатима-DAT суп-ACC есть-CAUS-PST.3SG
‘Мать заставила Фатиму есть суп.’
(*балкарский*, адаптировано из (Лютикова, Татевосов и др. 2006: 194))

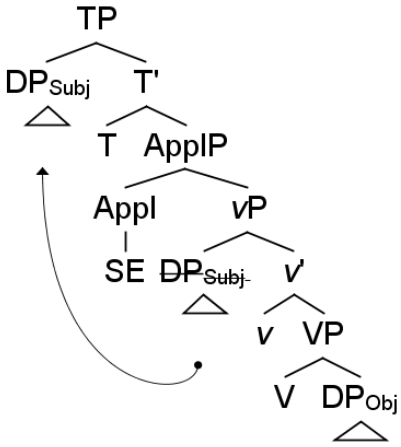
Несмотря на очень разные свойства недитранзитивных конструкций с дативами, всех их объединяет то, что косвенное дополнение в них не является аргументом лексического глагола ((Лютикова, Татевосов и др. 2006), (Пшехотская 2012), (Boneh & Nash 2011), (Cuervo 2003), (Lomashvili 2010), (Schäfer 2008), среди прочих). Дативный аргумент вводится в синтаксическую репрезентацию некоторой функциональной вершиной – например, аппликативной ((Пшехотская 2012), (Boneh & Nash 2011), (Cuervo 2003)) или лёгким глаголом (Лютикова, Татевосов и др. 2006). При этом функциональная вершина, вводящая косвенное дополнение, берет в разных конструкциях в качестве своего комплемента различные группы. Так, например, Cuervo (2003) и Boneh & Nash (2011) предполагают, что в конструкциях с «высокими» дативами аппликативная вершина берёт своим комплементом группу лёгкого глагола (*v*P) (271)-(272). В (Boneh & Nash 2011) выдвигается гипотеза, что французская клитика *se* при этом представляет собой не косвенное дополнение, а фонетический материал, соответствующий аппликативной вершине (сам дативный аргумент, таким образом, в структуре не представлен).

(271) Рис. 27. Структура с «высоким» дативом для (266).



(адаптировано из (Cuervo 2003: 130))

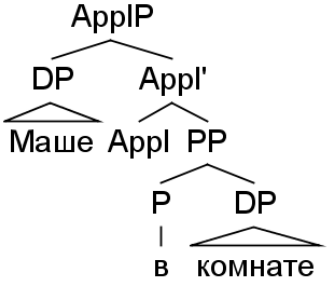
(272) Рис. 28. Структура с SE как аппликативной вершиной для (267).



(адаптировано из (Boneh & Nash 2011: 65))

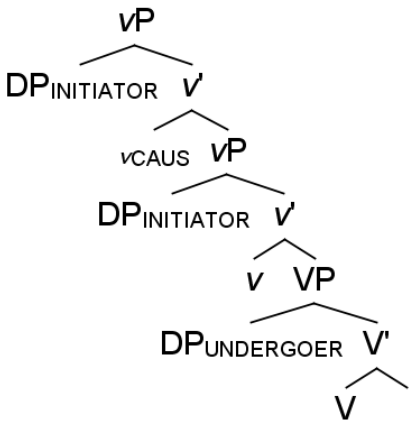
Для конструкций с локативными аппликативами типа (268) (N-аппликативы в терминологии Пшехотской (2012)) в (Пщехотская 2012) был предложен анализ, при котором аппликативная функциональная вершина, вводящая косвенное дополнение в качестве своего спецификатора, берёт своим комплементом предложную группу.

(273) Рис. 29. Локативный аппликатив типа (268). (адапт. из (Пшехотская 2012: 110))



В (Лютикова, Татевосов и др. 2006) была выдвинута гипотеза, что в каузативных конструкциях типа (270) дативный аргумент вводится лёгким глаголом (в позиции Spec, *v*P), который берёт группу лексического глагола своим комплементом (274).

(274) Рис. 30. Дативный аргумент в роли каузируемого в (270).



(адаптировано из (Лютикова, Татевосов и др. 2006: 194))

Как можно заметить, в разных конструкциях с несубкатегоризованными дативными аргументами прямое и косвенные дополнения находятся разных взаимных структурных отношениях. Например, в конструкциях с «высокими» («затрагиваемыми») дативами и каузативных конструкциях косвенное дополнение с-командует прямым ((271), (274)), а в клаузах с локативными аппликативами косвенное дополнение, «добавляемое» к предложной группе, находится структурно ниже прямого дополнения (предположительно входящего в деривацию в позиции спецификатора лексического глагола) (273).

Вопрос о наличии деривационного отношения, как кажется, не имеет особого смысла в отношении недитранзитивных конструкций с дативными аргументами: в данных конструкциях не наблюдается систематичных альтернаций с разными вариантами морфосинтаксического кодирования аргументов подобных тем, которые мы наблюдаем в дитранзитивных клаузах (например, альтернация конструкции с двумя дополнениями с *to*-PP конструкцией в английском).

Таким образом, в анализах конструкций с несубкатегоризованными дативными аргументами можно выделить следующие общие черты:

1. Косвенное дополнение – аргумент не глагола, а функциональной вершины (например, аппликативной, вершины лёгкого глагола).
2. IO > DO или DO > IO зависит от конкретной конструкции.

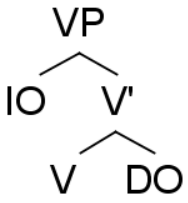
3. Вопрос о наличии деривационного отношения представляется неосмысленным.

2.6. Ожидаемые интерпретации репетитивов при разных анализах конструкций с дативными аргументами

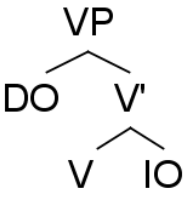
При синтаксическом подходе к репетитивно-реститутивной полисемии предполагается, что репетитивная морфема модифицирует подсобытие, которое соответствует синтаксической составляющей, к которой она присоединяется. В связи с этим возникает вопрос: какие теоретические анализы конструкций с дативными дополнениями имеют в предлагаемых ими структурах составляющие, присоединившись к которым, репетитив мог бы иметь реститутивную интерпретацию?

Обратимся сначала к рассмотренным нами подходам дитранзитивных конструкций. При первом подходе, предполагающем, что дативное дополнение является аргументом лексического глагола, в структуре отсутствует такая составляющая, к которой репетитив мог бы присоединиться и получить реститутивное прочтение ((241)-(242), повторенные ниже как (275)-(276)).

(275) Рис. 31. Непрямое дополнение как аргумент глагола, IO > DO.



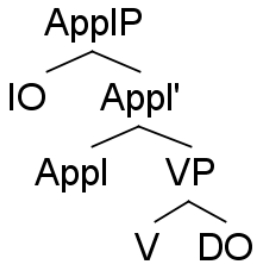
(276) Рис. 32. Непрямое дополнение как аргумент глагола, DO > IO.



Любая составляющая глагольной группы в рамках этого подхода содержит лексический глагол, обозначающий действие, описываемое предикатом. Соответственно, вне зависимости от места присоединения внутри глагольной группы, репетитивные морфемы при данном подходе будут иметь только репетитивную интерпретацию.

При подходе, предполагающем, что дативные дополнения вводятся аппликативной вершиной, берущей глагольную группу в качестве своего комплемента ((247), повторенное ниже как (277)), также сложно себе представить составляющую, присоединившись к которой репетитив смог бы получить реститутивное прочтение.[37] Если репетитивная морфема присоединится к глагольной группе, то возникнет репетитивное прочтение, при котором дативный аргумент не будет входить в сферу действия репетитива, если же репетитивная морфема присоединится к аппликативной группе, то возникнет репетитивная интерпретация, при которой событие, которое повторяется, имеет в качестве своего участника индивида, обозначаемого дативным дополнением. Возникновение такой (реститутивной) интерпретации, при которой репетитив модифицирует состояние, участниками которого являются индивиды, обозначаемые прямым и косвенным дополнениями, представляется в рамках данного подхода невозможным.[38]

(277) Рис. 33. Дативное дополнение как аппликативный аргумент.

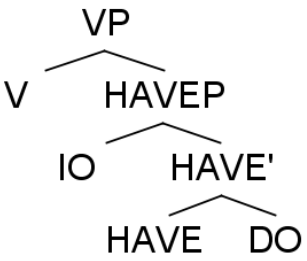


В отличие от предыдущих подходов, при анализе дативных дополнений как аргументов малой клаузы ((247)(251), повторенное ниже как (278)) реститутивная интерпретация репетитивов в дитранзитивных конструкциях ожидаема: помимо присоединения к глагольной группе репетитивные морфемы могут присоединиться к малой клаузе, не содержащей глагольных проекций. Таким образом, при присоединении к группе глагола ожидается репетитивное прочтение (всё событие повторяется), при присоединении к малой клаузе – реститутивное (повторяется состояние, участниками которого являются индивиды, обозначаемые двумя дополнениями).

[37] Если внутри глагольной группы имеется некоторого рода малая клауза, то репетитив сможет к ней присоединиться, получив реститутивное значение, однако в таком случае дативный аргумент не будет участником события, выделяемого репетитивной морфемой.

[38] Однако см. попытку деривации такой интерпретации при аппликативном анализе в (Bruening 2010b), которую мы кратко обсудим в разделе 3.1.2.

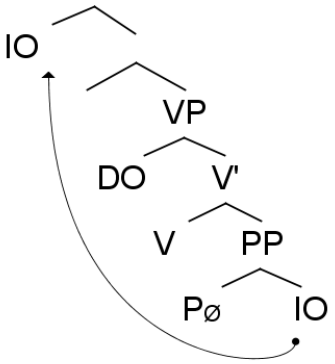
(278) Рис. 34. Обобщенный анализ дативных дополнений как аргумента малой клаузы.



Ожидаемость реститутивных прочтений репетитивов при анализах с малой клаузой является следствием того, что данный подход предполагает лексическую декомпозицию дитранзитивных предикатов в синтаксисе: сам глагол (вне зависимости от того, считаем ли мы его лексическим (например, как в (257)) или каузативной функциональной вершиной (например, как в (260))) вводит событие, соответствующее деятельности, производимой агенсом, а состояние, возникающее в результате этой деятельности, вводится малой клаузой.

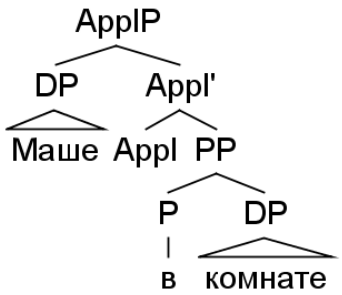
Наконец, обратимся к последнему подходу, предполагающему, что дативное дополнение всегда зарождается в ходе деривации как комплемент предлога, но может претерпевать передвижение в более высокую позицию при инкорпорации предлога в глагольную вершину ((263), повторенное ниже как (279)). Можно ли ожидать при данном подходе реститутивную интерпретацию репетитивных морфем? Как кажется, ответ на этот вопрос неоднозначен: это зависит от наших представлений о том, как происходит отображение событийной структуры в синтаксическую репрезентацию, а именно, от того, считаем ли мы, что направительные предложные группы способны вводить результирующие состояния предикатов в синтаксис. Если предложные группы не умеют вводить результирующие состояния, то мы не ожидаем возможности репетитивов при данном подходе иметь реститутивное прочтение: если PP не содержит внутри себя такую составляющую, которая соответствует стативному подсобытию, то AGAIN сможет присоединиться только к глагольной группе, что приведет к репетитивной интерпретации. Если же мы предположим, что предложные группы умеют вводить в структуру результирующие состояния, то реститутивное прочтение AGAIN будет ожидаемо: помимо глагольной группы, репетитив сможет присоединиться к предложной группе или к той составляющей в её структуре, которая соответствует стативному подсобытию.

(279) Рис. 35. Дативное дополнение как аргумент вершины P.



Наши ожидания о возможном наборе прочтений репетитивных морфем в недитранзитивных конструкциях с дативными аргументами сильно зависят от того, как мы себе представляем синтаксическую структуру этих конструкций. Например, как можно заметить, ответ на вопрос о возможности реститутивных интерпретаций в клаузах с локативными аппликативами ((273), повторенное ниже как (280)) зависит от наших предположений о (не)способности направительных PP вводить результирующие состояния в синтаксис (как и при подходе к дативным дополнениям в дитранзитивных конструкциях как к комплементам предлогов).

(280) Рис. 36. Локативный аппликатив типа (268).



(адаптировано из (Пшехотская 2012: 110))

В конструкциях с «высокими» дативами (271) и в каузативных конструкциях (274) мы ожидаем возможность только таких реститутивных прочтений, при которых дативный аргумент не является участником того состояния, которое модифицирует репетитив.

III. Интерпретации репетитивов в конструкциях с дативными аргументами

Данная глава посвящена рассмотрению возможных интерпретаций репетитивных морфем в конструкциях с дативными аргументами. В разделе 3.1. мы установим, какие прочтения репетитивов возможны в дитранзитивных конструкциях различных языков, сопоставив английские, немецкие, русские и грузинские дитранзитивные клаузы. В разделе 3.2. мы рассмотрим интерпретации репетитивов в конструкциях с «высокими» дативами – несубкатегоризованными дативными дополнениями с бенефактивной тета-ролью – на материале русского, грузинского и английского. Раздел 3.3. посвящен дативным аргументам в каузативных конструкциях: мы обсудим интерпретации репетитивов в английских make-каузативах и каузативах грузинского языка. Наконец, в разделе 3.4. мы установим перечень возможных интерпретаций репетитивных наречий в конструкциях с локативными аппликативами в русском языке и в грузинской конструкции с локативной версией («локативные дативы»).

3.1. Репетитивы в клаузах с дитранзитивными глаголами

Данный раздел посвящён возможным интерпретациям репетитивов в дитранзитивных конструкциях разных языков. Хотя раздел носит преимущественно описательный характер (анализ наблюдаемых явлений будет представлен в разделе 4.2.), в разделе 3.1.2. мы рассмотрим один из анализов, позволяющий объяснить перечень интерпретаций английского *again* в дитранзитивных клаузах, (Beck & Johnson 2004), а также приведём аргументы в пользу синтаксической природы наблюдаемой межъязыковой вариативности в наборе доступных интерпретаций репетитивных морфем в дитранзитивных клаузах. Помимо этого, в разделе 3.1.4. мы постараемся показать, что взаимодействие фокуса и грузинского репетитива *isev* в дитранзитивных конструкциях может быть объяснено с помощью выдвинутой нами ранее гипотезы о взаимодействии фокуса и *isev* вне дитранзитивных конструкций (раздел 1.5.2.) с минимальными дополнительными допущениями.

3.1.1. Межъязыковое варьирование: английский, немецкий – vs – грузинский, русский

Основополагающее эмпирическое наблюдение, сделанное в рамках данного исследования, состоит в том, что дитранзитивные конструкции разных языков демонстрируют

различный перечень возможных интерпретаций репетитивных морфем. Обратимся к представленным во введении примерам (6)-(9), повторенным ниже как (281)-(284).

(281) *Thilo gave Satoshi the map again.* (Beck & Johnson 2004: 113)

a. ‘Тило отдал Сатоши карту, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Тило отдал Сатоши карту, и у Сатоши была карта до этого.’ *RES*

(282) *…dass Hans dem Mädchen ein Buch wieder gab.*

…что Ганс DEF.n.DAT девочка INDEF.n.ACC книга опять отдал

a. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и у девочки была книга до этого.’ *RES*

(283) *Маша опять отдала Васе книгу.*

a. ‘Маша отдала Васе книгу, и это происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Маша отдала Васе книгу, и у Васи была книга до этого.’ **RES*

(284) *dγes Levan-ma šota-s ცigni isev misca*

сегодня Леван-ERG Шота-DAT книга.NOM опять 3SG.отдать.AOR.3SG

a. ‘Сегодня Леван отдал Шоте книгу, и это происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Сегодня Леван отдал Шоте книгу, и у Шоты была книга до этого.’ **RES*

Репетитивные наречия в английском (*again*) и немецком (*wieder*) языках способны иметь в дитранзитивных конструкциях реститутивное прочтение ((281)-(282)), которое состоит в повторении состояния обладания, в котором индивид, выраженный косвенным дополнением, имеет роль обладающего, а индивид, выраженный прямым дополнением, имеет роль обладаемого. Такое прочтение репетитива оказывается невозможно в дитранзитивных клаузах русского (283) и грузинского (284) языков.

Использование контекста, форсирующего реститутивное прочтение, не помогает получить реститутивную интерпретацию репетитивов, как можно увидеть в (285)-(286) для русского и в (287)-(288) для грузинского языков.

(285) Реститутивный контекст для (286).

У Васи всегда была книга Каверина "Два Капитана", он никому никогда ее не отдавал. Но однажды он случайно забыл ее в гостях у Маши…

(286) *#И тогда Маша опять отдала/ отправила / вернула Васе книгу.*
(при контексте в (285))
Ожидаемое прочтение: ‘Маша отдала / отправила / вернула Васе книгу, и у Васи была эта книга до этого.’

(287) Реститутивный контекст для (288).

levan-s	*es*	*ṭigni*	*qoveltvis*	*hkonda,*
Леван-DAT	этот	книга.NOM	всегда	3.SG.иметь.AOR.3SG
es	*ṭigni*	*mas*	*šota-s-tan*	*darča*
этот	книга.NOM	он.DAT	Шота-DAT-у	
3SG.оставлять.AOR.3SG				

‘У Левана всегда была эта книга. Он оставил эту книгу у Шоты.’

(288) *#šota-m* *levan-s* *ṭigni* *isev* *misca*
(при контексте в (287))
Шота-ERG Леван-DAT книга.NOM опять 3SG.отдать.AOR.3SG
/ga-u-gzavn-a */da-u-brun-a*
/PVB-pv-отправить-AOR.3SG /PVB-pv-вернуть-AOR.3SG
‘Шота опять отдал /отправил /вернул Левану книгу.’
Ожидаемое прочтение: ‘Шота отдал / отправил /вернул Левану книгу, и у Левана уже была эта книга до этого.’

В разделе 1.5.3. мы обсуждали такие репетитивные модификаторы, которые имеют исключительно реститутивную интерпретацию (английское *back*, русское *опять*). Интересным представляется тот факт, что такие репетитивные морфемы способны находить и модифицировать результирующее состояние в дитранзитивных клаузах как в языках типа английского ((289)-(291)) и немецкого (292), в которых мы наблюдаем реститутивные прочтения и с другими репетитивными морфемами (с *again* и *wieder* соответственно), так и в языках типа русского ((293)-(294)) и грузинского (295), в которых реститутивная интерпретация с другими репетитивами (*опять* и *isev* соответственно) невозможна.

(289) *She gave the people their books* ***back.***
‘Она отдала людям их книги обратно.’
a. *‘Она отдала людям их книги, и это уже происходило до этого.’ ***REP***

b. ‘Она отдала людям их книги, и книги уже были у людей до этого.’ *RES*

(адаптировано из (McIntyre 2011: 3))

(290) *She sent /handed /sold /passed the people their stuff **back**.*

‘Она отправила /вручила /продала / передала людям их вещи обратно.’

a. *‘Она отправила /вручила /продала /передала людям их вещи, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Она отправила /вручила /продала /передала людям их вещи, и эти вещи уже были у людей до этого.’ *RES*

(адаптировано из (McIntyre 2011: 3))

(291) *She gave the vase **back** to the person who made it.*

‘Она отдала вазу обратно (тому) человеку, который слепил её.’

a. *‘Она отдала вазу (тому) человеку, который слепил её, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Она отдала вазу (тому) человеку, который слепил её, и эта ваза уже была у этого человека до этого.’ *RES*

(адаптировано из (McIntyre 2011: 4))

(292) *(Ich glaube), dass John dem Mädchen*
(я.NOM думать.PRS.1SG) что Джон DEF.f.3SG.DAT девочка
*das Buch (dann) **zurück**-geschickt hat.*
DEF.n.3SG.ACC книга (тогда) ZURÜCK-отправить.PARTиметь.PRS.3SG

‘(Я думаю), что Джон (тогда) отправил девочке книгу обратно.’

a. *‘(Я думаю), что Джон (тогда) отправил девочке книгу, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘(Я думаю), что Джон (тогда) отправил девочке книгу, и у девочки уже была эта книга до этого.’ *RES*

(293) *Маша отдала /отправила / вернула Васе книгу **обратно**.*

a. *‘Маша отдала /отправила /вернула Васе книгу, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Маша отдала /отправила /вернула Васе книгу, и у Васи уже была эта книга до этого.’ *RES*

(294) *Я взял эту бумагу, да и отправил ее **назад** Лоссиевскому с следующим объяснением…*[39]

a. *‘…я отправил бумагу Лоссиевскому, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘…я отправил бумагу Лоссиевскому, и у Лоссиевского уже была эта бумага до этого.’ *RES*

(295) *šota-m levan-s ċigni **uḳan** gada-u-gzavn-a /da-u-brun-a*
Шота-ERG Леван-DAT книга.NOM UḲAN PVB-pv-отправить-AOR.3SG
PVB-pv-вернуть-AOR.3SG
‘Шота отправил / вернул Левану книгу назад.’

a. *‘Шота отправил /вернул Левану книгу, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Шота отправил /вернул Левану книгу, и у Левана уже была эта книга до этого.’ *RES*

Таким образом, существует межъязыковое варьирование в наборе возможных интерпретаций в дитранзитивных конструкциях с репетитивными морфемами, которые в принципе демонстрируют репетитивно-реститутивную полисемию в других типах клауз (а английском и немецком – реститутивная интерпретация доступна, в русском и грузинском – нет), но не с такими репетитивными морфемами, которые могут иметь только реститутивные прочтения: такие репетитивы способны модифицировать результирующее стативное подсобытие во всех рассматриваемых нами языках.

В следующем разделе мы постараемся ответить на вопрос о природе как наблюдаемых различий между языками, так и о их наблюдаемых сходствах в связи с возможностью иметь реститутивные прочтения репетитивных морфем в дитранзитивных конструкциях.

3.1.2. Синтаксическая природа различных интерпретаций репетитивов в дитранзитивных конструкциях

В данном разделе мы постараемся показать, что наблюдаемые интерпретации репетитивов в дитранзитивных конструкциях имеют синтаксическую природу. Сначала мы продемонстрируем, как набор интерпретаций репетитивных морфем, который мы видим в

[39] Пример из интернета.

языках типа английского и немецкого (возможны два прочтения: репетитивное и реститутивное), может быть объяснён в рамках синтаксического подхода к репетитивно-реститутивной полисемии.

Как мы показали в разделе 1.5.2., возможность реститутивных прочтений английского *again* и немецкого *wieder* зависит от порядка слов: английскому *again* для того чтобы иметь реститутивную интерпретацию, необходимо находиться в конце предложения, немецкому *wieder* необходимо непосредственно предшествовать глаголу. Зависимость набора интерпретаций репетитивов от расположения в клаузе – один из аргументов в пользу синтаксического анализа репетитивно-реститутивной неоднозначности.

В дитранзитивных конструкциях английского и немецкого языков можно наблюдать точно такую же зависимость перечня возможных интерпретаций от порядка слов, какую мы наблюдали при лексических свершениях. Когда *again* расположен в конце дитранзитивной клаузы ((6), повторенное ниже как (296)), возможны как репетитивная, так и реститутивная интерпретации, когда репетитивное наречие предшествует глаголу (297), возможно только репетитивное прочтение.

(296) *Thilo gave Satoshi the map* ***again***. (Beck & Johnson 2004: 113)

a. ‘Тило отдал Сатоши карту, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Тило отдал Сатоши карту, и у Сатоши была карта до этого.’ *RES*

(297) *Thilo* ***again*** *gave Satoshi the map.*

a. ‘Тило отдал Сатоши карту, и это происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Тило отдал Сатоши карту, и у Сатоши была карта до этого.’ **RES*

Когда *wieder* предшествует глаголу в дитранзитивной конструкции, возможны и репетитивная, и реститутивная интерпретации ((7), повторенное ниже как (298)). Когда немецкое репетитивное наречие отделено от глагола одним (299) или двумя (300) аргументами, реститутивная интерпретация невозможна: доступно только репетитивное прочтение.

(298) *…dass Hans dem Mädchen ein Buch* ***wieder*** *gab.*

…что Ганс DEF.n.DAT девочка INDEF.n.ACC книга опять отдал

a. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и у девочки была книга до этого.’ *RES*

(299) *...dass Hans dem Mädchen **wieder** ein Buch gab.*
…что Ганс DEF.n.DAT девочка опять INDEF.n.ACC книга отдал
a. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и это происходило до этого.’ *REP*
b. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и у девочки была книга до этого.’ **RES*

(300) *...dass Hans **wieder** dem Mädchen ein Buch gab.*
…что Ганс опять DEF.n.DAT девочка INDEF.n.ACC книга отдал
a. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и это происходило до этого.’ *REP*
b. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и у девочки была книга до этого.’ **RES*

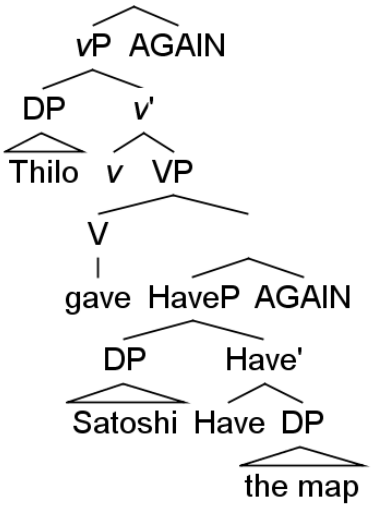
То, что наличие реститутивной интерпретации зависит от порядка следования элементов в предложении, указывает на синтаксическую природу наблюдаемого в дитранзитивных клаузах явления. Можно полагать, что синтаксический подход к репетитивно-реститутивной полисемии применим не только в конструкциях с лексическими свершениями и результативных конструкциях, но и к дитранзитивным предикатам.

Как можно в рамках синтаксического подхода проанализировать данные английского и немецкого языков? Нам известно только две попытки объяснить неоднозначность репетитивов в дитранзитивных конструкциях, обе основываются на материале английского языка: статья (Beck & Johnson 2004), целиком посвященная данному явлению, и небольшой раздел в статье (Bruening 2010b), в котором предпринимается попытка объяснить приведенные в (Beck & Johnson 2004) эмпирические обобщения в рамках другого подхода к конструкциям с дативными дополнениями.

Рассмотрим анализ репетитивно-реститутивной полисемии *again* в дитранзитивных клаузах, представленный в (Beck & Johnson). Авторы статьи полагают, что наличие двух прочтений в английской конструкции с двумя дополнениями представляет собой аргумент в пользу анализа этих конструкций как содержащих малую клаузу. Дитранзитивные предикаты при таком анализе подвергаются декомпозиции в синтаксисе: подсобытие, которое обозначает деятельность агенса, выражается непосредственно глаголом, в то время как результирующее стативное подсобытие отображается в синтаксическую репрезентацию как малая клауза. То, что индивиды, обозначаемые косвенными дополнениями в английской конструкции с двумя дополнениями, воспринимаются как участники результирующего состояния, свидетельствует в рамках данного подхода о том, что дативные аргументы находятся внутри малой клаузы.

Репетитивное наречие *again* при данном синтаксическом анализе может присоединиться к двум составляющим: либо к глагольной группе, содержащей все аргументы глагола (*v*P), либо к малой клаузе (HaveP). В том случае, если AGAIN присоединяется к группе лёгкого глагола, возникает репетитивная интерпретация (302). Если же AGAIN модифицирует малую клаузу, то получается реститутивная интерпретация (303). Структура конструкции с двумя дополнениями по (Beck & Johnson 2004) с указанием возможных мест присоединения *again* представлена в (301).

(301) Рис. 37. Репетитивно-реститутивная полисемия *again* в конструкции с двумя дополнениями (на примере (296))



(адаптировано из (Beck & Jonshon 2004: 101))

(302) **Репетитивное прочтение *again* в конструкции с двумя дополнениями**

a. *Thilo gave Satoshi the map again.*

b. **[**$_{vP}$ [$_{vP}$ Thilo [give [$_{BECOME}$ [$_{HAVEP}$ Satoshi HAVE the map]]]] **again]**

c. $\lambda e.again_e\ (\lambda e'.give_{e'}(Thilo)\ \&\ \exists e''\ [BECOME_{e''}\ (\lambda e'''.have_{e'''}(the_map)(Satoshi))\ \&\ CAUSE(e'')(e')])$

d. ‘Тило отдал Сатоши карту, и это уже происходило до этого.’

(адаптировано из (Beck & Jonshon 2004: 114))

(303) **Реститутивное прочтение again в конструкции с двумя дополнениями**

a. *Thilo gave Satoshi the map again.*

b. Thilo [give [$_{BECOME}$ **[**$_{HAVEP}$ [$_{HAVEP}$ Satoshi HAVE the map] **again]**]]

c. $\lambda e.give_e(Thilo)\ \&\ \exists e'\ [BECOME_{e'}\ (\lambda e''.again_{e''}(\lambda e'''.have_{e'''}(the_map)(Satoshi)))\ \&\ CAUSE(e')(e)]$

d. ‘Тило отдал Сатоши карту, и у Сатоши уже была эта карта до этого.’

(адаптировано из (Beck & Jonshon 2004: 114))

Отметим, что компонент BECOME при данном подходе может не фигурировать в собственно синтаксической репрезентации. Beck & Johnson (2004) придерживаются предложенной в (von Stechow 1995) и рассмотренной нами в разделе 1.4. гипотезы, что существует принцип семантической интерпретации R, который позволяет «склеить» глагол и малую клаузу, исходно несовместимых по семантическому типу, с помощью внедрения в семантику компонентов CAUSE и BECOME (см. подробное обсуждение в 1.4.).

Помимо конструкции с двумя дополнениями в английском языке существует ещё одна дитранзитивная конструкция – конструкция с прямым дополнением и предложной группой с предлогом *to*. В (Beck & Johnson 2004) не приводится подробного анализа для этой конструкции, однако отмечается, что в ней также можно наблюдать репетитивно-реститутивную полисемию репетитивного наречия:

(304) *Thilo gave the map to Satoshi again.* (Beck & Johnson 2004: 116)

a. ‘Тило отдал карту Сатоши, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Тило отдал карту Сатоши, и у Сатоши была карта до этого.’ *RES*

Каким образом в данном случае возникает реститутивная интерпретация? Ответ на данный вопрос зависит от двух вещей: предполагаем ли мы наличие малой клаузы в *to*-PP конструкциях и считаем ли мы предложные группы способными вводить результирующие состояния в синтаксическую репрезентацию. Если мы вслед за (Pesetsky 1995) и (Harley 2002) (см. раздел 2.3.) полагаем, что в *to*-PP конструкции имеется малая клауза (точно так же, как в конструкции с двумя дополнениями), то наличие реститутивной интерпретации оказывается ожидаемым. Однако Beck & Johnson (2004), как мы обсудили в разделе 2.3., предполагают несимметричный анализ для двух дитранзитивных конструкций в английском языке: в то время как конструкция с двумя дополнениями содержит малую клаузу, в *to*-PP конструкции малая клауза отсутствует – лексический глагол берет предложную группу своим комплементом и прямое дополнение своим спецификатором. Откуда тогда в данном случае возникает реститутивное прочтение? Можно предположить, что (как минимум некоторые) предложные группы способны вводить результирующие состояния предикатов в синтаксис. В таком случае AGAIN сможет присоединиться к предложной группе (например, к *to Satoshi* в (304)) и модифицировать вводимое ей стативное подсобытие, что приведет к возникновению реститутивного прочтения.

Анализ дитранзитивных конструкций в английском языке, предлагаемый в (Beck & Johnson 2004), кажется довольно изящным: минимальные допущения, которые независимым образом предлагались для объяснения других явлений (лексическая декомпозиция в синтаксисе, принцип семантической интерпретации R), позволяют исследователям объяснить наблюдаемые значения репетитивного наречия. В (Bruening 2010b) предлагается альтернативный анализ репетитивно-реститутивной полисемии в дитранзитивных клаузах английского языка, который на наш взгляд крайне непривлекателен ввиду того большого количества допущений, которые он требует для своей реализации.

Bruening (2010b) является сторонником аппликативного анализа английских конструкций с двумя дополнениями, при котором аппликативная вершина берёт своим комплементом глагольную группу и вводит косвенное дополнение в качестве своего спецификатора (подробнее см. раздел 2.2.). При этом он предполагает следующую семантику для аппликативной вершины (305) и для семантически «выцветшего» (*semantically bleached-out*) лексического дитранзитивного глагола (306):

(305) ||Appl|| = λxλyλe. HAVE(e) & THEME(e,x) & POSSESSOR(e,y)
(306) ||g-|| = λxλyλe. G(e) & THEME(e,x) & RECEPIENT(e,y)

Чтобы объяснить репетитивно-реститутивную полисемию английского *again* в рамках аппликативного подхода, исследователю приходится принять большой ряд никак не аргументируемых допущений:

1. Вершина лексического глагола передвигается в вершину Appl, получившийся комплекс в дальнейшем передвигается в вершину v, а затем новый комплекс передвигается в Voice.
2. Обе именные группы – как прямое, так и косвенное дополнения – претерпевают передвижение в некоторые позиции в рамках группы лёгкого глагола (*v*P). Гипотезы о том, чем в точности мотивировано это передвижением (падежом, проблемами с интерпретацией структуры и т.п.), в работе не предлагается.
3. В цепи идентичных вершин, связанных процессом передвижения, может интерпретироваться только одна из вершин, но вопрос о том, какая именно копия вершины интерпретируется, по-разному решается для разных вершин. Вершина лексического глагола интерпретируется в той позиции, которую она занимает после передвижения к v. Аппликативная вершина интерпретируется в своей исходной

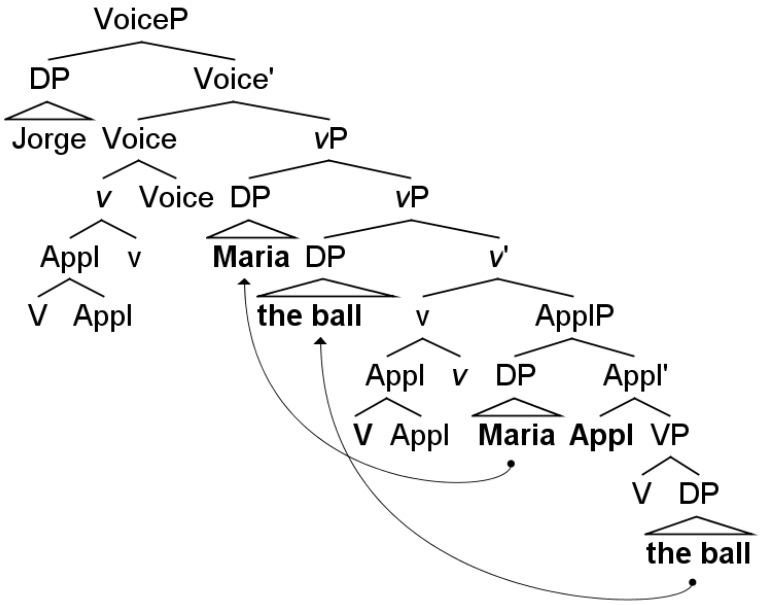
позиции. Объяснения почему данные вершины интерпретируются именно в этих позициях, не предлагается.

4. Именные группы, подвергнувшиеся передвижению, могут интерпретироваться в обеих позициях: как в исходной, так и в конечной. В частности, прямое и косвенное дополнения в дитранзитивной конструкции интерпретируются одновременно и до, и после своего передвижения.

Рассмотрим, как вышеуказанные допущения позволяют проанализировать английскую конструкцию с двумя дополнениями (на примере предложения (307) и его структуры в (308)). В начале деривации глагол соединяется с прямым дополнением, образуя глагольную группу. Затем присоединяется аппликативная вершина и вводит косвенное дополнение в качестве своего спецификатора. Получившуюся структуру берёт своим комплементом лёгкий глагол. Далее происходит передвижение сначала прямого, а затем косвенного дополнения в некоторые позиции внутри группы лёгкого глагола. Затем присоединяется вершина Voice, вводящая в структуру внешний аргумент (Spec, VoiceP). Лексический глагол передвигается к аппликативной вершине, образуя комплекс $_{\text{Appl}}\{\text{V, Appl}\}$. Данный комплекс передвигается в вершину лёгкого глагола, образуя комплекс $_{v}\{_{\text{Appl}}\{\text{V, Appl}\}, v\}$, а затем ещё раз передвигаясь – в вершину Voice, где получается комплекс $_{\text{Voice}}\{_{v}\{_{\text{Appl}}\{\text{V, Appl}\}, v\}, \text{Voice}\}$. Лексический глагол интерпретируется внутри комплекса $_{v}\{_{\text{Appl}}\{\mathbf{V}, \text{Appl}\}, v\}$, аппликативная вершина интерпретируется в исходной позиции (выделено полужирным в (308)).

(307) *Jorge gave Maria the ball.*

(308) Рис. 38. Структура предложения в (307), (адаптировано из (Bruening 2010b: 553))



Посмотрим, как в точности происходит интерпретация данной структуры. Так как глагол в своей исходной позиции не интерпретируется (оказывается «невидим» для семантического компонента), интерпретация начинается с того, что аппликативная вершина соединяется с двумя аргументами, и интерпретация аппликативной группы оказывается следующей: λe. HAVE(e) & THEME(e, the ball) & POSSESSOR(e, Maria). Как можно заметить, ApplP оказывается семантического типа <s,t>. Поэтому теперь она может соединиться с вершиной лексического глагола (семантический тип <e,<e,<s,t>>>) с помощью принципа семантической интерпретации R (см. определение в (58)) (von Stechow 1995). Соединение глагола и аппликативной группы (*v*') будет иметь следующую семантику: λxλyλe. G(e) & THEME(e,x) & RECEPIENT(e,y) & ∃e' [HAVE(e') & THEME(e', the ball) & POSSESSOR(e', Maria) & CAUSE(e')(e)]. После во второй раз будут проинтерпретированы прямое и косвенное дополнения – на этот раз, как аргументы лёгкого глагола. У всей группы лёгкого глагола (*v*P) получится, таким образом, следующая интерпретация: λe. G(e) & THEME(e, the ball) & RECEPIENT(e, Maria) & ∃e' [HAVE(e') & THEME(e', the ball) & POSSESSOR(e', Maria) & CAUSE(e')(e)]. После присоединения внешнего аргумента с помощью вершины Voice (имеющей семантику λxλe. AGENT(e,x)), глагольная группа со всеми аргументами (VoiceP) получит следующее значение: λe. G(e) & THEME(e, the ball) & RECEPIENT(e, Maria) & AGENT(e, Jorge) & ∃e' [HAVE(e') & THEME(e', the ball) & POSSESSOR(e', Maria) & CAUSE(e')(e)].

Каким образом данный анализ объясняет репетитивно-реститутивную полисемию *again* в конструкции с двумя дополнениями? Как мы знаем из семантики AGAIN, оно может присоединяться к таким составляющим, которые обозначают свойства событий (семантический тип <s, t>). При предлагаемом анализе таких составляющих в структуре три: VoiceP, *v*P, ApplP. В том случае, если again присоединится к VoiceP, возникнет репетитивная интерпретация. В том случае, если репетитивное наречие модифицирует аппликативную группу, возникнет реститутивная интерпретация: опять произойдёт событие обладания, в котором поссессором является индивид, выраженный косвенным дополнением, а обладаемым – индивид, выраженный прямым дополнением (λe. HAVE(e) & THEME(e,x) & POSSESSOR(e,y)). Как можно заметить, данный анализ предсказывает наличие третьей интерпретации, которая должна возникать в результате присоединения again к проекции *v*P. По мнению (Bruening 2010b), такая интерпретация действительно существует. Мы не будем обсуждать возможность модификации *v*P репетитивными наречиями в данной работе.

Таким образом, можно заключить, что анализ, представленный в (Bruening 2010b), позволяет объяснить наличие реститутивной интерпретации в английских дитранзитивных клаузах, но требует для этого гораздо больше нетривиальных допущений, чем анализ, предложенный в (Beck & Johnson 2004).

Перейдём к обсуждению русского и грузинского – языков, в которых многозначные репетитивные наречия (*опять* и *isev* соответственно) не способны иметь реститутивную интерпретацию. Для начала отметим, что невозможность реститутивной интерпретации не зависит от порядка слов.[40] Так, например, вне зависимости от того, предшествует ли дативный аргумент аккузативному (примеры (309) и (311) для русского и грузинского соответственно) или следует за ним (примеры (310) и (312) для русского и грузинского соответственно), реститутивное прочтение оказывается недоступно.

(309) *Маша опять отдала/ отправила / вернула Васе книгу.*

a. ‘Маша отдала / отправила / вернула Васе книгу, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Маша отдала / отправила / вернула Васе книгу, и у Васи была эта книга до этого.’ **RES*

(310) *Маша опять отдала/ отправила / вернула книгу Васе.*

a. ‘Маша отдала / отправила / вернула книгу Васе, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Маша отдала / отправила / вернула книгу Васе, и у Васи была эта книга до этого.’ **RES*

(311) *šota-m* *levan-s* *ċigni* *isev* *misca*
Шота-ERG Леван-DAT книга.NOM опять 3SG.отдать.AOR.3SG
/ga-u-gzavn-a */da-u-brun-a*
/PVB-pv-отправить-AOR.3SG /PVB-pv-вернуть-AOR.3SG
‘Шота опять отдал /отправил /вернул Левану книгу.’

a. ‘Шота отдал / отправил /вернул Левану книгу, и у Левана уже была эта книга до этого.’ *REP*

b. ‘Шота отдал / отправил /вернул Левану книгу, и у Левана уже была эта книга до этого.’ **RES*

[40] У данного обобщения есть одно исключение, которое мы обсудим в разделе 3.1.4.: в грузинском языке контрастивный фокус на дативном дополнении способен сделать реститутивную интерпретацию доступной.

(312) *šota-m* *ṭigni* *levan-s* *isev* *misca*
Шота-ERG книга.NOM Леван-DAT опять 3SG.отдать.AOR.3SG
/ga-u-gzavn-a */da-u-brun-a*
/PVB-pv-отправить-AOR.3SG /PVB-pv-вернуть-AOR.3SG
‘Шота опять отдал /отправил /вернул книгу Левану.’

a. Шота отдал / отправил /вернул книгу Левану, и у Левана уже была эта книга до этого.’ *REP*

b. ‘Шота отдал / отправил /вернул книгу Левану, и у Левана уже была эта книга до этого.’ **RES*

Соответственно, порядок следования двух дополнений не связан с невозможностью реститутивного прочтения.

Почему же русское *опять* и грузинское *isev* не способны иметь реститутивное прочтение в дитранзитивных конструкциях? Мы предлагаем синтаксическое объяснение данному явлению: синтаксические структуры дитранзитивных клауз в русском и грузинском языках отличны от структур схожих предложений английского и немецкого языков. Данная гипотеза не является единственной потенциально возможной. В связи с этим мы рассмотрим альтернативные объяснения наблюдаемой межъязыковой вариативности (английский, немецкий – vs – русский, грузинский) и покажем, что они не могут быть верны.

Во-первых, можно было бы предположить, что невозможность русских и грузинских многозначных репетитивов иметь реститутивные прочтения в дитранзитивных конструкциях связана со свойствами этих репетитивных морфем – русского *опять* и грузинского *isev*. Эта гипотеза не может быть верной: как мы показали в разделе 1.5.1., *опять* и *isev* относятся с точки зрения типологической классификации к таким D(ecomposition)-наречиям, которые не имеют ограничений на то, какие типы составляющих они способны «видеть» в лексической декомпозиции предикатов в синтаксисе. В то время как некоторые репетитивы могут «видеть» только глагольные группы или только глагольные группы и неинкорпорированные в глагол вторичные предикаты в результативных конструкциях, русское *опять* и грузинское *isev* способны «заглядывать» даже внутрь лексических свершений типа ‘открыть’, что делает их максимально «зрячими» репетитивами (тип (iii) согласно Модифицированному Параметру Видимости (98), предложенному в (Beck 2005)). То, что русское *опять* и грузинское *isev* являются предглагольными репетитивами (в отличие, например, от английского *again*)

также не может служить объяснением отсутствия у них реститутивных интерпретаций в дитранзитивных конструкциях: как мы показали в разделе 1.5.2., структурный анализ многозначности применим к предглагольным репетитивам и имеет преимущества перед семантическим подходом к их многозначности. Так, только в рамках синтаксического подхода представляется возможным объяснить невозможность широкой сферы действия предглагольных репетитивов по отношению к кванторным прямым дополнениям при реститутивном прочтении. В разделе 1.5.2. мы рассмотрели несколько возможных вариантов анализа предглагольных репетитивных морфем и заключили, что русское *опять* и грузинское *isev* исходно присоединяются именно к тем составляющим, которым соответствуют подсобытия, входящие в их пресуппозиции. После этого данные репетитивные наречия подвергаются (вследствие некоторых фонологических требований) передвижению в предглагольную позицию с последующей реконструкцией (либо семантической, либо синтаксической на уровне логической формы) в исходную позицию. Соответственно, нет никаких оснований полагать, что какие бы то ни было свойства русского *опять* и грузинского *isev* принципиально отличны от их аналогов в языках типа английского или немецкого (*again* и *wieder* соответственно), где репетитивы способны иметь реститутивные прочтения в дитранзитивных конструкциях; а значит, свойства репетитивных морфем в русском и грузинском не могут служить объяснением невозможности реститутивных прочтений в дитранзитивных клаузах этих языков.

Во-вторых, можно было бы представить себе, что наблюдаемая вариативность между языками связана с различной событийной структурой дитранзитивных предикатов в разных языках. Гипотеза в таком случае заключалась бы в следующем: дитранзитивные предикаты в английском и немецком языках имеют в своей событийной структуре подсобытие, являющееся результирующим состоянием, а дитранзитивные предикаты в русском и грузинском – не имеют. Если у предиката отсутствует результирующее состояние в событийной структуре, то, соответственно, в предложении с таким предикатом не может быть никакой составляющей, которая бы соответствовала результирующему стативному подсобытию, а значит, репетитивное наречие не найдёт такой составляющей, присоединившись к которой, оно сможет иметь реститутивную интерпретацию. Данная гипотеза также не может быть верной. Как мы видели в разделе 3.1.1., однозначно реститутивные модификаторы типа русского *обратно* ((293), повторённое ниже как (313), см. также русское *назад* (294) и грузинское *uḳan* (295)) совместимы с дитранзитивными предикатами в русском и грузинском языках. Такие морфемы всегда модифицируют результирующие состояния предикатов (см. раздел 1.5.3.). Тот факт, что они совместимы с русскими и грузинскими дитранзитивами, говорит

о том, что эти предикаты имеют результирующие стативные подсобытия в своей событийной структуре.

(313) *Маша отдала /отправила / вернула Васе книгу* ***обратно.***

a. *‘Маша отдала /отправила /вернула Васе книгу, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Маша отдала /отправила /вернула Васе книгу, и у Васи уже была эта книга до этого.’ *RES*

Отметим, что наш аргумент против гипотезы о различиях в событийных структурах предикатов не зависит от конкретного анализа реститутивных модификаторов типа *обратно* (см. обсуждение в 1.5.3. двух возможностей: однозначные реститутивые морфемы как модификаторы глагольной группы и как модификаторы предложной группы). Любой анализ наречий данного типа признаёт тот факт, что эти модификаторы взаимодействуют некоторым образом только с теми предикатами, в событийной структуре которых имеется стативное подсобытие. Таким образом, наблюдаемую вариативность в возможности реститутивных прочтений в дитранзитивных конструкциях разных языков представляется невозможным объяснить различиями событийных структур дитранзитивных предикатов.

Если результирующие стативные подсобытия присутствуют в событийных структурах русских и грузинских дитранзитивов, а репетитивные наречия (*опять* и *isev*) являются такими D-наречиями, которые способны видеть лексическую декомпозицию предикатов в синтаксисе, то из этого следует, что результирующие состояния русских и грузинских дитранзитивов не отображаются в синтаксис: в синтаксических репрезентациях дитранзитивных конструкций этих языков нет таких составляющих, которым соответствуют результирующие состояния предикатов. Из этого необходимым образом следует, что синтаксис дитранзитивных конструкций в русском и грузинском языках отличен от синтаксиса дитранзитивных клауз английского и немецкого: в последних, но не в первых языках в синтаксической репрезентации имеются такие составляющие, которым соответствуют результирующие стативные подсобытия дитранзитивных предикатов.

Синтаксис дитранзитивных конструкций в русском и грузинском может отличаться по двум причинам. Во-первых, синтаксические структуры, которые существуют в языках типа английского и немецкого, может быть возможно построить, но невозможно проинтерпретировать. Во-вторых, такие синтаксические структуры может быть

невозможно даже построить. Какая может возникнуть проблема с интерпретацией уже построенной структуры? Вспомним принцип семантической интерпретации R ((58), повторенный ниже как (314)), предложенный в (von Stechow 1995), который мы обсуждали в разделе 1.4.

(314) **Принцип R**

Если $\alpha = [_{V}\gamma \ _{SC}\beta]$ и β' имеет тип <s, t>, а γ' – тип <e,…<e, <s, t>>> (n-местный предикат), то $\alpha' = \lambda x_1 \ldots \lambda x_n \lambda e.\ \gamma'_e(x_1)\ldots(x_n) \& \exists e' [BECOME_{e'}(\beta') \& CAUSE(e')(e)]$.

((von Stechow 1995), цит. адаптирована из (Beck 2005: 7))

Данный принцип позволяет конструировать семантическую интерпретацию для таких синтаксических узлов, которые в качестве дочерних узлов имеют глагол и малую клаузу, путём «склеивания» их с помощью компонентов CAUSE и BECOME. Отсутствие принципа R в некотором языке подразумевает, что даже если структуру с глаголом и малой клаузой можно построить, её нельзя проинтерпретировать. Согласно гипотезе, выдвигаемой в работах ((Beck & Snyder 2001), (Snyder 2001), (Beck 2005), среди прочих), наличие данного принципа интерпретации параметризовано (Параметр Сложного Предиката в (62)): не все языки имеют принцип R. В тех языках, где принцип R отсутствует, конструкции с малыми клаузами невозможны. Можно было бы предположить, что отсутствие реститутивных прочтений репетитивов в русских и грузинских дитранзитивных клаузах связано с тем, что в данных языках отсутствует принцип R или аналогичный ему семантический принцип, позволяющий проинтерпретировать соединение глагола и малой клаузы. В таком случае, даже если синтаксический компонент данных языков мог бы сконструировать необходимую структуру (например, подобную предложенной в (Beck & Johnson 2004) для конструкций с двумя дополнениями в английском языке), невозможность её семантической интерпретации привела бы к провалу деривации. Однако, как мы показали в разделе 1.4., принцип R или некоторый аналогичный ему принцип требуется в русском и грузинском языках по независимым причинам: как минимум некоторые грамматичные конструкции данных языков содержат малые клаузы. Мы продемонстрировали, что результативные конструкции в русском и грузинском, а также клаузы с глаголами с лексическими префиксами содержат малые клаузы, к которым русское *опять* и грузинское *isev* могут присоединиться, модифицируя стативное подсобытие, которое им соответствует, и получая реститутивную интерпретацию. Таким образом, можно заключить, что отсутствие принципа R не может служить объяснением невозможности построить в русском и грузинском такую

дитранзитивную клаузу, которая содержит составляющую, соответствующую результирующему стативному подсобытию предиката.

Исключив возможность того, что в русском и грузинском необходимая для получения реститутивного прочтения структура деривируема, но не интерпретируема, мы вынуждены заключить, что отсутствие реститутивных интерпретаций репетитивных наречий в данных языках связано с невозможностью построить такую синтаксическую структуру, которую оказывается возможным построить в языках типа английского и немецкого. Наша гипотеза состоит в том, что русский и грузинский не имеют в своих лексиконах таких лексических единиц, которые необходимы для построения конфигурации, позволяющей реститутивное прочтение репетитивов. Какой именно является синтаксическая конфигурация, допускающая реститутивную интерпретацию AGAIN, мы обсудим в следующей главе (см. разделы 4.1.-4.2.).

Подводя итоги данного раздела, можно заключить, что возможность реститутивной интерпретации репетитивов в дитранзитивных конструкциях всегда обусловлена синтаксической конфигурацией. Как мы увидели на примере английского и немецкого языков, возможность реститутивного прочтения зависит от места присоединения в структуре репетитивного наречия, что проявляется в его доступности при одних порядках слов (в конце предложения для английского *again*, непосредственно перед глаголом для немецкого *wieder*) и недоступности при других (предглагольное *again*, отделённое от глагола *wieder*) в данных языках. В языках типа русского и грузинского невозможность реститутивного прочтения репетитивных морфем в дитранзитивных клаузах также имеет синтаксическую природу: в данных языках отсутствует возможность построить такую синтаксическую структуру, которая бы содержала соответствующую результирующему состоянию предиката составляющую, к которой репетитивы могли бы присоединиться, модифицировав стативное подсобытие.

3.1.3. Различия между дативами и PP: русский

Данный раздел посвящён одному интересному наблюдению над русским языком: хотя русские дитранзитивные конструкции с двумя дополнениями, как мы видели в предыдущих разделах (3.1.1.-3.1.2.), не допускают реститутивных прочтений репетитивного наречия опять, клаузы с теми же дитранзитивными предикатами, в которых отсутствует дативный аргумент, но имеются прямое дополнение и направительная предложная группа, допускают реститутивные прочтения репетитивов. Например, когда глагол *отдать* берёт дативный и аккузативный аргументы, как в (315), реститутивная интерпретация *опять* невозможна, однако когда тот же глагол берёт

прямое дополнение и предложную группу с предлогом в, реститутивная интерпретация оказывается возможна:

(315) *Маша опять отдала **сыну** игрушку.*

a. ‘Маша отдала сыну игрушку, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Маша отдала сыну игрушку, и у сына уже была эта игрушка до этого.’ **RES*

(316) *Маша опять отдала сына **в школу.***

a. ‘Маша отдала сына в школу, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Маша отдала сына в школу, и сын уже был в школе до этого.’ *RES*

Аналогичная ситуация наблюдается с глаголом *отправить*, который, как мы видели, например, в (309), не допускает реститутивного прочтения *опять* в конструкции с двумя дополнениями: при наличии в дитранзитивной клаузе направительной предложной группы с предлогом *в* предложения типа (318) оказываются допустимы в реститутивных контекстах типа (317).

(317) Реститутивный контекст для (318):

Этот сотрудник родился и всю свою жизнь жил в Москве. Недавно фирма, в которой он работал, открыла новый филиал в Тбилиси. И сотрудник впервые покинул Москву, переехав работать в новый филиал. Но через пару месяцев стало ясно, что этот сотрудник гораздо нужнее в московском филиале, и…

(318) *Начальник опять отправил сотрудника **в Москву**.* (при контексте в (317))

‘Начальник отправил сотрудника в Москву, и сотрудник уже был до этого в Москве.’

Заметим, что одушевлённость именной группы, являющейся комплементом направительной предложной группы, роли не играет: как можно увидеть из минимальной пары в (319)-(320), важно именно наличие направительной PP. В (319) мы видим косвенное дополнение в дательном падеже, и в таком случае в дитранзитивной клаузе реститутивное прочтение *опять* невозможно. Однако если вместо дативного аргумента употребить предложную группу с предлогом *к* и той же одушевлённой именной группой в качестве его комплемента (320), реститутивная интерпретация оказывается возможной.

(319) *Маша опять отправила книгу **Кате.***

a. ‘Маша отправила книгу Кате, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Маша отправила книгу Кате, и у Кати была книга до этого.’ **RES*

(320) *Маша опять отправила книгу **к Кате.***

a. ‘Маша отправила книгу к Кате, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Маша отправила книгу к Кате, и у Кати была книга до этого.’ *RES*

Морфосинтаксическое оформление актантов в русских дитранзитивных конструкциях (два дополнения – vs – прямое дополнение и предложная группа) не влияет на набор интерпретаций однозначно реститутивных морфем: как можно видеть из (321)-(323), в конструкции с предложной группой модификатор *обратно* может иметь только реститутивную интерпретацию, как и в ранее рассмотренной нами конструкции с двумя дополнениями (293).

(321) *Маша отдала сына обратно **в школу.***

a. *‘Маша отдала сына в школу, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Маша отдала сына в школу, и сын уже был в школе до этого.’ *RES*

(322) *Начальник опять отправил сотрудника обратно **в Москву.***

a. *‘Начальник отправил сотрудника в Москву, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Начальник отправил сотрудника в Москву, и сотрудник уже был до этого в Москве.’ *RES*

(323) *Маша отправила книгу обратно **к Кате.***

a. *‘Маша отправила книгу к Кате, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Маша отправила книгу к Кате, и у Кати была книга до этого.’ *RES*

Интересным представляется сравнить русский язык с другими языками: наблюдаются ли, например, в английском или грузинском[41] различные возможности репетитивов иметь реститутивные прочтения в зависимости от морфосинтаксического оформления актантов в дитранзитивных клаузах?

[41] К сожалению, мы не имеем возможности представить данные немецкого языка по данному вопросу.

Как мы видели в разделе 3.1.2., в английском языке реститутивное прочтение репетитивного наречия не зависит от морфосинтаксического выражения актантов: как в конструкции с двумя дополнениями ((6), повторенное ниже как (324)), так и в *to*-PP конструкции ((304), повторенное ниже как (325)) *again* может иметь реститутивные прочтения.

(324) *Thilo gave **Satoshi** the map again.* (Beck & Johnson 2004: 113)

a. ‘Тило отдал Сатоши карту, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Тило отдал Сатоши карту, и у Сатоши была карта до этого.’ *RES*

(325) *Thilo gave the map **to Satoshi** again.* (Beck & Johnson 2004: 116)

a. ‘Тило отдал карту Сатоши, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Тило отдал карту Сатоши, и у Сатоши была карта до этого.’ *RES*

Отметим тем не менее следующий факт: не все носители английского языка согласны с суждениями, представленными в (Beck & Johnson 2004). Некоторые носители не могут получить реститутивную интерпретацию *again* в конструкции с двумя дополнениями (324). Но тем не менее для этих носителей реститутивное прочтение *again* в *to*-PP конструкции (325)-(326) оказывается возможным. Иными словами, грамматика некоторых носителей английского языка похожа на русскую: она допускает реститутивные интерпретации в дитранзитивных конструкциях с предложными группами, но не допускает их в конструкциях с двумя дополнениями.

(326) *John gave /sent the book **to Mary** again.*

‘Джон опять отдал / отправил книгу (к) Маше.’

a. ‘Джон отдал / отправил книгу (к) Маше, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Джон отдал / отправил книгу (к) Маше, и у Маши уже была книга до этого.’ *RES*

Английский однозначно реститутивный модификатор back, как и русское обратно, одинаково ведёт себя в конструкции с двумя дополнениями и в *to*-PP конструкции, везде допуская только реститутивную интерпретацию (327)-(328).

(327) *She sent **Basil** a book back.*

‘Она отправила Базилю книгу обратно.’

a. *‘Она отправила Базилю книгу, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Она отправила Базилю книгу, и у Базиля уже была книга до этого.’ *RES*

(адаптировано из (McIntyre 2011: 2))

(328) *She sent a book back **to Basil**.*

‘Она отправила книгу обратно к Базилю.’

a. *‘Она отправила к Базилю книгу, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Она отправила к Базилю книгу, и у Базиля уже была книга до этого.’ *RES*

В грузинском языке конструкция с двумя дополнениями и конструкция с послеложной группой всегда ведут себя одинаково по отношению к возможности репетитивов иметь реститутивную интерпретацию. В дитранзитивных клаузах с репетитивным наречием *isev* реститутивное прочтение всегда невозможно: ни в конструкции с дативным и аккузативным аргументами, как мы видели в (284) и (288), ни в конструкции с послеложной группой (329)-(331).

(329) *šota-m* ***levan-tan*** *ç̣igni* *isev* *ga-a-gzavn-a*

Шота-ERG Леван.DAT-к книга.NOM опять PVB-pv-отправить-AOR.3SG

‘Шота опять отправил книгу к Левану.’

a. ‘Шота отправил книгу к Левану, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Шота отправил книгу к Левану, и у Левана уже была эта книга до этого.’ **RES*

(330) *direkṭor-ma* *tanamšromeli* ***tbilis-ši*** *isev* *ga-a-gzavn-a*

начальник-ERG сотрудник.NOM Тбилиси-в опять PVB-pv-отправить-AOR.3SG

‘Начальник опять отправил сотрудника в Тбилиси.’

a. ‘Начальник отправил сотрудника в Тбилиси, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Начальник отправил сотрудника в Тбилиси, и сотрудник уже был до этого в Тбилиси.’ **RES*

Однозначно реститутивный модификатор *uḳan* может иметь только реститутивную интерпретацию как в конструкции с двумя дополнениями ((295), повторенное ниже как (331)), так и в конструкции с послеложной группой (332).

(331) *šota-m* *levan-s* *ç̣igni* ***uḳan*** *gada-u-gzavn-a*

Шота-ERG Леван-DAT книга.NOM UḲAN PVB-pv-отправить-AOR.3SG

‘Шота отправил Левану книгу назад.’

a. *‘Шота отправил Левану книгу, и это уже происходило до этого.’ *REP

b. ‘Шота отправил Левану книгу, и у Левана уже была эта книга до этого.’ RES

(332) *šota-m* ***levan-tan*** *c̣igni* *uḳan* *ga-a-gzavn-a*
Шота-ERG Леван.DAT-к книга.NOM UḲAN PVB-pv-отправить-AOR.3SG
‘Шота отправил к Левану книгу назад.’

a. *‘Шота отправил к Левану книгу, и это уже происходило до этого.’ *REP

b. ‘Шота отправил Левану книгу, и у Левана уже была эта книга до этого.’ RES

Вышеприведённые данные из русского, английского и грузинского обобщены в таблице 2 (333).

Таблица 2 позволяет сделать два следующих обобщения. Во-первых, в языках существуют такие модификаторы, для которых морфосинтаксическое оформление аргументов в дитранзитивных конструкциях не важно: это однозначно реститутивные модификаторы. Во-вторых, если репетитив накладывает ограничения на морфосинтаксическое оформление аргументов, то он будет иметь реститутивную интерпретацию в конструкции с предложной /послеложной группой, но не в конструкции с двумя дополнениями.

(333) Табл. 2. Возможность реститутивного прочтения в английских, грузинских и русских дитранзитивных конструкциях: два дополнения – vs – дополнение + PP.

Репетитив	**Конструкция**	**Язык**		
		Английский	Русский	Грузинский
AGAIN	DO + IO	+ / –	–	–
	DO + PP	+	+	–
BACK	DO + IO	+	+	+
	DO + PP	+	+	+

3.1.4. Фокус с контрастивным фокусом: грузинский

Как мы видели в разделе 1.5.2., фокус на именных группах влияет на перечень интерпретаций грузинского репетитивного наречия *isev* в предложениях с лексическими свершениями. В данном разделе мы обсудим зависимость набора возможных

интерпретаций грузинского репетитива от порядка слов и контрастивного фокуса на именных группах в дитранзитивных конструкциях.

Когда грузинское *isev* в дитранзитивных клаузах находится непосредственно перед глаголом, реститутивное прочтение оказывается недоступно, как мы уже показывали в предыдущих разделах ((284), повторенное ниже как (334), (335)).

(334) *dγes* *Levan-ma* *šota-s* *ṭigni* *isev* *misca*
сегодня Леван-ERG Шота-DAT книга.NOM опять 3SG.отдать.AOR.3SG
a. ‘Сегодня Леван отдал Шоте книгу, и это происходило до этого.’ *REP*
b. *‘Сегодня Леван отдал Шоте книгу, и у Шоты была книга до этого.’ **RES*

(335) *šota-m* *levan-s* *ṭigni* *isev* *ačuka*
Шота-ERG Леван-DAT книга.NOM опять подарить.AOR.3SG
a. ‘Шота подарил Левану книгу, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. *‘Шота подарил Левану книгу, и у Левана была эта книга до этого.’ **RES*

Взаимное расположение двух дополнений также не влияет на перечень возможных интерпретаций репетитивного наречия ((311)-(312), повторенные ниже как (336)-(337)):

(336) *šota-m* ***levan-s*** ***ṭigni*** *isev* *misca*
Шота-ERG Леван-DAT книга.NOM опять 3SG.отдать.AOR.3SG
/ga-u-gzavn-a */da-u-brun-a*
/PVB-pv-отправить-AOR.3SG /PVB-pv-вернуть-AOR.3SG
‘Шота опять отдал /отправил /вернул Левану книгу.’
a. ‘Шота отдал / отправил /вернул Левану книгу, и у Левана уже была эта книга до этого.’ *REP*
b. *‘Шота отдал / отправил /вернул Левану книгу, и у Левана уже была эта книга до этого.’ **RES*

(337) *šota-m* ***ṭigni*** ***levan-s*** *isev* *misca*
Шота-ERG книга.NOM Леван-DAT опять 3SG.отдать.AOR.3SG
/ga-u-gzavn-a */da-u-brun-a*
/PVB-pv-отправить-AOR.3SG /PVB-pv-вернуть-AOR.3SG
‘Шота опять отдал /отправил /вернул книгу Левану.’
a. Шота отдал / отправил /вернул книгу Левану, и у Левана уже была *REP*

эта книга до этого.’

b. *‘Шота отдал / отправил /вернул книгу Левану, и у Левана уже была эта книга до этого.’ **RES*

При этом при использовании *isev* в предглагольной позиции событие, входящее в пресуппозицию репетитивного наречия, должно в качестве своих участников иметь индивидов такого же типа, как данное событие. Рассмотрим пример (338):

(338) *nino-m* *or* *gogo-s* *ċigni* *isev* *misca*
Нино-ERG два девочка-DAT книга.NOM опять отдать.AOR.3SG
‘Нино отдала эту книгу двум девочкам, и это уже происходило до этого.’

Свойства события, предшествующего данному:

- событие передачи (не может быть какое-то другое действие)
- пациенс – книга (может быть та же сама, может быть другая, но обязательно книга)
- реципиент – две девочки (могут быть те же самые, могут быть другие, но обязательно девочки)
- агенс мог быть другим: Нино (REP) / кто-то другой (ALTAG)

Событие, которое должно предшествовать данному событию передачи Нино книги двум девочкам, обязано быть событием передачи и иметь в качестве своего пациентивного участника книгу (возможно отличную от данной, но обязательно книгу) и в качестве реципиента двух девочек (возможно отличных от данных, но обязательно двух девочек). Агенс события, вводимого пресуппозицией *isev* может быть отличен от агенса данного события (Нино). Интерпретация, при которой агенс предшествующего события идентичен агенсу данного события, является собственно репетитивной. Интерпретация, при которой агенс предшествующего события отличен от агенса данного события, называется интерпретацией с альтернативным агенсом. Интерпретация с альтернативным агенсом может возникать в том случае, если репетитивное наречие модифицирует не VoiceP, а некоторую глагольную проекцию между VoiceP и лексическим глаголом (например, vP). Тот факт, что в (338) книга и две девочки могут быть не теми же самыми в двух событиях, говорит о том, что *isev* может
иметь широкую сферу действия по отношению к кванторным дополнениям как при собственно репетитивном прочтении, так и при интерпретации с альтернативным агенсом. Важным для последующего обсуждения является следующее наблюдение: в событии, вводимом пресуппозицией репетитива, в качестве участников должны выступать такого же рода индивиды, как и в данном событии: предшествующее событие в (338) не может

быть событием передачи картины двум девочкам или событием передачи книги трём мальчикам.

Как мы показали в разделе 1.5.2., грузинское *isev* не может отделяться от глагола более чем одним аргументом. Рассмотрим два порядка слов в дитранзитивных конструкциях, при которых *isev* оказывается отделён от глагола: ISEV – DO – V и ISEV – IO – V.

В том случае, когда репетитивное наречие отделено от глагола прямым дополнением, прямое дополнение находится в контрастивном фокусе (339)-(340). При этом оказывается возможной только «репетитивная»[42] интерпретация:

(339) *šota-m* *levan-s* ***isev*** ***çigni****[FOCUS]* *misca*
Шота-ERG Леван-DAT опять книга.NOM отдать.AOR.3SG
‘Шота Левану опять КНИГУ отдал.’

a. OK“REP”:
‘До этого имело место событие, при котором Шота / кто-то ещё отдал Левану / кому-то ещё книгу (возможно другую, но обязательно книгу), и в этот раз Шота отдал Левану именно КНИГУ (а не что-то другое).’

b. *RES:
*‘До этого имело место событие, при котором у Левана была книга, и в этот раз Шота отдал Левану именно КНИГУ (а не что-то другое).’

(340) *šota-m* *levan-s* ***isev*** ***çigni****[FOCUS]* *ačuka*
Шота-ERG Леван-DAT опять книга.NOM подарить.AOR.3SG
‘Шота Левану опять КНИГУ подарил.’

a. OK“REP”:
‘До этого имело место событие, при котором Шота / кто-то ещё подарил Левану / кому-то ещё книгу (возможно другую, но обязательно книгу), и в этот раз Шота подарил Левану именно КНИГУ (а не что-то другое).’

b. Контекст для RES:

[42] Здесь и далее мы употребляем слово ‘репетитивный’ (‘REP’) в двойных кавычках в том случае, когда, по нашему мнению, событие, вводимое в пресуппозицию репетитивом, необязательно идентично данному (например, агенс этого события или некоторый другой участник отличается от агенса / соответствующего участника данного события). В некотором смысле «репетитивный» (“REP”) для нас будет обозначать интерпретацию, не являющуюся реститутивной.

У Левана был ряд предметов: книга, картина, карта. Все вещи конфисковали у него. Шота сжалился и решил подарить какую-то вещь Левану. И Шота подарил Левану опять КНИГУ.

c. *RES:

*‘До этого имело место событие, при котором у Левана была книга, и в этот раз Шота подарил Левану именно КНИГУ (а не что-то другое).’

Рассмотрим доступную интерпретацию в (339)-(340) более подробно. Ассертивный компонент данных высказываний состоит в том, что имело место событие ‘Шота отдал / подарил Левану книгу’, и из всех возможных альтернатив вида {Шота отдал / подарил книгу X} верна именно та, которая соответствует данному событию (X = ‘Леван’). Пресуппозиция, вводимая репетитивным наречием, состоит в том, что имело место событие, предшествующее данному, и участником данного события была книга; при этом не обязательно, что Шота и Леван также были его участниками. Заметим, что данная пресуппозиция отличается от той, которая представлена в (338): в (338) участник вводимого пресуппозицией события, соответствующий дативному дополнению, должен был быть как минимум такого же типа (‘две девочки’), как и соответствующий участник данного события. В (339)-(340) вводимое пресуппозицией событие может иметь другого дативного участника. Мы предположим, что, несмотря на те интерпретации, которые представлены в (339a) и (340a), в пресуппозициях данных предложений на самом деле не специфицировано, какое событие (передачи / какое-то другое) имело место до данного события, а также, что в этих пресуппозициях не содержится информации о наличии каких бы то ни было участников предшествующего события кроме как участника, выраженного прямым дополнением. Как именно возникают интерпретации в (339a) и (340a) мы обсудим в конце данного раздела.

Предложения в (341)-(342) иллюстрируют два следующих факта про дитранзитивные конструкции с контрастивным фокусом на прямом дополнении. Во-первых, набор возможных интерпретаций не зависит от расположения других элементов в предложении с ISEV – DO – V: например, дативный аргумент может как предшествовать комплексу ‘ISEV – DO – V’(341), так и следовать за ним (342) – это не влияет на перечень интерпретаций репетитива. Во-вторых, попытка ввести в пресуппозицию альтернативы не помогает сделать реститутивную интерпретацию возможной. Как можно увидеть из (341c)-(342c), введение в контекст альтернатив вида {У Левана был X} никак не влияет на возможность иметь в пресуппозиции событие ‘У Левана была КНИГА’, предшествующее данному.

(341) *šota-m* *levan-s* ***isev*** ***ç̣igni****[FOCUS]* *ga-u-gzavn-a*
Шота-ERG Леван-DAT опять книга.NOM PVB-pv-отправлять.AOR.3SG
‘Шота Левану опять КНИГУ отправил.’

a. OK“REP”:
‘До этого имело место событие, при котором Шота / кто-то ещё отправил Левану / кому-то ещё книгу (возможно другую, но обязательно книгу), и в этот раз Шота отправил Левану именно КНИГУ (а не что-то другое).’

b. *RES без альтернатив в пресуппозиции:
* ‘У Левана была книга. (Он впервые одолжил ее Шоте). Через некоторое время Шота отправил Левану книгу обратно, и именно книгу (а не что-то другое).’

c. *RES с альтернативами в пресуппозиции:
*‘У Левана был ряд вещей: книга, карта, картина. (Всё конфисковали у него. Шота сжалился над ним, и решил что-то отправить обратно). Шота КНИГУ (а не другие предметы) отправил Левану обратно.’

(342) *šota-m* ***isev*** ***ç̣igni****[FOCUS]* *ga-u-gzavn-a* *levan-s*
Шота-ERG опять книга.NOM PVB-pv-отправлять.AOR.3SG Леван-DAT
‘Шота опять КНИГУ отправил Левану.’

a. OK“REP”:
‘До этого имело место событие, при котором Шота / кто-то ещё отправил Левану / кому-то ещё книгу (возможно другую, но обязательно книгу), и в этот раз Шота отправил Левану именно КНИГУ (а не что-то другое).’

b. *RES без альтернатив в пресуппозиции:
* ‘У Левана была книга. (Он впервые одолжил ее Шоте). Через некоторое время Шота отправил Левану книгу обратно, и именно книгу (а не что-то другое).’

c. *RES с альтернативами в пресуппозиции:
*‘У Левана был ряд вещей: книга, карта, картина. (Всё конфисковали у него. Шота сжалился над ним, и решил что-то отправить обратно). Шота КНИГУ (а не другие предметы) отправил Левану обратно.’

Также отметим, что морфосинтаксическое оформление косвенного дополнения не влияет на набор возможных интерпретаций грузинского *isev* в дитранзитивных конструкциях с контрастивным фокусом на прямом дополнении: когда косвенный аргумент оформлен предложной группой с предлогом *tan*, в предложении возможен такой же перечень интерпретаций (343), как в тех случаях, когда косвенный аргумент выражается дативным дополнением ((339)-(342)).

(343) *šota-m* *levan-tan* ***isev*** ***ċigni***$_{[FOCUS]}$ *ga-a-gzavn-a*
Шота-ERG Леван.DAT-к опять книга.NOM PVB-pv-тправлять.AOR.3SG
‘Шота к Левану опять КНИГУ отправил.’

a. OK“REP”:
‘До этого имело место событие, при котором Шота / кто-то ещё отправил Левану / кому-то ещё книгу (возможно другую, но обязательно книгу), и в этот раз Шота отправил Левану именно КНИГУ (а не что-то другое).’

b. *RES без альтернатив в пресуппозиции:
* ‘У Левана была книга. (Он впервые одолжил ее Шоте). Через некоторое время Шота отправил Левану книгу обратно, и именно книгу (а не что-то другое).’

c. *RES с альтернативами в пресуппозиции:
*‘У Левана был ряд вещей: книга, карта, картина. (Всё конфисковали у него. Шота сжалился над ним, и решил что-то отправить обратно). Шота КНИГУ (а не другие предметы) отправил Левану обратно.’

Теперь перейдём к рассмотрению дитранзитивных конструкций с контрастивным фокусом на косвенном дополнении. В этих конфигурациях происходит неожиданное: реститутивное прочтение, которое нам не удавалось до этого получить в других дитранзитивных клаузах грузинского языка, оказывается возможным ((345b)-(346b) при контексте в (344)). Прежде чем обсудить вопрос о том, как контрастивный фокус способен сделать недоступную интерпретацию доступной, рассмотрим подробно набор возможных интерпретаций предложений (345)-(346).

(344) Контекст для RES (345b)-(346b):
levan-s *qoveltvis* *hkonda es* *ċigni,* *arasdros* *aravistvis* *miuzia.*
Леван-DAT всегда имел эту книгу никогда никому отдавал

gasul *ḳviras* *ṗirvelad* *atxova* *šotas.*
прошлая неделя.DAT впервые одолжил Шота.DAT
‘У Левана всегда была эта книга, он никогда ее никому не отдавал. На прошлой неделе он впервые одолжил ее Шоте.’

(345) *šota-m* ***isev*** ***levan-s[FOCUS]*** *misca* *ṭigni*
Шота-ERG опять Леван-DAT отдать.AOR.3SG книга.NOM
‘Шота опять ЛЕВАНУ отдал книгу.’

a. OK“REP”:
‘До этого имело место событие, при котором Шота / кто-то ещё отдал Левану (*кому-то ещё) книгу /какой-то другой предмет, и в этот раз Шота отдал книгу именно ЛЕВАНУ (а не кому-то другому).’

b. OKRES:
‘До этого имело место состояние ‘книга у Левана’, и в этот раз Шота отдал книгу обратно ЛЕВАНУ (а не кому-то ещё).’

(346) *šota-m* ***isev*** ***levan-s[FOCUS]*** *ga-u-gzavn-a* *ṭigni*
Шота-ERG опять Леван-DAT PVB-pv-отправлятьAOR.3SG книга.NOM
‘Шота опять ЛЕВАНУ отправил книгу.’

a. OK“REP”:
‘До этого имело место событие, при котором Шота / кто-то ещё отправил Левану (*кому-то ещё) книгу /какой-то другой предмет, и в этот раз Шота отправил книгу именно ЛЕВАНУ (а не кому-то другому).’

b. OKRES:
‘До этого имело место состояние ‘книга у Левана’, и в этот раз Шота отправил книгу обратно ЛЕВАНУ (а не кому-то ещё).’

Предложения в (345)-(346) допускают две интерпретации: репетитивную и реститутивную. Ассертивный компонент при обоих прочтениях идентичен. Утверждается существование события ‘Шота отдал / отправил книгу Левану’, а также говорится, что из всех возможных альтернатив вида ‘Шота отдал / отправил книгу X-у’ имела место именно та, которая соответствует данному событию (X = ‘Леван’). При репетитивной интерпретации пресуппозиция заключается в том, что имело место предшествующее данному событие, которое состоит в отправлении Левану (чего-то). При этом необязательно, что вводимое пресуппозицией событие имело такого же агенса и такого же

пациенса, как агенс и пациенс данного события (предшествующее событие могло состоять в отправлении Леей книги / Шотой картины / Леей картины и т.п.). При реститутивной интерпретации пресуппозиция заключается в том, что имело место предшествующее данному событию состояние, которое заключается в обладании Леваном книги. Является ли книга обязательным участником данного состояния, мы, к сожалению, точно не знаем. Как кажется, только Леван является обязательным участником вводимого пресуппозицией события как при репетитивном, так и при реститутивном прочтении.

Отметим, что набор возможных интерпретаций при контрастивном фокусировании косвенного дополнения в дитранзитивной конструкции не зависит от линейного расположения других аргументов клаузы. Так, например, вне зависимости от того, следует ли прямое дополнение за комплексом 'ISEV – IO – V' ((345)-(346)) или предшествует ему (347), возможны как репетитивная, так и реститутивная интерпретация репетитивного наречия.

(347) *šota-m* *ċigni* ***isev*** ***levan-s****[FOCUS]* *ga-u-gzavn-a*
Шота-ERG книга.NOM опять Леван-DAT PVB-pv-тправлятьAOR.3SG
'Шота книгу опять ЛЕВАНУ отправил.'

a. OK"REP":
'До этого имело место событие, при котором Шота / кто-то ещё отправил Левану (*кому-то ещё) книгу /какой-то другой предмет, и в этот раз Шота отправил книгу именно ЛЕВАНУ (а не кому-то другому).'

b. OKRES:
'До этого имело место состояние 'книга у Левана', и в этот раз Шота отправил книгу обратно ЛЕВАНУ (а не кому-то ещё).'

На перечень возможных интерпретаций также не влияет морфосинтаксическое оформление косвенного аргумента: когда вместо дативного дополнения в контрастивном фокусе используется послеложная группа с послелогом *tan* (348), мы можем наблюдать те же возможные прочтения, что и с дативным дополнением (345)-(347).

(348) *šota-m* *ċigni* ***isev*** ***levan-tan****[FOCUS]* *ga-a-gzavn-a*
Шота-ERG книга.NOM опять Леван.DAT-к PVB-pv-тправлятьAOR.3SG
'Шота книгу опять к ЛЕВАНУ отправил.'

a. OK"REP":

‘До этого имело место событие, при котором Шота / кто-то ещё отправил к Левану (*к кому-то ещё) книгу /какой-то другой предмет, и в этот раз Шота отправил книгу именно к ЛЕВАНУ (а не кому-то другому).’

b. ^{OK}RES:

‘До этого имело место состояние ‘книга у Левана’, и в этот раз Шота отправил книгу обратно к ЛЕВАНУ (а не кому-то ещё).’

Как можно объяснить возможные интерпретации в дитранзитивных конструкциях с контрастивным фокусом на прямом дополнении и с контрастивным фокусом на дативном дополнении? Обратимся к нашей гипотезе, введённой в разделе 1.5.2., согласно которой в тех случаях, когда репетитивное наречие предшествует именной группе в предглагольной позиции, оно на самом деле присоединяется к именной группе, а не к некоторой составляющей в лексической декомпозиции предиката в синтаксисе. Как мы предположили, присоединяясь к именной группе, *isev* не меняет ассертивного компонента её значения, но вводит пресуппозицию, согласно которой существуют два события и некоторый предикат, причем предикат выполняется для второго события, второе событие предшествует первому, а индивид, выраженный именной группой в фокусе, является участником второго события ((140), повторенное ниже как (349)).

(349) $[[\text{ISEV}]](x) = x : \underline{\exists e_1\ \exists P\ \exists e_2\ [P(e_2) \& \text{Part}(x)(e_2) \& e_2 <_T e_1]}.$

Наша гипотеза также предполагает, что первое событие, вводимое пресуппозицией (e_1), обязательным образом идентифицируется с событием, соответствующим глагольной группе (e), а второе подсобытие может быть отождествлено как с событиями, представленными в предложении, так и с некоторыми контекстно задаваемыми событиями.

Посмотрим, способна ли предложенная нами гипотеза объяснить возможные интерпретации в дитранзитивных конструкциях с контрастивным фокусом. Возьмём предложение с контрастивным фокусом на прямом дополнении (339). При соединении репетитивного наречия с именной группой мы получим следующую интерпретацию:

(350) $[[\text{ISEV } \text{ɪ̣cigni}]] = \text{ɪ̣cigni} : \underline{\exists e_1\ \exists P\ \exists e_2\ [P(e_2) \& \text{Part}(\text{ɪcigni})(e_2) \& e_2 <_T e_1]}.$

Нефокусное значение глагольной группы, содержащей прямое дополнение в контрастивном фокусе, будет выглядеть следующим образом:

(351) [[šotam levans ISEV ıçigni misca]] = $\lambda e_s \exists s_s$. GIVE(e) & THEME(ıçigni)(e) & AGENT(šotam)(e) & RECIPIENT(levans)(e) & CAUSE(s)(e) & HAVE(ıçigni)(levans)(s) : $\underline{\exists P \exists e_2 [P(e_2) \& Part(\text{ıçigni})(e_2) \& e_2 <_T e].}$

В ассертивном компоненте содержится информация о том, что данное событие является событием передачи, его пациенсом является книга, агенсом – Шота, реципиентом – Леван, и при этом существует такое состояние, которое каузируется данным событием и состоит в обладании Леваном книги. Отметим, что результирующему состоянию, представленному в семантической репрезентации, как мы заключили в разделе 3.1.2., не соответствует никакой синтаксической составляющей. Тот факт, что результирующее состояние тем не менее присутствует в событийной структуре дитранзитивных глаголов, мы обнаружили при рассмотрении однозначно реститутивных репетитивных наречий, которые способны модифицировать дитранзитивные предикаты, выделяя в них результирующее стативное подсобытие (разделы 1.5.3., 3.1.1.-3.1.2.). В пресуппозиционном компоненте (351) говорится, что существует некоторое событие, предшествующее данному, участником которого является книга. Заметим, что так как предикат (P), соответствующий вводимому пресуппозицией событию (e_2), может в принципе быть отождествлен с одним из предикатов данного предложения, то мы бы ожидали возможности как минимум двух интерпретаций для предложений типа (339). В том случае, если предикат P отождествился бы с предикатом, соответствующим всей глагольной группе, то получилась бы репетитивная интерпретация: ‘Шота отдал Левану книгу, и имело место событие, которое состояло в передаче Шотой Левану книги, и участником этого события была книга, и это событие предшествует данному.’ В том случае, если предикат P отождествился бы с предикатом HAVE (стативное подсобытие s), получилась бы реститутивная интерпретация: ‘Шота отдал Левану книгу, и имело место событие, которое состояло в обладании, и его участником была книга, и оно предшествует данному.’ Таким образом, наша семантика в том виде, как она представлена сейчас, позволяет наличие реститутивной интерпретации в дитранзитивных клаузах с контрастивным фокусом на прямом дополнении, которую мы реально не наблюдаем.

В предложениях с контрастивным фокусом на дативном дополнении интерпретация соединения репетитивного наречия с именной группой и интерпретация глагольной группы устроены аналогичным образом:

(352) [[ISEV levans]] = levans : $\underline{\exists e_1 \exists P \exists e_2 [P(e_2) \& Part(levans)(e_2) \& e_2 <_T e_1].}$

(353) [[šotam ıçigni ISEV levans misca]] = $\lambda e_s \exists s_s$. GIVE(e) & THEME(ıçigni)(e) & AGENT(šotam)(e) & RECIPIENT(levans)(e) & CAUSE(s)(e) & HAVE(ıçigni)(levans)(s) : $\underline{\exists P \exists e_2 [P(e_2) \& Part(levans)(e_2) \& e_2 <_T e].}$

При присоединении грузинского *isev* к дативному аргументу вводится пресуппозиция о существовании двух событий и некоторого предиката, таких что предикат выполняется для второго события, и индивид, выраженный дативной именной группой, является участником второго события, и второе событие предшествует первому. Эта пресуппозиция сохраняется в ходе деривации. На уровне глагольной группы первое подсобытие в пресуппозиции с помощью некоторого механизма идентифицируется с подсобытием, соответствующим всей глагольной группе. Пресуппозиция в (353) говорит о существовании такого события, участником которого является Леван и которое предшествует данному. Если предикат P в пресуппозиции будет отождествлён со всей глагольной группой, возникнет репетитивная интерпретация. Если он будет отождествлен с предикатом HAVE, возникнет реститутивная интерпретация. В предложении (345) мы действительно наблюдаем как репетитивную интерпретацию, так и реститутивную.

Итак, у ранее предложенной нами семантики возникает проблема: она оказывается слишком «разрешающей», позволяя иметь реститутивные прочтения как в предложениях с контрастивным фокусом на дативном дополнении, так и в предложениях с контрастивным фокусом на прямом дополнении, хотя на самом деле мы наблюдаем эти прочтения только в первых, но не в последних предложениях. Мы предлагаем внести следующее ограничение: тематическая роль участника, который выражен именной группой в фокусе, должна быть идентична в том событии, которое соответствует глагольной группе ($e = e_1$), и в том, которое вводится пресуппозицией репетитивного наречия (e_2):

(354) [[ISEV]](x) = x : $\underline{\exists e_1 \exists P \exists e_2 [P(e_2) \& Part(x)(e_2) = Part(x)(e_1) \& e_2 <_T e_1].}$

Таким образом, мы получим следующие интерпретации глагольных групп для предложений с контрастивным фокусом на прямом дополнении и для предложений с контрастивным фокусом на дативном дополнении соответственно:

(355) [[šotam levans ISEV ıçigni misca]] = $\lambda e_s \exists s_s$. GIVE(e) & THEME(ıçigni)(e) & AGENT(šotam)(e) & RECIPIENT(levans)(e) & CAUSE(s)(e) & HAVE(ıçigni)(levans)(s) : $\underline{\exists P \exists e_2 [P(e_2) \& THEME(ıçigni)(e_2) \& e_2 <_T e].}$

(356) [[šotam ıçigni ISEV levans misca]] = $\lambda e_s \exists s_s$. GIVE(e) & THEME(ıçigni)(e) & AGENT(šotam)(e) & RECIPIENT(levans)(e) & CAUSE(s)(e) & HAVE(ıçigni)(levans)(s) : $\underline{\exists P \exists e_2 [P(e_2) \& \text{RECEPIENT}(\text{levans})(e_2) \& e_2 <_T e].}$

Так как прямое дополнение имеет роль THEME в глагольной группе, то в событии, вводимом пресуппозицией репетитива, оно должно играть ту же роль. Дативное дополнение имеет в глагольной группе тета-роль RECIPIENT, а значит, должно также интерпретироваться как реципиент во вводимом пресуппозицией событии. Нам приходится сделать следующее нетривиальное предположение: в стативном подсобытии обладания (HAVE) роль индивида, соответствующего прямому дополнению, принципиально отлична от той тета-роли, которую прямое дополнение получает в качестве аргумента дитранзитивного предиката (THEME), а роль индивида, соответствующего дативному дополнению, в том же подсобытии, может считаться идентичной той тета-роли, которую дативное дополнение получает в качестве аргумента дитранзитивного предиката (RECIPIENT). При этом допущении для дитранзитивных конструкций с контрастивным фокусом на прямом дополнении будет возможна только репетитивная интерпретация (P тождественен предикату, соответствующему глагольной группе), для дитранзитивных клауз с контрастивным фокусом на дативном дополнении – обе (P тождественен предикату, соответствующему глагольной группе и P тождественен HAVE).

Несмотря на то, что предлагаемый нами подход требует серьёзных доработок, он верным образом предсказывает отсутствие в пресуппозиции информации о других участниках события кроме того, который выражен именной группой в контрастивном фокусе. Для установления того, какие именно события и их свойства (предикаты) в принципе могут вводиться пресуппозицией репетитивного наречия при присоединении его к именным группам, требуются дальнейшие исследования.

В заключении данного раздела отметим одну интересную особенность, связанную с контрастивным фокусом на косвенном дополнении. Как мы упоминали в разделе 3.1.3., не все носители английского языка способны иметь реститутивное прочтение *again* в конструкции с двумя дополнениями; те, кто не способны, тем не менее могут иметь реститутивные прочтения в *to*-PP конструкции, чем напоминают носителей русского языка. Интересно, что некоторые из носителей, не имеющих реститутивные прочтения в конструкции с двумя дополнениями, напоминают носителей грузинского языка:

контрастивный фокус на косвенном дополнении делает реститутивную интерпретацию для них приемлемой (357)-(358)[43].

(357) Контекст для (358):
The book originates with Mary. She sent it to John a week ago with a note to pass it along to someone else when he's done with it. But he wasn't careful choosing from his address book and...
'Книга исходно была у Мэри. Она отправила её Джону неделю назад с запиской, в которой просила передать её дальше кому-нибудь после прочтения. Но Джон неаккуратно выбирал адрес того, кому послать книгу, и….'

(358) *John sent MARY the book again.* (при контексте в (357))
'Джон опять МЭРИ книгу отправил.'

3.2. Репетитивы в клаузах с несубкатегоризованными бенефактивными дативными аргументами

В данном разделе мы рассмотрим возможные интерпретации репетитивов в конструкциях с бенефактивными аргументами и постараемся ответить на три следующих вопроса. Во-первых, возможны ли реститутивные прочтения репетитивных морфем в таких клаузах? Во-вторых, если реститутивные интерпретации возможны, являются ли индивиды, обозначаемые бенефактивными дативами, участниками результирующего состояния, которое модифицирует репетитив? В-третьих, наблюдается ли зависимость набора возможных прочтений репетитивных морфем от порядка слов в конструкциях с несубкатегоризованными бенефактивными дативами? Если да, то может ли она получить объяснение в рамках синтаксического подхода к репетитивно-реститутивной полисемии?

Реститутивные прочтения репетитивов оказываются возможны в конструкциях с бенефактивными аргументами, причём вне зависимости от морфосинтаксического оформления этих аргументов. Как можно увидеть из примеров (359)-(360), в английском языке репетитивное наречие *again* может иметь как репетитивную, так и реститутивную интерпретацию в клаузах с бенефактивом, выраженным предложной группой с предлогом *for*[44]:

[43] Спасибо Jonathan Bobaljik (л.с.) за данный пример.
[44] Те носители английского языка, которые допускают использование косвенного дополнения вместо предложной группы с предлогом *for* в данных предложениях, также имеют две интерпретации в клаузах с бенефактивным участником, выраженным косвенным дополнением – репетитивную и реститутивную:

(359) *John opened the window for Mary again.*

‘Джон опять открыл окно для Мэри.’

a. ‘Джон открыл окно для Мэри, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Джон открыл окно для Мэри, и окно уже было открыто до этого.’ *RES*

(360) *John dried the towel for Mary again.*

‘Джон опять высушил полотенце для Мэри.’

a. ‘Джон высушил полотенце для Мэри, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Джон высушил полотенце для Мэри, и полотенце уже было сухим до этого.’ *RES*

При этом бенефактивный аргумент не является участником результирующего стативного подсобытия, которое модифицирует репетитив при реститутивном прочтении. Пресуппозиция при реститутивной интерпретации заключается в том, что существует такое предшествующее данному событие, которое является состоянием ‘дверь открыта’ / ‘полотенце сухое’. Ассертивный компонент данных предложений содержит информацию о том, что Джон производил некоторую деятельность, бенефактивом которой была Мэри, и которая каузировала состояние ‘дверь открыта’ / ‘полотенце сухое’. Как можно заметить, реститутивное прочтение обусловлено тем, что рассматриваемые предикаты являются лексическими свершениями и претерпевают лексическую декомпозицию в синтаксисе.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать в конструкциях с несубкатегоризованными бенефактивами в русском и грузинском языках, где данные аргументы выражены дативными дополнениями:

(361) *Петя Маше опять открыл дверь.*

a. ‘Петя открыл Маше дверь, и Петя уже открывал дверь до этого.’ *REP*

b. ‘Петя открыл Маше дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ *RES*

(362) *Шаман Маше опять заколдовал Петю.*

a. ‘Шаман заколдовал Маше Петю, и шаман уже заколдовывал Петю до этого.’ *REP*

b. ‘Шаман заколдовал Маше Петю, и Петя уже был заколдован до этого.’ *RES*

(i) *John dried Mary the towel again.*

‘Джон высушил Мэри полотенце.’

a. ‘Джон высушил Мэри полотенце, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Джон высушил Мэри полотенце, и полотенце уже было сухим до этого.’ *RES*

(363) *šota-m* *deda-s* *ķari* *isev* *ga-u-γ-o*
Шота-ERG мама-DAT дверь.NOM опять PVB-pv-открыть-AOR.3SG
'Шота опять открыл маме дверь.'
a. 'Шота открыл маме дверь, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. 'Шота открыл маме дверь, и дверь уже была открыта до этого.' *RES*

(364) *levan-ma* *deda-s* *magida* *isev* *ga-u-supt-av-a*
Леван-ERG мама-DAT стол.NOM опять PVB-pv-чистить-TS-AOR.3SG
'Леван опять очистил маме стол.'
a. 'Леван очистил маме стол, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. 'Леван очистил маме стол, и стол уже был чистым до этого.' *RES*

Как можно увидеть из (361)-(364), в клаузах с лексическими свершениями и несубкатегоризованными дативами в русском и грузинском возможны как репетитивная, так и реститутивная интерпретация репетитивных морфем. При реститутивной интерпретации состояние, выделяемое репетитивными наречиями *опять* и *isev*, не имеет участника, соответствующего индивиду, выраженному дативным аргументом.

На примере английского и русского возможно также показать, что наличие реститутивной интерпретации в рассматриваемых конструкциях зависит от порядка слов. Так, например, когда английское репетитивное наречие *again* находится в конце предложения, возможны и репетитивная, и реститутивная интерпретации ((360), повторенное ниже как (365)), однако когда *again* предшествует глаголу, реститутивное прочтение оказывается недоступным (366).[45]

[45] Для тех носителей английского языка, которые допускают использование косвенного дополнения вместо предложной группы с предлогом *for* в данных предложениях, также присутствует зависимость возможности реститутивной интерпретации от месторасположения *again*: при предглагольном *again* реститутивная интерпретация оказывается недоступной ((i)-(ii)).

(i) *John dried Mary the towel* ***again****.*
'Джон высушил Мэри полотенце.'
a. 'Джон высушил Мэри полотенце, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. 'Джон высушил Мэри полотенце, и полотенце уже было сухим до этого.' *RES*

(ii) *John* ***again*** *dried Mary the towel.*
'Джон высушил Мэри полотенце.'
a. 'Джон высушил Мэри полотенце, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. *'Джон высушил Мэри полотенце, и полотенце уже было сухим до этого.' **RES*

(365) *John dried the towel for Mary* ***again.***

‘Джон опять высушил полотенце для Мэри.’

a. ‘Джон высушил полотенце для Мэри, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Джон высушил полотенце для Мэри, и полотенце уже было сухим до этого.’*RES*

(366) *John* ***again*** *dried the towel for Mary.*

‘Джон опять высушил полотенце для Мэри.’

a. ‘Джон высушил полотенце для Мэри, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Джон высушил полотенце для Мэри, и полотенце уже было сухим до этого.’**RES*

Контраст между (365) и (366) получает простое объяснение при синтаксическом подходе к репетитивно-реститутивной полисемии. В предложении с предглагольным *again* репетитивное наречие присоединяется к глагольной группе, содержащей всех участников рассматриваемого события (агенса, бенефактива, пациенса), поэтому реститутивное прочтение оказывается недоступно. Предложению с *again* в конце предложения (365) соответствует две синтаксические структуры: либо репетитив присоединяется в качестве правостороннего адъюнкта ко всей глагольной группе (репетитивное прочтение), либо к малой клаузе в декомпозиции лексического свершения (реститутивное прочтение). Так как индивид, выраженный бенефактивной предложной группой, не интерпретируется как участник состояния, выделяемого *again* при реститутивной интерпретации, то мы можем заключить, что бенефактивный аргумент присоединяется в структуре выше, чем малая клауза.

В русском языке также наблюдается зависимость между перечнем возможных интерпретаций репетитивного наречия и порядком слов. Как можно было заметить, в предложениях (361)-(362), позволяющих реститутивную интерпретацию, бенефактивное дативное дополнение расположено слева от *опять* ((361), повторенное ниже как (367)). В том случае, если дативный аргумент расположен справа от репетитивного наречия, реститутивная интерпретация оказывается невозможна (368). Помимо этого, в предложениях с разным порядком слов репетитивная интерпретация отличается: в (367) дативное дополнение не входит в сферу действия репетитивного опять, в то время как в (368) – входит.

(367) *Петя* ***Маше*** *опять открыл дверь.*

a. ‘Петя открыл Маше дверь, и Петя уже открывал дверь до этого.’ *REP*

b. ‘Петя открыл Маше дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ *RES*

(368) *Петя опять открыл **Маше** дверь / дверь **Маше.***

a. ‘Петя открыл Маше дверь, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Петя открыл Маше дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ **RES*

Контраст между (367) и (368) можно объяснить в некотором смысле аналогично тому, как мы объяснили невозможность обратной сферы действия при предшествовании AGAIN наречиям в языках с предглагольными репетитивами (раздел 1.5.2.). Напомним, что при структурном подходе к объяснению репетитивно-реститутивной полисемии в языках с предглагольными репетитивами мы предполагаем, что репетитивные морфемы исходно присоединяются к той составляющей, которая соответствует подсобытию, которое они модифицируют. В дальнейшем репетитивные морфемы передвигаются в предглагольную позицию (по некоторым фонологическим причинам) с последующей реконструкцией. При этом в языках действует Принцип Относительной Минимальности (Relativized Minimality, (Rizzi 1990)), запрещающий передвижение одного адъюнкта поверх другого адъюнкта. Несубкатегоризованные дативные дополнения, как и наречия, являются адъюнктами. Соответственно, передвижение *опять* поверх дативного дополнения должно быть запрещено Принципом Относительной Минимальности. Мы предполагаем, что в (367) дативный аргумент присоединяется в структуре выше, чем глагольная группа (VoiceP), поэтому *опять* может присоединиться как к малой клаузе (реститутивное прочтение), так и к глагольной группе (репетитивное прочтение), не пересекая другой адъюнкт в виде дативного аргумента. В (368), как мы полагаем, дативный аргумент присоединяется ниже, чем VoiceP, но выше, чем малая клауза (например, адъюнктом к группе лексического глагола). Реститутивная интерпретация невозможна в данном случае именно потому, что при её деривации должно было бы иметь место запрещённое передвижение. Если в (368) *опять* присоединилось к малой клаузе, а дативное дополнение присоединилось выше малой клаузы, то для того, чтобы репетитивному наречию оказаться в предглагольной позиции, ему необходимо пересечь дативный адъюнкт, что запрещено Принципом Относительной Минимальности. Репетитивное прочтение (368) возможно потому, что при нём *опять* присоединяется выше, чем дативное дополнение (к VoiceP).

Отметим, что расположение дативного аргумента слева от репетитивного наречия в дитранзитивных клаузах не делает реститутивную интерпретацию доступной (неуместность (370) при реститутивном контексте в (369)), что подтверждает наше обобщение (раздел 3.1.2.) о том, что в дитранзитивной конструкции русского языка нет

такой составляющей, которая бы соответствовала результирующему состоянию предиката.

(369) Реститутивный контекст для (370):
У Пети всегда была книга Каверина «Два капитана», он никогда её никому не отдавал. Однажды он случайно оставил книгу у Маши в гостях…

(370) #*И тогда Маша Пете опять отдала /отправила /вернула книгу*.
(при контексте в (369))
Ожидаемое реститутивное прочтение: ‘Маша отдала / отправила / вернула Пете книгу, и у Пети уже была эта книга до этого.’

Возможность реститутивного прочтения в русских конструкциях с несубкатегоризованными дативными дополнениями и его невозможность в дитранзитивных конструкциях хорошо коррелирует с наблюдениями над взаимным структурным расположением двух дополнений в этих конструкциях, сделанными в (Boneh & Nash, to appear). Согласно (Boneh & Nash, to appear), в то время как в дитранзитивных клаузах возможен как структурный приоритет прямого дополнения (ACC > DAT), так и структурный приоритет дативного дополнения (DAT > ACC), в конструкциях с несубкатегоризованными дативными дополнениями они всегда с-командуют прямыми дополнениями, но не наоборот (371):

(371) DAT > ACC в конструкциях с бенефактивными дативами
(Boneh & Nash, to appear : 12)
a. **Шаман заколдовал охотников друг другу.*
b. *Шаман заколдовал охотникам друг друга.*
c. **Шаман заколдовал друг другу охотников.*
d. ??*Шаман заколдовал друг друга охотникам.*

Как можно увидеть из допустимости (373) в контексте (372), в тех случаях, когда бенефактивный участник связывает прямое дополнение, выраженное реципроком, реститутивная интерпретация оказывается возможной.

(372) Реститутивный контекст для (373):
Два охотника родились заколдованными и, будучи таковыми, прожили почти всю свою жизнь. Однажды добрая волшебница освободила их от заклятия. Однако

через некоторое время охотники сильно поссорились и были очень злы друг на друга. Каждый из них пришёл к шаману, попросив его заколдовать другого охотника.

(373) *Шаман охотникам опять заколдовал друг друга.* (при контексте в (372))
‘Шаман заколдовал охотникам друг друга, и охотники уже были заколдованы ранее.’

В заключении данного раздела ещё раз сформулируем наши ответы на поставленные вопросы. Реститутивные интерпретации оказываются возможны в конструкциях с несубкатегоризованными бенефактивными аргументами. Индивиды, обозначаемые бенефактивными дополнениями (русский, грузинский) / предложными группами (английский), находятся вне сферы действия репетитивных морфем при реститутивном прочтении: они не являются участниками результирующего стативного подсобытия, которое в данном случае входит в пресуппозицию репетитивной морфемы. Наличие реститутивной интерпретации в рассматриваемых конструкциях зависит от порядка слов, и данная зависимость может быть объяснена в рамках структурного подхода к многозначности репетитивов.

3.3. Репетитивы в клаузах с каузируемыми дативными аргументами

В данном разделе мы рассмотрим возможные интерпретации репетитивов в каузативных конструкциях на примере *make*-каузативов в английском языке и синтетических каузативов в грузинском.

Для начала рассмотрим каузативы от таких предикатов, которые не имеют результирующих состояний: от стативов типа *be happy* (‘быть счастливым’) и деятельностей типа *tamaši* (‘играть’), *drink whiskey* (‘пить виски’), *ɣvinos daleva* (‘пить вино’). Как можно видеть из (374)-(377), репетитивные наречия в каузативных конструкциях с такими предикатами имеют два прочтения. При «высоком» прочтении репетитивы вводят пресуппозицию о существовании события, которое предшествует данному и для которого верен предикат, соответствующий всей пропозиции: ‘Джон осчастливил Мэри’ (374), ‘Мама заставила ребёнка играть’ (375), ‘Джон заставил Мэри пить виски’ (376), ‘Шота заставил Левана пить вино’ (377). При «низком» прочтении предшествующее данному событие состояло в состоянии /деятельности, описываемом / описываемой исходным (некаузативизированным) предикатом: ‘Мэри счастлива’ (374), ‘Ребёнок играет’ (375), ‘Мэри пьёт виски’ (376), ‘Леван пьёт вино’ (377).

(374) *John made Mary happy again.*

‘Джон опять осчастливил Мэри.’

a. ‘Джон осчастливил Мэри, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Джон осчастливил Мэри, и Мэри была счастлива до этого.’

(375) *deda-m* *bavšvi* *isev* *a-tamaš-a*

мама-ERG ребёнок.NOM опять pv-играть-AOR.3SG

‘Мама опять заставила ребёнка играть.’

a. ‘Мама заставила ребёнка играть, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Мама заставила ребёнка играть, и ребёнок уже играл до этого.’

(376) *John made Mary drink whiskey again.*

‘Джон опять заставил Мэри пить виски.’

a. ‘Джон заставил Мэри пить виски, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Джон заставил Мэри пить виски, и Мэри уже пила виски до этого.’

(377) *šota-m* *levan-s* *ɣvino* *isev* *da-a-lev-in-a*

Шота-ERG Леван-DAT вино.NOM опять PVB-pv-пить-TS-AOR.3SG

‘Шота опять заставил Левана пить вино.’

a. ‘Шота заставил Левана пить вино, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Шота заставил Левана пить вино, и Леван уже пил вино до этого.’

Таким образом, можно заключить, что каузируемый участник входит в сферу действия репетитивного наречия вне зависимости от того, модифицирует ли оно составляющую, соответствующую исходному подсобытию, или всю глагольную группу. Отметим, что только в тех случаях, когда исходный предикат является переходным, мы можем говорить о выражении каузируемого участника как косвенного дополнения.

Теперь перейдём к рассмотрению каузативов от лексических свершений – предикатов, имеющих результирующие состояния. Как мы можем наблюдать в (378)-(379), репетитивные наречия в данных каузативных конструкциях имеют три интерпретации. Наиболее «высокое» прочтение репетитива состоит в том, что всё событие, включая компонент каузации, имело место до данного события. «Промежуточное» прочтение репетитивных морфем состоит в том, что раньше имело место событие, соответствующее исходному предикату: Билл / Леван уже открывали окно когда-то до данного события, состоящего в каузации Джоном / Шотой Билла / Левана

открыть окно. Третье, наиболее «низкое» прочтение представляет собой собственно реститутивное прочтение: опять возникает результирующее состояние лексического свершения – ‘окно открыто’.

(378) *John made Bill open the window again.*
‘Джон опять заставил Билла открыть окно.’
a. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и это уже происходило до этого.’
b. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и Билл уже открывал окно до этого.’
c. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и окно уже было открыто до этого.’

(379) *šota-m* *levan-s* *pandžara* *isev* *ga-a-γ-eb-in-a*
Шота-ERG Леван-DAT окно.NOM опять PVB-pv-открыть-TS-TS-AOR.3SG
‘Шота опять заставил Левана открыть окно.’
a. ‘Шота заставил Левана открыть окно, и это уже происходило до этого.’
b. ‘Шота заставил Левана открыть окно, и Леван уже открывал окно до этого.’
c. ‘Шота заставил Левана открыть окно, и окно уже было открыто до этого.’

В каузативных конструкциях от лексических свершений косвенное дополнение входит в сферу действия репетитива при «высоком» и «промежуточном» прочтениях и не входит – при «реститутивном». Это означает, что каузируемый индивид не является участником результирующего состояния предиката, выраженного, как мы полагаем, малой клаузой.

Ниже мы продемонстрируем, что в каузативных конструкциях наблюдается такая же зависимость перечня возможных интерпретаций репетитивных наречий от порядка слов, как и в других уже рассмотренных нами конструкциях (клаузах с лексическими свершениями (раздел 1.5.2.), дитранзитивных клаузах (раздел 3.1.2.), клаузах с бенефактивными аргументами (раздел 3.2.)), на материале *make*-каузативов английского языка.

В каузативных конструкциях от стативов и деятельностей две интерпретации возможны только в том случае, если *again* расположено в конце клаузы ((380), (383)). Если репетитивное наречие предшествует глаголу *make*, то «низкая» интерпретация оказывается недоступна ((382), (385)). Если репетитив предшествует исходному предикату (*be happy* (‘быть счастливым’), *drink whiskey* (‘пить виски’)), «высокое» прочтение оказывается невозможным ((381), (384)).

(380) *John made Mary happy* ***again***.

‘Джон опять осчастливил Мэри.’

a. ‘Джон осчастливил Мэри, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Джон осчастливил Мэри, и Мэри была счастлива до этого.’

(381) *John made Mary* ***again*** *happy.*

‘Джон опять осчастливил Мэри.’

a. *‘Джон осчастливил Мэри, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Джон осчастливил Мэри, и Мэри была счастлива до этого.’

(382) *John* ***again*** *made Mary happy.*

‘Джон опять осчастливил Мэри.’

a. ‘Джон осчастливил Мэри, и это уже происходило до этого.’

b. *‘Джон осчастливил Мэри, и Мэри была счастлива до этого.’

(383) *John made Mary drink whiskey* ***again***.

‘Джон опять заставил Мэри пить виски.’

a. ‘Джон заставил Мэри пить виски, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Джон заставил Мэри пить виски, и Мэри уже пила виски до этого.’

(384) *John made Mary* ***again*** *drink whiskey.*

‘Джон опять заставил Мэри пить виски.’

a. *‘Джон заставил Мэри пить виски, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Джон заставил Мэри пить виски, и Мэри уже пила виски до этого.’

(385) *John* ***again*** *made Mary drink whiskey.*

‘Джон опять заставил Мэри пить виски.’

a. ‘Джон заставил Мэри пить виски, и это уже происходило до этого.’

b. *‘Джон заставил Мэри пить виски, и Мэри уже пила виски до этого.’

Наблюдаемая зависимость возможных прочтений *again* ожидаема при синтаксическом подходе к неоднозначности репетитивов. Предложения с *again* в конце клаузы неоднозначны, потому что правосторонняя адъюнкция репетитива не позволяет нам

увидеть, к какой именно составляющей в синтаксической структуре репетитив присоединяется. В том случае, если *again* присоединяется как левосторонний адъюнкт, предложения оказываются однозначны: при присоединении репетитива к составляющей, соответствующей исходному предикату, мы имеем «низкое» прочтение ((381), (384)), при присоединении к составляющей, соответствующей каузативизированному предикату, получается «высокое» прочтение ((382), (385)). Отметим, что в данных предложениях происходит передвижение за падежом именной группы, обозначающей каузируемого индивида, и в связи с этим в предложениях с «низкой» интерпретацией ((381), (384)) мы видим репетитив после каузируемого аргумента, а не до него, несмотря на то, что каузируемый индивид является участником того события, которое *again* модифицирует.

Зависимость возможных прочтений от линейной позиции *again* также можно увидеть в каузативных конструкциях от лексических свершений (386)-(388):

(386) *John made Bill open the window **again**.*

‘Джон опять заставил Билла открыть окно.’

a. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и это уже происходило до этого.’
b. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и Билл уже открывал окно до этого.’
c. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и окно уже было открыто до этого.’

(387) *John made Bill **again** open the window.*

‘Джон опять заставил Билла открыть окно.’

a. *‘Джон заставил Билла открыть окно, и это уже происходило до этого.’
b. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и Билл уже открывал окно до этого.’
c. *‘Джон заставил Билла открыть окно, и окно уже было открыто до этого.’

(388) *John **again** made Bill open the window.*

‘Джон опять заставил Билла открыть окно.’

a. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и это уже происходило до этого.’
b. *‘Джон заставил Билла открыть окно, и Билл уже открывал окно до этого.’
c. *‘Джон заставил Билла открыть окно, и окно уже было открыто до этого.’

Предложение с правосторонней адъюнкцией репетивного наречия (*again* в конце клаузы) демонстрирует трёхстороннюю многозначность (386), что объясняется тремя возможными позициями для присоединения репетитива в синтаксической структуре: малая клауза, глагольная группа без каузативного глагола, глагольная группа с каузативным глаголом.

При левосторонней адъюнкции *again* предложения оказываются однозначными. Когда *again* присоединяется к глагольной группе, включающей каузативный глагол *make,* возникает «высокое» прочтение. Когда *again* присоединяется к глагольной группе, не включающей каузативный глагол, возникает «промежуточная интерпретация». Отметим, что в последнем случае в связи с передвижением косвенного дополнения, обозначающего каузируемого участника, за падежом репетитивное наречие следует за каузируемым аргументом, а не предшествует ему.

Подводя итог, можно сказать, что в каузативных конструкциях каузируемые дативные аргументы расположены выше тех составляющих, которые соответствуют результирующим состояниям лексических свершений, но ниже тех составляющих, которые соответствуют каузирующим подсобытиям.

3.4. Репетитивы в клаузах с локативными аргументами

В данном разделе мы рассмотрим возможные интерпретации репетитивных наречий в двух конструкциях: в грузинской конструкции с локативной версией и в русских клаузах с глаголами изменения расположения объекта с локативными аппликативами (N-аппликативы в терминологии Пшехотской(2012)).

Обратимся сначала к грузинской конструкции с локативными дативными дополнениями. Ряд глаголов грузинского языка позволяет такую повышающую актантную деривацию, при которой периферийный участник с ролью места, выраженный послеложной группой, становится одним из центральных актантов и становится выражен дативным дополнением. Данная деривация маркируется на глаголе предкорневым гласным *-a-*, который мы также обычно видим на каузативных глаголах. Как конструкция с послеложной группой, так и конструкция с дативным дополнением позволяют два прочтения репетитивного наречия *isev*: репетитивное, при котором повторяется всё событие, и реститутивное, при котором повторяется результирующее состояние предиката (389)-(390).

(389) *šota-m* *es* *ċigni* ***im*** ***ċign-ze*** *isev* *da-d-o*
Шота-ERG этот книга.NOM тот книгаю-на опять PVB-класть-AOR.3SG
‘Шота опять положил эту книгу к той книге.’

a. ‘Шота положил эту книгу к той книге, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. ‘Шота положил эту книгу к той книге, и эта книга уже лежала на той книге до этого.’ *RES*

(390) *šota-m* *es* *ċigni* ***im*** ***ċign-s*** *isev* *da-**a**-d-o*
Шота-ERG этот книга.NOM тот книга-DAT опять PVB-pv-класть-AOR.3SG
‘Шота опять положил эту книгу к той книге.’
a. ‘Шота положил эту книгу к той книге, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. ‘Шота положил эту книгу к той книге, и эта книга уже лежала на той книге *RES* до этого.’

Как можно увидеть из (389)-(390), при реститутивной интерпретации репетитивное наречие вводит пресуппозицию о наличии такого предшествующего данному события, которое состоит в состоянии ‘эта книга лежит на той книге’. Дативный аргумент, таким образом, входит в сферу действия репетитива в грузинской конструкции с локативной версией.

Примеры (391), (392), (393) иллюстрируют два возможных прочтения в конструкции с локативным дативом при некоторых других предикатах, допускающих локативную версию (*daṭexa* ‘разбить’, *daçera* ‘написать’, *miaba* ‘привязать’ соответственно).

(391) *šota-m* *magida-s* *larnaḳi* *isev* *da-a-ṭex-a*
Шота-ERG стол-DAT ваза.NOM опять PVB-pv-разбивать-AOR.3SG
‘Шота опять разбил вазу об стол.’
a. ‘Шота разбил вазу об стол, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. ‘Шота разбил вазу об стол, и осколки вазы уже лежали на столе до этого.’ *RES*

(392) *šota-m* *galavan-s* *leksi* *isev* *da-a-çer-a*
Шота-ERG забор-DAT стихотворение.NOM опять PVB-pv-писать-AOR.3SG
‘Шота опять написал стихотворение на заборе.’
a. ‘Шота написал стихотворение на заборе, и это уже происходило до этого.’*REP*
b. ‘Шота написал стихотворение на заборе, и стихотворение уже было написано *RES* на заборе до этого.’

(393) *levan-ma* *es* *iremi* *xe-s* *isev* *mi-a-b-a*
Леван-ERG этот олень.NOM дерево-DAT опять PVB-pv-привязать-AOR.3SG
‘Леван опять привязал этого оленя к дереву.’
a. ‘Леван привязал этого оленя к дереву, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Леван привязал этого оленя к дереву, и этот олень уже был привязан к дереву.’*RES*

При реститутивной интерпретации данных предложений репетитивное наречие вводит пресуппозицию о том, что ранее имело место событие ‘осколки вазы были на столе’ (391), ‘стихотворение было на заборе’ (392), ‘олень был у дерева’ (393). Как можно заметить, во всех случаях индивид, выраженный дативным дополнением, является участником результирующего состояния предиката.

В (395) и (397) возможность реститутивного прочтения грузинского *isev* в конструкции с локативным дативом иллюстрируется с приведением более широкого контекста (в (394) и (396) соответственно):

(394) Реститутивный контекст для (395):
У этого платья всегда были все пуговицы. Но вчера Нино случайно оторвала одну из пуговиц. Сегодня…

(395) *nino-m* *γili* *ḳaba-s* *isev* *mi-a-ḳer-a*
Нино-ERG пуговица.NOM платье-DAT опять PVB-pv-шить-AOR.3SG
(При контексте в (394)): ‘Нино пришила пуговицу к платью, и пуговица уже была на платье до этого.’

(396) Реститутивный контекст для (397):
Гиви и Леван были неразлучными друзьями с детства. Но однажды они серьезно поссорились и перестали друг с другом общаться. Шота хотел примирить двух друзей, и ему это удалось.

(397) *šota-m* *givi* *levan-s* *isev* *da-a-axlov-a*
Шота-ERG Гиви.NOM Леван-DAT опять PVB-pv-приблизить-AOR.3SG
Досл. ‘Шота опять приблизил Гиви Левану.’
При контексте в (396): ‘Шота примирил Гиви и Левана, и Гиви и Леван были друзьями до этого.’

Как можно заметить из (397), предикат в грузинской конструкции с локативным дативом может иметь переносное значение: *daaxlova* (‘приблизить кого-то к чему-то/ кому-то’) означает ‘примирить двух людей’. При этом дативный аргумент точно так же попадает в сферу действия *isev*, как и в предыдущих случаях: репетивное наречие в данном случае вносит пресуппозицию о существовании предшествующего события ‘Гиви и Шота близки (=друзья)’.

Отметим некоторую корреляцию между возможностью иметь реститутивное прочтения репетитива и взаимным структурным расположением двух дополнений в грузинском языке. Как мы видели в разделе 3.1.1., в дитранзитивных конструкциях грузинского языка реститутивные прочтения многозначного репетитива *isev* невозможны.[46] Как показано в (Nash 2016), в дитранзитивных клаузах грузинского языка возможен как структурный приоритет прямого дополнения (ACC > DAT), так и структурный приоритет дативного дополнения (DAT > ACC). В конструкции с локативной версией, однако, допускающей реститутивное прочтение неоднозначного репетитивного наречия, структурное отношение между двумя дополнениями однозначно: прямое дополнение с-командует дативным дополнением, но не наоборот:

(398) *globalizacia-m* *didi* *da* *p̣aṭara* *kveqn-eb-i*$_i$
глобализация-ERG большой и маленький страна-PL-NOM
mi-a-b-a *ertmanet-s*$_i$ *(*kveqneb-s*$_i$ *ertmanet-i*$_i$*)*
PVB-pv-связывать-AOR.3SG друг.другу-DAT (страна-PL-DAT друг.друга-NOM)
‘Глобализация связала маленькие и большие страны друг с другом.’
(адаптировано из (Nash 2016: 12))

(399) *linch-ma* *mi-a-ḳer-a* *ertmanet-s*$_i$ *daukavshirebeli*
Линч-ERG PVB-pv-шить-AOR.3SG друг.другу-DAT несвязанный
ep̣izod-eb-i$_i$ *(*ep̣izod-eb-s*$_i$ *ertmanet-i*$_i$*)*
эпизод-PL-NOM (эпизод-PL-DAT друг.друга-NOM)
Досл. ‘Линч пришил несвязанные эпизоды друг другу.’
(адаптировано из (Nash 2016: 12))

Это позволяет сделать следующее обобщение: в тех конфигурациях, в которых индивид, выраженный дативным дополнением, является участником результирующего состояния предиката и, соответственно, может входить в сферу действия репетитива при реститутивной интерпретации, дативное дополнение всегда расположено структурно ниже, чем прямое дополнение в синтаксической структуре.

Теперь обратимся к конструкции с локативным аппликативом (N-аппликатив в терминологии (Пшехотская 2012)) в русском языке. Данная конструкция обычно содержит предикат с семантикой изменения месторасположения объекта или изменения состояния объекта, прямое дополнение, локативную (чаще всего – направительную)

[46] За исключением предложений с контрастивным фокусом на дативном дополнении. См. раздел 3.1.4.

предложную группу и дативный аргумент (400)-(401). Отметим, что дативное дополнение является в данном случае несубкатегоризованным факультативным актантом.

(400) *Маша положила книгу Васе на стол.*

(401) *Иван разлил чернила Маше на платье.*
(адаптировано из (Пшехотская 2012: 94))

Репетитивное наречие *опять* в данной конструкции может иметь как репетитивную, так и реститутивную интерпретации (402)-(404):

(402) *Маша опять положила книгу Васе на стол.*

a. ‘Маша положила книгу Васе на стол, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Маша положила книгу Васе на стол, и у Васи уже была книга на столе до этого.’ *RES*

(403) *Вася опять посадил дочку Маше на стул.*

a. ‘Вася посадил дочку Маше на стул, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Вася посадил дочку Маше на стул, и у Маши уже дочка сидела на стуле до этого.’ *RES*

(404) *Маша опять побелила стену маме в комнате.*

a. ‘Маша побелила стену маме в комнате, и это уже происходило до этого.’ *REP*

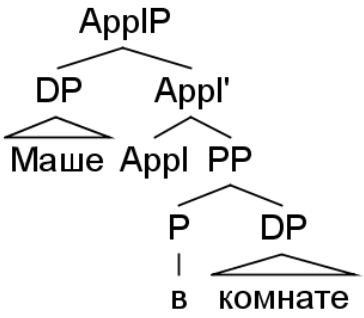
b. ‘Маша побелила стену маме в комнате, и у мамы уже была белая стена в комнате до этого.’ *RES*

При репетитивной интерпретации вышепредставленных предложений *опять* вводит пресуппозицию о существовании такого события, предшествующего данному, для которого истинен предикат, соответствующий всей глагольной группе: ‘Маша положила книгу Васе на стол’ (402), ‘Вася посадил дочку Маше на стул’ (403), ‘Маша побелила стену маме в комнате’ (404). При реститутивном прочтении повторяется результирующее стативное подсобытие предиката: ‘У Васи книга на столе’ (402), ‘У Маши дочка на стуле’ (403), ‘У мамы стена белая’ (404). Как можно заметить, индивид, выраженный дативным дополнением в данной конструкции, является участником результирующего состояния, которое выделяет *опять*. При этом он является не обязательным, а факультативным участником этого состояния. Как кажется, наблюдаемая нами интерпретация хорошо соответствует синтаксической структуре, предложенной для локативных аппликативов в

(Пшехотская 2012) (структура в (273), повторенная ниже как (406) для предложения в (405)), и её наличие является аргументом в пользу этого анализа.

(405) *Вася разлил чернила Маше в комнате*.
(адаптировано из (Пшехотская 2012: 108))

(406) Рис. 39. Локативный аппликатив (N-аппликатив): (405)



(адаптировано из (Пшехотская 2012: 110))

В подтверждение данной структурой можно привести ещё два аргумента. Во-первых, как было отмечено Пшехотской (2012), дативное дополнение и предложная группа в данной конструкции образуют составляющую. Одним из свидетельств в пользу этого является возможность при вопросительном выносе передвинуть не только вопросительное дативное дополнение, но и предложную группу на левую периферию клаузы («эффект крысолова»):

(407) *[Кому на стол] Маша положила книгу?*

(408) *[Кому на стул] Вася посадил девочку?*

Во-вторых, данные связывания реципроков коррелируют с возможностью реститутивного прочтения в конструкции с локативным аппликативом. Как можно увидеть из (409)-(412), прямое дополнение может связать реципрок в позиции дативного дополнения, но не наоборот. Пример в (412) демонстрирует, что в том случае, когда дативное дополнение связывает реципрок в позиции прямого дополнения, мы имеем дело с конструкцией с бенефактивным дативом, а не с конструкцией с локативным аппликативом. В частности, при реститутивном прочтении русского *опять* в данном предложении событие, вводимое репетитивным наречием в пресуппозицию, не содержит участника, соответствующего индивиду, выраженному дативным дополнением (повторяется состояние ‘девочки сидели на стульях’, а не ‘девочки сидели друг у друга на стульях’).

(409) *Вася опять посадил девочек$_i$ друг другу$_i$ на стулья.*

a. ‘Вася посадил девочек друг другу на стулья, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Вася посадил девочек друг другу на стулья, и девочки уже сидели друг у друга на стульях до этого.’ *RES*

(410) **Вася опять посадил друг друга$_i$ девочкам$_i$ на стулья.*

(411) **Вася опять посадил друг другу$_i$ девочек$_i$ на стулья.*

(412) *Вася опять посадил девочкам$_i$ друг друга$_i$ на стулья.*

a. BEN + REP:

‘Вася посадил девочек на стулья, причём он сделал это действие с первой девочкой для второй, и со второй для первой, и это уже происходило до этого.’

b. BEN + RES:

‘Вася посадил девочек на стулья, причём он сделал это действие с первой девочкой для второй, и со второй для первой, и девочки уже сидели на стульях до этого.’

c. *LOC-DAT + REP:

‘Вася посадил девочек друг другу на стулья, и это уже происходило до этого.’

d. *LOC-DAT + RES:

*‘Вася посадил девочек друг другу на стулья, и девочки уже сидели друг у друга на стульях до этого.’

Таким образом, русская конструкция с локативным аппликативом ведёт себя похожим образом на грузинскую конструкцию с локативной версией: дативное дополнение оказывается в сфере действия репетитивного наречия при реститутивной интерпретации и находится структурно ниже, чем прямое дополнение.

В русской конструкции с локативным аппликативом помимо многозначного *опять* может употребляться однозначно реститутивный модификатор *обратно*. Что интересно, при этом *обратно* будет предшествовать не только предложной группе, но и дативному дополнению:

(413) *Маша положила книгу [обратно [Васе на стол]].*

(414) *Вася посадил дочку [обратно [Маше на стул]].*

Модификатор *обратно* в (413)-(414) имеет реститутивное прочтение: он вводит пресуппозицию, состоящую в том, что ранее имело место событие, заключающееся в состоянии ‘У Васи книга на столе’ и ‘У Маши дочка на стуле’ (для (413) и (414) соответственно).

Как показывают демонстрирующие «эффект крысолова» (415) и (416), в случае вопросительного выноса дативного дополнения возможно сопутствующее передвижение направительной предложной группы и реститутивного модификатора *обратно*.

(415) *[Обратно кому на стол] Маша положила книгу?*

(416) *[Обратно кому на стул] Вася посадил девочку?*

Это позволяет предположить, что при употреблении *обратно* в данной конструкции *обратно*, дативное дополнение и предложная группа образуют составляющую ([ОБРАТНО [DAT [P + DP]]]). Наблюдения над позицией обратно в рассматриваемой конструкции и над «эффектом крысолова» ещё раз подтверждают, во-первых, что дативное дополнение является аппликативным аргументом к предложной группе, и, во-вторых, что обратно способен выступать модификатором предложных групп (см. обсуждение в разделе 1.5.3.).

Предложения в (417)-(420) ещё раз демонстрируют структурный приоритет прямого дополнения над дативным аргументом и корреляцию этого феномена с возможностью реститутивного прочтения репетитивных наречий (на примере модификатора *обратно*). В (417) прямое дополнение связывает дативный реципрок, *обратно* возможен и имеет реститутивную интерпретацию. В (420) невозможна такая интерпретация, при которой дативное дополнение связывало бы аккузативный реципрок, но при этом индивид, выраженный дативным дополнением, являлся бы участником результирующего подсобытия, выделяемого репетитивным наречием (возможна только бенефактивная интерпретация дативного аргумента при скрэмблинге *обратно*).

(417) *Вася посадил девочек$_i$ обратно друг другу$_i$ *(на стулья).*
‘Вася посадил девочек друг другу на стулья, и девочки уже сидели друг у друга на стульях до этого.’

(418) **Вася посадил друг друга$_i$ обратно девочкам$_i$ на стулья.*
Ожидаемое прочтение: ‘Вася посадил девочек друг другу на стулья, и девочки уже сидели друг у друга на стульях до этого.’

(419) **Вася посадил друг другу*$_i$ *обратно девочек*$_i$ *на стулья.*
Ожидаемое прочтение: ‘Вася посадил девочек друг другу на стулья, и девочки уже сидели друг у друга на стульях до этого.’

(420) **Вася посадил девочкам*$_i$ *обратно друг друга*$_i$ *на стулья.*
Ожидаемое прочтение: ‘Вася посадил девочек друг другу на стулья, и девочки уже сидели друг у друга на стульях до этого.’
(Возможно: при бенефактивной интерпретации дативного аргумента и скрэмблинге обратно, исходное предложение до скрэмблинга: «*Вася посадил девочкам друг друга обратно на стулья*»)

Подводя итоги данного раздела, перечислим те свойства, которые являются общими для грузинской конструкции с локативной версией и для русской конструкции с локативным аппликативом. Во-первых, обе конструкции чаще всего употребляются с предикатами изменения положения объекта в пространстве, но допустимы и при предикатах изменения состояния объекта. Во-вторых, в обеих конструкциях имеется участник с ролью цели. В грузинском языке таким участником является индивид, выраженный самим дативным дополнением. В русском языке этот участник выражен именной группой, которую берёт в качестве своего комплемента предлог с направительной семантикой. В-третьих, в обеих конструкциях прямое дополнение имеет структурный приоритет над дополнением в дательном падеже. Наконец, самое главное для нас сходство этих конструкций состоит в том, что индивид, выраженный дативным дополнением, является участником результирующего стативного подсобытия предиката и, соответственно, попадает в сферу действия AGAIN при реститутивной интерпретации репетитивных наречий. Тот факт, что многозначные наречия *опять* и *isev* в данных конструкциях могут иметь реститутивные прочтения, говорит о наличии в этих конструкциях таких составляющих, которые соответствуют результирующим состояниям предикатов.

IV Анализ репетитивов в конструкциях с дативными аргументами

В данной главе мы представим наш анализ возможных прочтений репетитивных наречий в ранее рассмотренных конструкциях с дативными аргументами: в дитранзитивных конструкциях (на материале английского, немецкого, русского, грузинского языков), в конструкциях с бенефактивным аргументом (на материале английского, русского, грузинского языков), в каузативных конструкциях (на материале английского и грузинского языков) и в конструкциях с локативными аргументами (на материале грузинского и русского языков). Мы обсудим, каковы необходимые условия для возникновения реститутивной интерпретации в вышеперечисленных конструкциях, а также то, что обуславливает (не)вхождение косвенного дополнения в сферу действия репетитива. В разделе 4.1. мы выдвинем нашу основную гипотезу и введем те допущения, которые необходимы для предлагаемых нами анализов. В разделе 4.2. мы представим наш анализ интерпретаций репетитивных морфем в дитранзитивных конструкциях и обсудим, как он объясняет наблюдаемую межъязыковую вариативность между языками типа английского и немецкого с одной стороны и языками типа русского и грузинского с другой стороны. В разделе 4.3. мы представим анализ возможных прочтений репетитивов в конструкциях с несубкатегоризованным бенефактивным аргументом, в каузативных конструкциях и в двух конструкциях с локативными аргументами: грузинской конструкции с локативной версией и русской конструкции с локативным аппликативом. Раздел 4.4. посвящён альтернативным потенциально возможным анализам репетитивов в конструкциях с дативными аргументами. В разделе 4.5. мы выскажем некоторые соображения о возможных предсказаниях, последствиях и проблемах выдвинутых нами анализов.

4.1. Основная гипотеза и необходимые допущения

Положения нашей основной гипотезы, которую мы хотели бы выдвинуть в настоящем исследовании, представлены в (421):

(421) **Основная гипотеза:**

1. Репетитивные морфемы имеют столько прочтений, сколько подсобытий предиката представлено в синтаксической репрезентации: если некоторому подсобытию соответствует некоторая составляющая, то, присоединившись к ней, репетитив будет вводить пресуппозицию о существовании предшествующего события, для которого истинен предикат, обозначаемый данной составляющей.

2. Собственно реститутивная интерпретация репетитивов невозможна в том случае, если у предиката клаузы нет результирующего состояния или если результирующее состояние предиката не представлено в синтаксической структуре.
3. Результирующие состояния предикатов могут вводиться в синтаксическую репрезентацию двумя путями:
   (i) С помощью построения в синтаксисе малой клаузы и отождествлении предиката, обозначаемого малой клаузой, с предикатом, истинным для результирующего состояния.
   (ii) С помощью введения в синтаксическую репрезентацию направительной предложной или послеложной группы в качестве комплемента лексического глагола, причем такой, что некоторая составляющая внутри этой группы обозначает предикат, соответствующий предикату, истинному для результирующего состояния.
4. Собственно реститутивная интерпретация возникает в случае модификации репетитивным модификатором малой клаузы или направительной предложной / послеложной группы, вводящими результирующее состояние предиката в синтаксическую репрезентацию.
5. Собственно репетитивная интерпретация возникает в случае модификации репетитивным модификатором глагольной группы со всеми её аргументами – VoiceP.
6. Языки различаются по тому, существует ли в их лексиконе нулевой предлог /послелог / нулевая вершина малой клаузы.
7. Дативные аргументы в языках мира можно разделить на два типа: те, которые лицензируются как аргументы предложной / послеложной вершины, и те, которые лицензируются глагольными лексическими / функциональными вершинами (V, Appl, возможно некоторыми другими).
8. При наличии в синтаксической репрезентации составляющей, соответствующей результирующему состоянию предиката, набор возможных интерпретаций репетитивных морфем в конструкциях с дативными аргументами определяется следующим образом:
   (i) *(Дативный аргумент в сфере действия репетитива)*: Если косвенное дополнение входит в составляющую, соответствующую результирующему состоянию предиката, то индивид, выраженный эти дополнением, будет интерпретироваться как участник результирующего состояния.

(ii) *(Дативный аргумент вне сферы действия репетитива)*: Если косвенное дополнение не входит в составляющую, соответствующую результирующему состоянию предиката, то индивид, выраженный этим дополнением, не будет интерпретироваться как участник результирующего состояния.

9. Возможность реститутивной интерпретации в дитранзитивных конструкциях зависит от наличия в синтаксической структуре направительной предложной / послеложной группы.
10. Зависимость набора возможных интерпретаций репетитивной морфемы в конструкциях с дативными аргументами от порядка слов в клаузе устроена таким же образом, как зависимость набора возможных интерпретаций этого репетитива от порядка слов в других конструкциях данного языка.

Данные положения будут подробно обсуждаться при представлении анализов конкретных конструкций с дативными аргументами (раздел 4.2.-4.3.).

Обсудим некоторые общие допущения, которые мы используем. Во-первых, в данном исследовании мы принимаем синтаксический подход к анализу репетитивно-реститутивной полисемии (см. раздел 1.3.). Мы полагаем, что репетитивные морфемы на самом деле имеют одно значение[47]: они вводят пресуппозицию о существовании некоторого события, предшествующего данному, для которого истинен предикат, выполняющийся для данного события ((43), повторенное ниже как (422)).

(422) $[[\text{AGAIN}]](P_{<s,t>})(e) =$ 1 iff $P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P(e')]$;
0 iff $\neg P(e) \& \exists e' [e' <_T e \& P(e')]$;
не определено в противном случае.

Различные прочтения репетитивных морфем (в том числе, репетитивное и реститутивное) возникают в связи с присоединением репетитивов к различным составляющим в лексической декомпозиции предикатов в синтаксисе.

Во-вторых, мы предполагаем структурный подход к анализу многозначности репетитивов в языках с предглагольными репетитивными наречиями (см. раздел 1.5.2.): мы считаем, что предглагольная позиция репетитивов в языках типа русского (*опять*) и грузинского (*isev*) обусловлена некоторым фонологическим требованием. Предглагольные репетитивные морфемы не отличаются от репетитивов в других языках тем, где они

[47] Возможно, за исключением тех случаев, когда репетитивные морфемы модифицируют именные группы (см. разделы 1.5.2. и 3.1.4.).

исходно присоединяются в структуре и могут интерпретироваться. Способность данных репетитивных морфем интерпретироваться в исходной позиции после передвижения обусловлена реконструкцией (вопрос о том, является ли это реконструкция синтаксической (происходящей на уровне логической формы) или семантической ((Cresti 1995), (Lechner 1998), (Sharvit 1999), среди прочих), мы оставляем открытым). При обсуждении анализов конструкций русского и грузинского языков мы будем представлять именно исходные структуры, позволяющие увидеть место присоединения репетитивных наречий до передвижения в предглагольную позицию. Вопросы линеаризации, возникающие для грузинского языка и в некоторых случаях для русского языка, мы в большинстве случаев оставим открытыми.

В-третьих, мы предполагаем, что предложные / послеложные группы со схожими значениями в разных языках могут различаться по тому, являются ли они аргументами или адъюнктами. Согласно пункту (3: iii) в (421) только аргументные предложные / послеложные группы (комплементы лексического глагола) могут вводить результирующее состояние в синтаксическую репрезентацию.

В-четвёртых, мы будем считать, что языки различаются по тому, могут ли они опускать некоторые аргументы, в частности, по тому, разрешают ли они опущение аргументной предложной / послеложной группы. Мы будем считать, что в русском подобное опущение возможно, в английском – нет. Для немецкого и грузинского языков мы оставим данный вопрос открытым.

В-пятых, мы предположим, что предложные / послеложные группы могут иметь спецификатор. В частности, в спецификаторе предложной / послеложной группы может находиться нулевое местоимение, контролируемое прямым дополнением в позиции спецификатора глагольной группы. Мы будем считать, что такая конфигурация с контролем возможна только в тех случаях, когда предложная / послеложная группа является комплементом глагола.

В-шестых, как мы уже оговорили в разделе 1.5.2., мы будем предполагать структуру с контролем в конфигурациях с малой клаузой во всех случаях кроме тех, когда предикат вторичной предикации претерпевает инкорпорацию в глагольную вершину. В последнем случае мы будет считать, что прямое дополнение зарождается внутри малой клаузы и в дальнейшем передвигается в более высокую позицию за её пределами для получения падежа.

В-седьмых, мы будем считать, что левосторонняя или правосторонняя адъюнкция – свойство конкретной репетитивной морфемы. Для немецкого и русского языков мы будем предполагать левостороннюю адъюнкцию репетитивных наречий. Для грузинского языка

мы предположим правостороннюю адъюнкцию, хотя данная позиция не является для нас принципиальной: так как мы не прорабатываем вопросы линеаризации в грузинском языке, левосторонняя адъюнкция грузинского *isev* точно так же совместима с выдвигаемыми нами анализами грузинских конструкций с дативными аргументами. Для английского языка мы будем предполагать возможность как правосторонней, так и левосторонней адъюнкции репетитивного наречия *again*. Левосторонняя адъюнкция *again* в английском языке, как кажется, более ограничена: она возможна не ко всем составляющим в декомпозиционной структуре (см. обсуждение в разделах 4.2., 4.5.). В данном исследовании мы не предложим объяснения данному факту.

Наконец, в завершение данного раздела сделаем следующее замечание. Так как целью данного исследования является объяснение набора возможных интерпретаций репетитивов в различных конструкциях с дативными аргументами, то в некоторых случаях мы не будем представлять однозначного решения о синтаксическом устройстве рассматриваемой конструкции с дативным аргументом, но предъявим некоторый набор синтаксических структур, совместимых с наблюдаемыми интерпретациями репетитивных морфем. Хотя исследование возможных прочтений репетитивов служит хорошей диагностикой для выявления того, как событийная структура предикатов отображается в синтаксическую репрезентацию, оно не способно полностью определить синтаксическую структуру некоторой конструкции.

4.2. Репетитивы в дитранзитивных конструкциях

В разделах 2.1.-2.4. мы представили возможные теоретические подходы к анализу дитранзитивных конструкций: анализ косвенного дополнения как аргумента глагола, анализ косвенного дополнения как аппликативного аргумента, анализ косвенного дополнения как аргумента малой клаузы и анализ косвенного дополнения как комплемента предложной группы с инкорпорированным предлогом. Существующие анализы, которые пытались объяснить наличие реститутивной интерпретации репетитивных наречий в дитранзитивных клаузах, предполагали либо наличие в клаузе с косвенным дополнением малой клаузы (Beck & Johnson 2004), либо представляли косвенное дополнение как аргумент аппликативной вершины (Bruening 2010b). В данном исследовании мы выдвинем альтернативную гипотезу: реститутивные интерпретации возникают в дитранзитивных конструкциях в том случае, если в них присутствует предложная группа. При этом в конструкциях с двумя дополнениями реститутивные прочтения возможны только в том случае, если в этой конструкции косвенное дополнение

является комплементом предложной группы с инкорпорированным предлогом (см. раздел 2.4.). Наша главная гипотеза о интерпретации репетитивов в дитранзитивных клаузах представлена в (423).

(423) **Гипотеза о возможных интерпретациях репетитивов в дитранзитивных конструкциях:**

Реститутивная интерпретация многозначного репетитива в дитразитивной конструкции возможна только в том случае, если в конструкции имеется аргументная предложная / послеложная группа, вводящая результирующее состояние предиката в синтаксическую репрезентацию.

Прежде чем обсудить, как наша гипотеза применима к дитранзитивным конструкциям в разных языках, напомним основное эмпирическое обобщение о межъязыковой вариативности в наборе возможных прочтений репетитивов в дитранзитивных клаузах (табл. 2. (333) в разделе 3.1.3., модифицированная как табл. 3. в (424)).

(424) **Табл. 3. Межъязыковое варьирование в интерпретации репетитивов в дитранзитивных конструкциях.**

Репетитив	**Конструкция**	**Язык**			
		Английский	Немецкий	Русский	Грузинский
AGAIN	DO + IO	REP, RES	REP, RES	REP, ***RES**	REP, ***RES**
	DO + PP	REP, RES		REP, RES	REP, ***RES**
BACK	DO + IO	RES	RES	RES	RES
	DO + PP	RES		RES	RES

В английском (для большинства носителей) и немецком языках многозначные репетитивные наречия (*again* и *wider* соответственно) могут иметь как репетитивную, так и реститутивную интерпретацию в конструкциях с двумя дополнениями, в то время как в русском и грузинском в конструкциях с двумя дополнениями возможно только репетитивное прочтение (для репетитивов *опять* и *isev* соответственно). В дитранзитивных конструкциях с прямым дополнением и предложной группой реститутивное прочтение возможно в английском и русском, но не в грузинском. Для

немецкого языка мы, к сожалению, не имеем данных по данному вопросу. Однозначные модификаторы типа *обратно* и *back* всегда имеют реститутивную интерпретацию, которая возникает как в конструкциях с двумя дополнениями, так и в дитранзитивных конструкциях с предложной группой.

Сначала представим наше объяснение тому, как возникают интерпретации многозначных репетитивов в разных языках. Наш анализ возможных интерпретаций английского *again* и немецкого *wieder* в дитранзитивных конструкциях представлен в (425):

(425) **AGAIN в дитранзитивах английского и немецкого:**

1. Косвенное дополнение всегда зарождается как комплемент предлога аргументной предложной группы (комплемент V).
2. Конструкция с двумя дополнениями: нулевой предлог претерпевает инкорпорацию в глагол, косвенное дополнение передвигается в более высокую позицию в пределах глагольной группы.
3. Конструкция с PP: предлог имеет фонологическое содержание (*to*) и не подвергается инкорпорации, косвенное дополнение остаётся в позиции его комплемента.
4. Репетитивные наречия (*again, wieder*) могут присоединяться (как минимум) к VoiceP (= репетитивная интерпретация) и к PP (= реститутивная интерпретация).

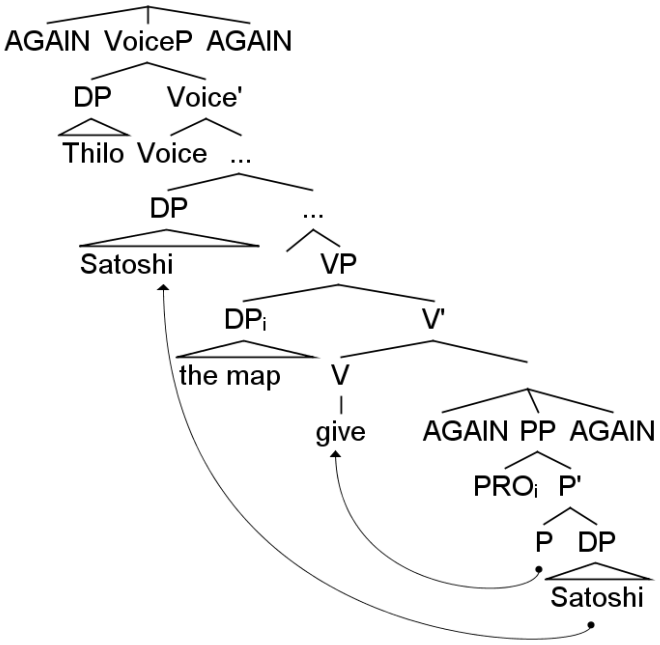
Рассмотрим деривации конкретных предложений, начиная с конструкции с двумя дополнениями ((6), повторённое ниже как (426), и (7), повторённое ниже как (427)).

(426) *Thilo gave Satoshi the map again.*
‘Тило опять отдал Сатоши карту.’
a. ‘Тило отдал Сатоши карту, и это происходило до этого.’ *REP*
b. ‘Тило отдал Сатоши карту, и у Сатоши была карта до этого.’ *RES*
(адаптировано из (Beck & Johnson 2004: 113))

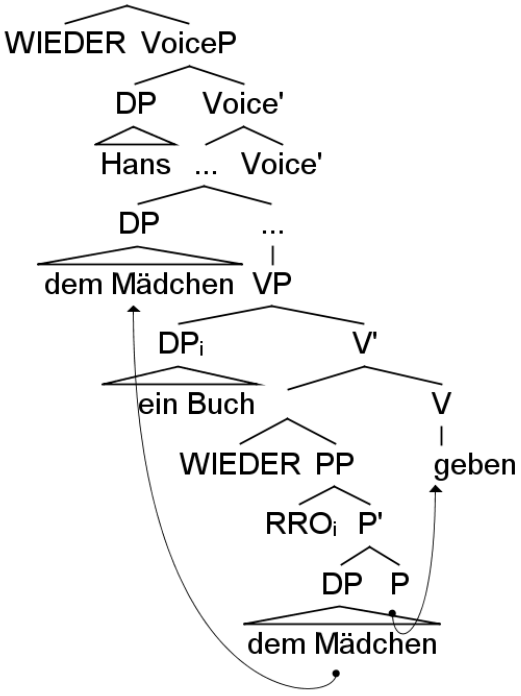
(427) *...dass Hans dem Mädchen ein Buch wieder gab.*
…что Ганс DEF.n.DAT девочка INDEF.n.ACC книга опять отдал
‘…что Ганс опять отдал девочке книгу.’
a. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и это происходило до этого.’ *REP*
b. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и у девочки была книга до этого.’ *RES*

Структуры для предложений в (426) и (427) представлены в (428) и (429) соответственно.

(428) Рис. 40. *Again* в конструкции с двумя дополнениями (426):



(429) Рис. 41. *Wieder* в конструкции с двумя дополнениями (427):



В конструкции с двумя дополнениями в английском и немецком мы предполагаем существование предложной группы[48], внутри которой зарождается косвенное дополнение (в позиции комплемента предлога). В спецификаторе предложной группы находится нулевое местоимение, контролируемое прямым дополнением в позиции спецификатора лексического глагола. Вершина предложной группы является нулевой и инкорпорируется в вершину глагола. Косвенное дополнение при этом передвигается в некоторую более высокую позицию. Реститутивная интерпретация возникает в том случае, когда репетитивное наречие присоединяется в PP. Репетитивная интерпретация возникает, когда репетитив модифицирует VoiceP. Когда английское *again* является правосторонним адъюнктом, оно всегда линейно оказывается в конце предложения, поэтому предложение получается неоднозначным между репетитивной и реститутивной интерпретацией. Когда мы видим *again* перед глаголом, это может соответствовать только его присоединению к глагольной группе со всеми аргументами (VoiceP), в связи с чем предложение получается однозначно репетитивным. Когда немецкое *wieder* отделено от глагола хотя бы одним аргументом, это свидетельствует о том, что *wieder* присоединился к VoiceP (при этом некоторые именные группы могли претерпеть дальнейшие передвижения), поэтому доступна оказывается только репетитивная интерпретация. Когда мы видим *wieder* непосредственно перед глаголом, предложение оказывается неоднозначным. С одной стороны, возможна деривация, при которой *wieder* присоединился к предложной группе: так как косвенное дополнение претерпело передвижение, то в предложной группе не осталось фонологически выраженного материала, и в связи с этим репетитивное наречие линейно предшествует глаголу. Эта деривация соответствует реститутивному прочтению. Возможна и другая деривация, при которой *wieder* присоединился к VoiceP, а весь фонологически выраженный материал глагольной группы передвинулся в более высокие синтаксические позиции. При этом *wieder* будет также линейно предшествовать глаголу, но иметь репетитивную интерпретацию.

Теперь рассмотрим конструкцию с прямым дополнением и предложной группой. К сожалению, мы не имеем данных о существовании такой конструкции в немецком языке, поэтому вынуждены ограничиться обсуждением *to*-PP конструкции в английском языке ((304), повторенное ниже как (430)).

[48] На рис. 41. мы для удобства изобразили в немецком языке послеложную группу. Направление ветвления вершины P не является для нас принципиальным, так как никак не влияет на наш анализ.

(430) *Thilo gave the map to Satoshi again.*

‘Тило опять отдал карту Сатоши.’

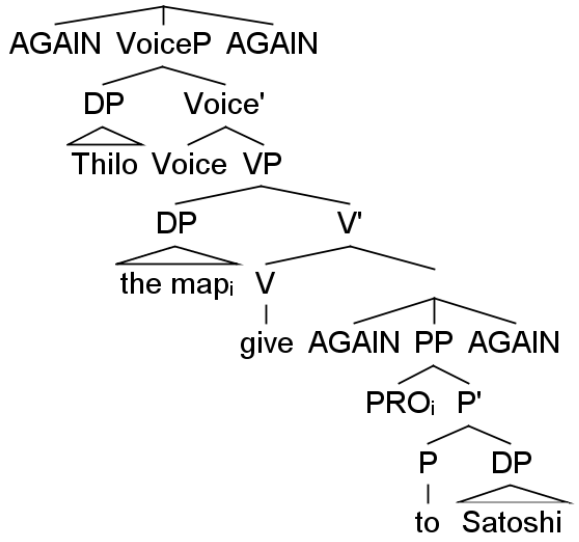
a. ‘Тило отдал карту Сатоши, и это происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Тило отдал карту Сатоши, и у Сатоши была карта до этого.’ *RES*

(адаптировано из (Beck & Johnson 2004: 116))

Структура для предложения в (430) представлена в (431).

(431) Рис. 42. *Again* в *to*-PP конструкции (430):



Вышепредставленная структура идентична структуре конструкции с двумя дополнениями (428) за исключением того, что вершина предложной группы имеет ненулевое выражение (*to*), не претерпевая инкорпорации в глагольную вершину, и косвенное дополнение не передвигается за пределы предложной группы. В данной структуре репетитивное наречие может присоединиться либо к предложной группе (PP), либо ко всей глагольной группе (VoiceP). В случае правосторонней адъюнкции *again* предложение оказывается неоднозначным, так как ему могут соответствовать две структуры: с присоединением *again* к PP (реститутивное прочтение) и с присоединением *again* к VoiceP (репетитивное прочтение). В том случае, если *again* расположен перед глаголом, возможна только репетитивная интерпретация, возникающая в связи с левосторонней адъюнкцией *again* к VoiceP. Отметим, что предложенная нами структура делает предсказание о возможности реститутивной интерпретации *again* при его левосторонней адъюнкции к PP и линейном предшествовании фонологически выраженного материала предложной группы (*again to*

Satoshi). Однако, как кажется, левосторонняя адъюнкция *again* к PP невозможна. Мы подробнее обсудим вопрос о левосторонней адъюнкции в разделе 4.5.

Теперь перейдём к рассмотрению дитранзитивных конструкций в русском и грузинском языках. Основные положения нашего анализа возможных прочтений русского *опять* и грузинского *isev* в дитранзитивных клаузах представлены в (432):

(432) **AGAIN в дитранзитивах русского и грузинского:**

1. Дативные дополнения в грузинском и русском никогда не зарождаются как комплементы предлога аргументной предложной группы.
2. Направительные предложные группы, встречающиеся в дитранзитивных конструкциях, в русском языке являются аргументами (комплементы лексического глагола), а в грузинском – адъюнктами.
3. Конструкция с двумя дополнениями (русский, грузинский): результирующее состояние предиката не представлено в синтаксической структуре (нет малой клаузы /аргументной PP) → невозможность реститутивного прочтения.
4. Конструкция с послеложной группой в грузинском: так как PP – адъюнкт, то она не вводит результирующее состояние предиката в синтаксическую структуру → невозможность реститутивного прочтения.
5. Конструкция с предложной группой в русском: так как PP – аргумент, то она вводит результирующее состояние предиката в синтаксическую структуру → реститутивная интерпретация возможна.

Наблюдения над возможными интерпретациями репетитивных наречий в дитранзитивных структурах русского и грузинского не позволяют нам предложить однозначного анализа для конструкций с двумя дополнениями в данных языках. Однако отметим, что наши наблюдения совместимы с анализом, при котором косвенное дополнение является аргументом глагола (раздел 2.1.), и с анализом, при котором косвенное дополнение вводится аппликативной проекцией (раздел 2.2.), но не с такими анализами, при которых косвенное дополнение является аргументом малой клаузы (раздел 2.3.) или вершины предложной группы (раздел 2.4.). Может оказаться, что предложениям с двумя дополнениями в русском и грузинском на самом деле соответствует более одной структуры (см., например, обсуждения взаимного структурного расположения двух дополнений в (Boneh & Nash, to appear) для русского и в (Nash 2016)) для грузинского), и репетитивы не могут служить диагностикой для их различения. Таким образом, для русского предложения в (8), повторенного ниже как (433), мы можем представить себе

один из анализов в (435)-(437), а для грузинского предложения в (9), повторенного ниже как (434), один из анализов в (438)-(440).

(433) *Маша опять отдала Васе книгу.*

a. ‘Маша отдала Васе книгу, и это происходило до этого.’ *REP*

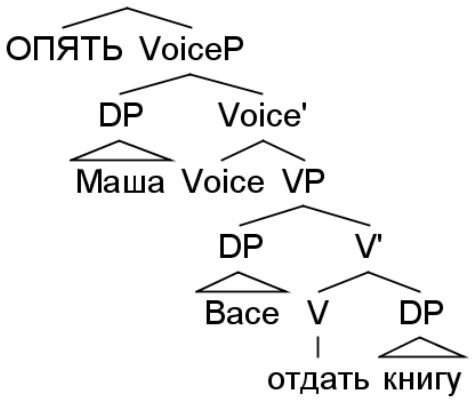
b. *‘Маша отдала Васе книгу, и у Васи была книга до этого.’ **RES*

(434) *dγes* *Levan-ma* *šota-s* *ċigni* *isev* *misca*
сегодня Леван-ERG Шота-DAT книга.NOM опять 3SG.отдать.AOR.3SG
‘Сегодня Леван опять отдал Шоте книгу.’

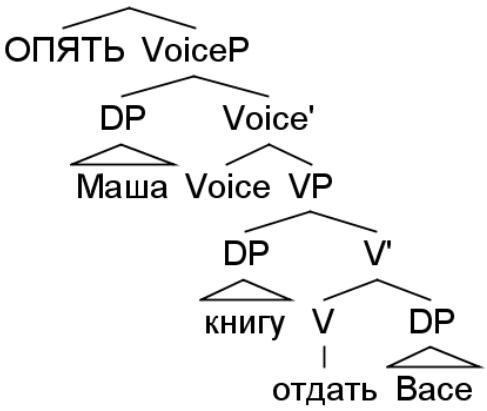
a. ‘Сегодня Леван отдал Шоте книгу, и это происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Сегодня Леван отдал Шоте книгу, и у Шоты была книга до этого.’ **RES*

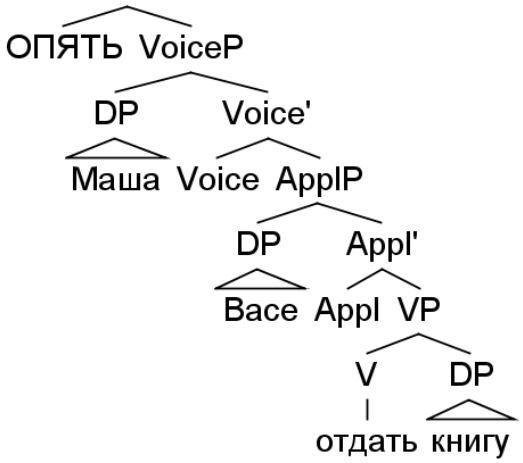
(435) Рис. 43. *Опять* в конструкции с двумя дополнениями при анализе косвенного дополнения как аргумента глагола, DAT > ACC (433):



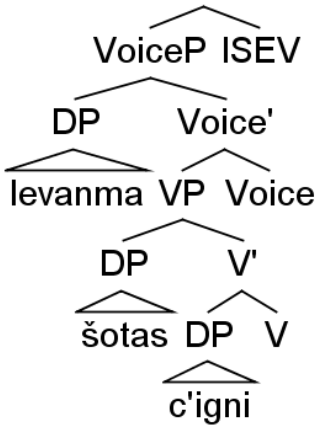
(436) Рис. 44. *Опять* в конструкции с двумя дополнениями при анализе косвенного дополнения как аргумента глагола, ACC > DAT (433):



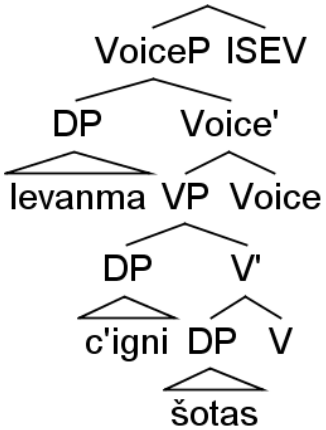
(437) Рис. 45. *Опять* в конструкции с двумя дополнениями при аппликативном анализе (433):



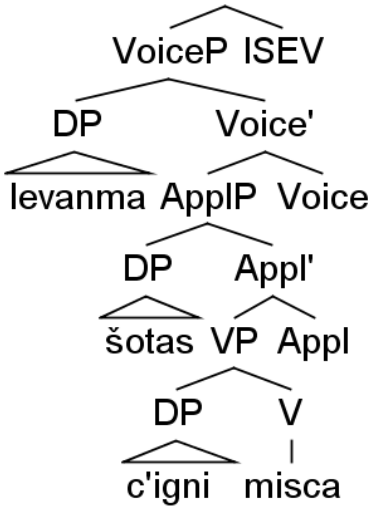
(438) Рис. 46. *Isev* в конструкции с двумя дополнениями при анализе косвенного дополнения как аргумента глагола, DAT > ACC (434):



(439) Рис. 47. *Isev* в конструкции с двумя дополнениями при анализе косвенного дополнения как аргумента глагола, ACC > DAT (434):



(440) Рис. 48. *Isev* в конструкции с двумя дополнениями при аппликативном анализе (434):



Ключевым является то, что ни один из анализов в (435)-(440) не допускает реститутивной интерпретации репетитивных наречий: ни одна из структур не содержит такой составляющей, которая бы соответствовала предикату, который истинен для результирующего состояния. Соответственно, репетитивным наречиям *опять* и *isev* не к чему присоединиться для получения реститутивного прочтения.

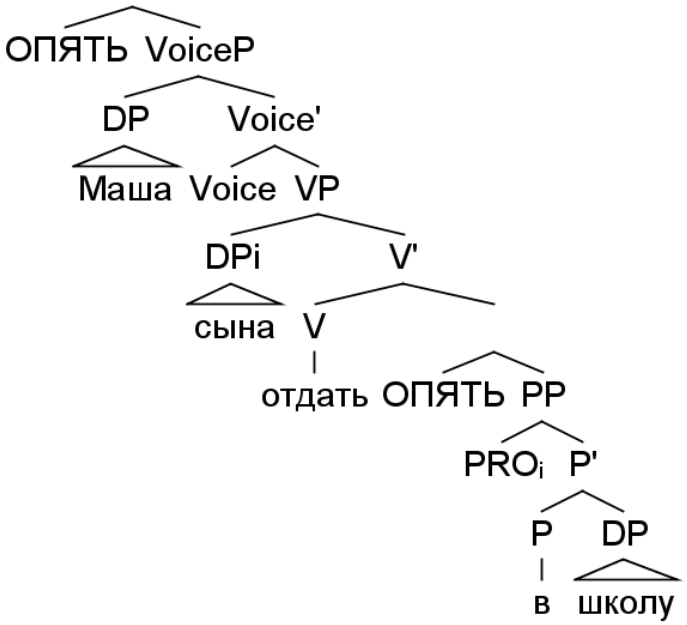
Выдвинутая нами гипотеза о том, что направительные предложные группы в дитранзитивных конструкциях русского и грузинского имеют разный статус, позволяет нам объяснить то, почему появление предложной группы в конструкции с дитранзитивным предикатом делает реститутивное прочтение доступным в русском, но не в грузинском (раздел 3.1.3.). Для дитранзитивных предложений с предложными группами в русском языке ((316), повторенное ниже как (441)) мы предлагаем следующую структуру (442).

(441) *Маша опять отдала сына **в школу.***

a. ‘Маша отдала сына в школу, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Маша отдала сына в школу, и сын уже был в школе до этого.’ *RES*

(442) Рис. 49. *Опять* в дитранзитивной конструкции с предложной группой (441):



Предложная группа в этой структуре является аргументом лексического глагола и присоединяется как его комплемент. В спецификаторе предложной группы находится нулевое местоимение, контролируемое прямым дополнением в позиции спецификатора лексического глагола. Так как мы предполагаем, что аргументные направительные предложные группы способны вводить результирующие состояния в синтаксическую репрезентацию (пункт (3: ii) в (421)), то в (442) имеются две составляющие, к которым репетитивное наречие опять может присоединиться: PP и VoiceP. При присоединении *опять* к предложной группе возникает реститутивная интерпретация, при присоединении к VoiceP – репетитивная.

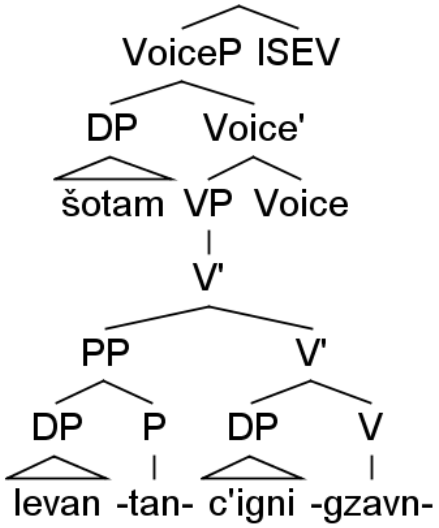
В грузинском языке, в отличие от русского, направительные предложные группы, которые мы встречаем в дитранзитивных клаузах, являются адъюнктами внутри глагольной группы. Соответственно, для предложений типа (329), повторенного ниже как (443), мы предлагаем структуру в (444).

(443) *šota-m* ***levan-tan*** *ċigni* *isev* *ga-a-gzavn-a* *329*
Шота-ERG Леван.DAT-к книга.NOM опять PVB-pv-отправить-AOR.3SG
‘Шота опять отправил книгу к Левану.’

a. ‘Шота отправил книгу к Левану, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Шота отправил книгу к Левану, и у Левана уже была эта книга до этого.’ **RES*

(444) Рис. 50. *Isev* в дитранзитивной конструкции с послеложной группой (443):



Как можно увидеть из (444), добавление послеложной группы в дитранзитивную клаузу не добавляет в синтаксическую репрезентацию такую составляющую, которая бы обозначала предикат, истинный для результирующего состояния. Соответственно репетитивное наречие *isev* не может присоединиться в данном случае к PP и получить реститутивное прочтение. Единственная составляющая в данной структуре, к которой репетитив может присоединиться – это VoiceP, модификация которой приводит к репетитивной интерпретации.

Перейдём к обсуждению однозначных модификаторов в дитранзитивных конструкциях. Как мы обсудили в разделе 1.5.3., возможны как минимум два анализа таких репетитивных морфем. С одной стороны, можно предположить, что такие модификаторы всегда присоединяются к глагольной группе и модифицируют целевое состояние, представленное в её семантической репрезентации. С другой стороны, реститутивные модификаторы можно проанализировать как такие, которые имеют ту же семантику, что и многозначные репетитивы, но имеют селективное ограничение: они присоединяются только к предложным группам.

Как кажется, для разных языков разные анализы являются подходящими. Для грузинского языка, в котором предложные группы в дитранзитивных конструкциях не являются аргументами и не способны вводить результирующие состояния в синтаксическую репрезентацию, кажется более привлекательным семантический анализ (Tatevosov 2016), при котором однозначный репетитив модифицирует глагольную группу и находит в её интерпретации целевое состояние. Для английского языка более правдоподобным представляется синтаксический анализ, при котором реститутивное *back* присоединяется к предложным группам и модифицирует вводимое ими результирующее

состояние (McIntyre 2011). Свидетельством того, что *back* не является глагольным модификатором служат примеры типа (445), в которых опущение предложной группы приводит к неграмматичности предложения:

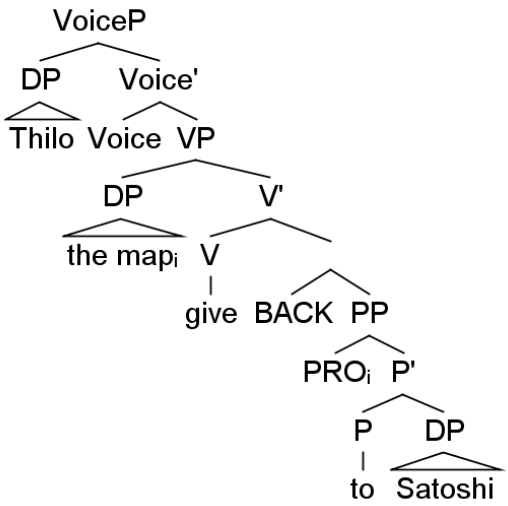
(445) *Basil found the arms of Venus and glued them back *(onto the statue).*
‘Базиль нашёл руки Венеры и приклеил их обратно к статуе.’
a. *‘…Базиль приклеил руки к статуе, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. ‘…Базиль приклеил руки к статуе, и руки уже были на статуе до этого.’ *RES*
(адаптировано из (McIntyre 2011): 4)

Если бы *back* модифицировало глагольную группу, мы бы не ожидали, что наличие / отсутствие предложной группы повлияет на возможность этого модификатора в предложении. Ср., например, возможность опущения предложной группы в аналогичном предложении русского языка:

(446) *Вася нашёл руки Венеры и приклеил их обратно (к статуе).*
a. *‘…Вася приклеил руки к статуе, и это уже происходило до этого.’ *REP*
b. ‘…Вася приклеил руки к статуе, и руки уже были на статуе до этого.’ *RES*

При анализе *back* как модификатора предложной группы, предложения типа (447) и (449) получают структуры в (448) и (450) и соответственно.

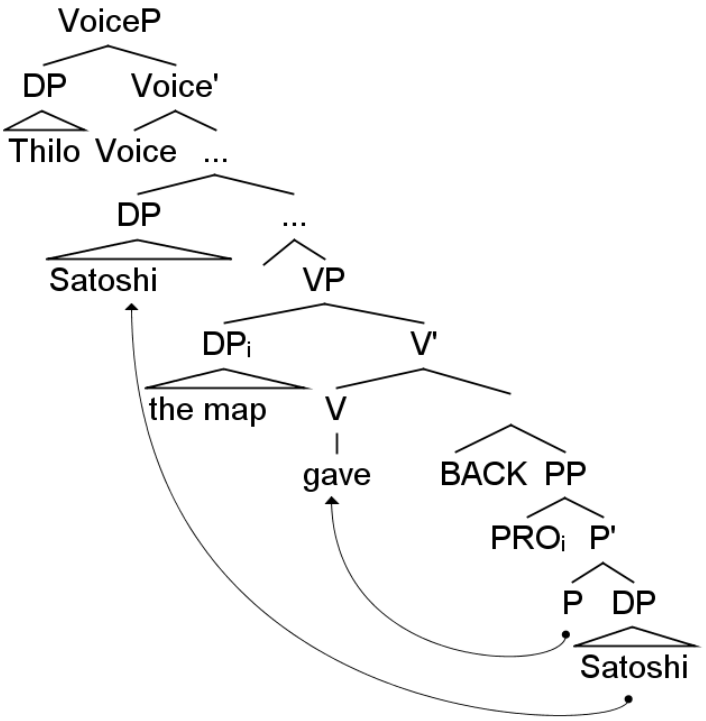
(447) *Thilo gave the map back to Satoshi.*
‘Тило отдал карту обратно Сатоши.’
(448) Рис. 51. *Back* как модификатор PP в *to*-PP конструкции (447):



(449) *Thilo gave Satoshi the map back.*

‘Тило отдал Сатоши карту обратно.’

(450) Рис. 52. *Back* как модификатор PP в конструкции с двумя дополнениями (449):



Заметим, что если *back* является модификатором предложных групп, то наш анализ английской конструкции с двумя дополнениями как содержащей предложную группу с инкорпорированным предлогом получает дополнительное подтверждение: несмотря на то, что косвенное дополнение передвинулось в более высокую позицию, и в предложной группе таким образом не осталось фонологически выраженного материала, возможность употребления модификатора *back* в конструкции с двумя дополнениями свидетельствует о том, что предложная группа в синтаксической структуре присутствует. Также отметим тот факт, что *back* употребляется в данном случае в конце предложения, именно там, где мы бы ожидали его появления, если бы он модифицировал предложную группу.

Данные русского языка, как кажется, совместимы с обоими анализами (см. подробное обсуждение модификатора *обратно* в разделе 1.5.3.). При семантическом подходе к *обратно* (Tatevosov 2016) реститутивный модификатор присоединяется к глагольной группе (VoiceP) как в дитранзитивной конструкции с предложной группой (451), так и в конструкции с двумя дополнениями (452), в обоих случаях модифицируя целевое результирующее состояние, представленное в семантике предиката, но не

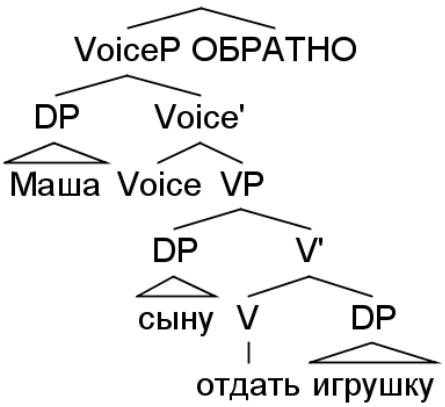
представленное в синтаксической репрезентации. Структуры для (451) и (452) при семантическом подходе к *обратно* представлены в (453) и (454) соответственно.

(451) Конструкция с предложной группой:
Маша отдала сына обратно (в школу).

(452) Конструкция с двумя дополнениями:
Маша отдала сыну игрушку обратно.

(453) Рис. 53. *Обратно* как модификатор VoiceP в конструкции с PP (451):

(454) Рис. 54. *Обратно* как модификатор VoiceP в конструкции с двумя дополнениями (452):

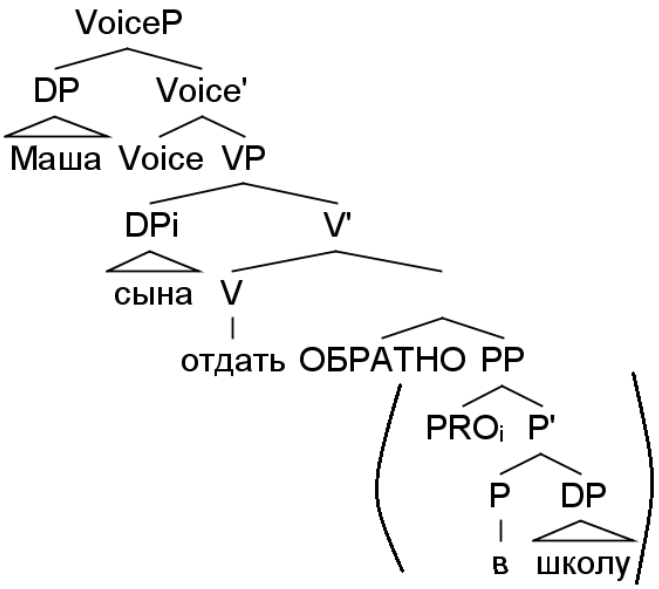


Отметим, что при семантическом подходе приходится предположить, что *обратно* является правосторонним адъюнктом, чтобы объяснить наблюдаемый порядок слов. Однако даже при предположении о правосторонней адъюнкции семантический подход не может предложить объяснения тому, почему *обратно* может предшествовать

фонологически выраженной предложной группе (451) без дополнительного допущения, что иногда *обратно* выступает модификатором предложных групп (см. раздел 1.5.3.).

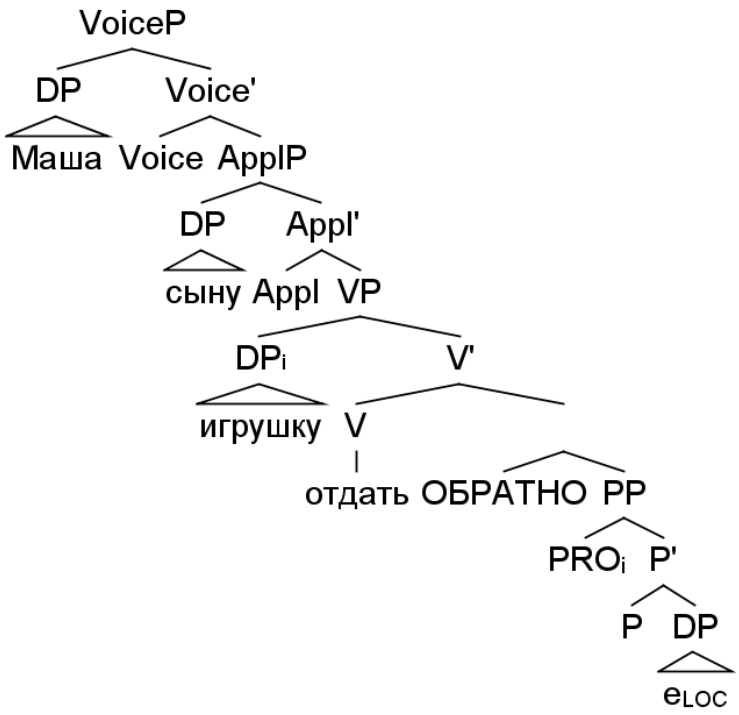
При синтаксическом подходе к *обратно* данный модификатор присоединяется в предложениях типа (451) к направительной предложной группе (455), которая, как мы независимо видели ранее (см., например, (441)), вводит результирующее состояние в синтаксическую репрезентацию в дитранзитивных клаузах русского языка. Таким образом, имея точно такую же семантику как *опять, обратно* может иметь исключительно реститутивное прочтение из-за своих селективных ограничений на присоединение в синтаксисе (обратно – модификатор PP, но не VoiceP).

(455) Рис. 55. *Обратно* как модификатор PP в конструкции с PP (451):



В конструкциях с двумя дополнениями типа (452) синтаксический подход предполагает существование непроизносимой (опущенной) предложной группы, которую *обратно* модифицирует (456). Дативный аргумент при этом может, например, вводиться аппликативной вершиной как в (456) или выступать локативным аппликативом (см. разделы 3.4. и 4.3.).

(456) Рис. 56. *Обратно* как модификатор PP в конструкции с двумя дополнениями (452):



Таким образом, оба анализа *обратно* способны объяснить возможность его употребления в дитранзитивных конструкциях русского языка. При семантическом подходе реститутивный модификатор возможен в силу того, что в событийной структуре дитранзитивных предикатов имеется результирующее состояние. При синтаксическом подходе реститутивный модификатор возможен в связи с тем, что направительные предложные группы в дитранзитивных клаузах русского языка вводят результирующее состояние предиката в синтаксическую репрезентацию.

Подводя итог данного раздела, ещё раз сформулируем наше объяснение наблюдаемого межъязыкового варьирования в допустимости реститутивного прочтения в дитранзитивных конструкциях. Реститутивная интерпретация неоднозначных репетитивов возможна в дитранзитивных клаузах только в том случае, когда в структуре имеется составляющая, обозначающая предикат, который истинен для результирующего состояния. Мы утверждаем, что такой составляющей в дитранзитивных конструкциях всегда является направительная предложная группа, которая является аргументом лексического глагола и выступает его комплементом.

4.3. Репетитивы в других конструкциях с дативными аргументами

В данном разделе мы представим наш анализ набора возможных интерпретаций репетитивных наречий в конструкциях с несубкатегоризованными бенефактивными аргументами (на материале английского, русского и грузинского), в каузативных

конструкциях (на материале английского и грузинского) и в конструкциях с локативными аргументами (русская конструкция с локативным аппликативом и грузинская конструкция с локативной версией).

Наш анализ конструкций с бенефактивными аргументами изложен в (457):

(457) **AGAIN в конструкциях с бенефактивными аргументами:**

1. Репетитивы могут иметь реститутивную интерпретацию в конструкциях с бенефактивными аргументами в том случае, если предикаты данных клауз претерпевают лексическую декомпозицию в синтаксисе, и в их структуре имеются составляющие, обозначающие предикат, истинный для результирующего состояния.
2. Бенефактивные аргументы находятся вне сферы действия реститутивных модификаторов: Индивиды, обозначаемые бенефактивными аргументами, не являются участниками результирующих состояний предикатов и присоединяются в структуре выше, чем та составляющая, которая соответствует результирующему состоянию.
3. Реститутивная интерпретация в конструкциях с бенефактивными аргументами возникает в том случае, если репетитив модифицирует составляющую, соответствующую результирующему стативному подсобытию предиката (малую клаузу).
4. Репетитивная интерпретация в конструкциях с бенефактивными аргументами возникает тогда, когда репетитивная морфема модифицирует полную глагольную группу (VoiceP).

Рассмотрим сначала конструкцию с бенефактивным аргументом в английском языке. Как мы видели в (365)-(366), повторенных ниже как (458)-(459), в том случае, когда репетитивное наречие находится в конце предложения, возможны как репетитивная, так и реститутивная интерпретация, когда *again* предшествует глаголу – только репетитивная.

(458) *John dried the towel for Mary* ***again.***

‘Джон опять высушил полотенце для Мэри.’

a. ‘Джон высушил полотенце для Мэри, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Джон высушил полотенце для Мэри, и полотенце уже было сухим до этого.’*RES*

(459) *John **again** dried the towel for Mary.*

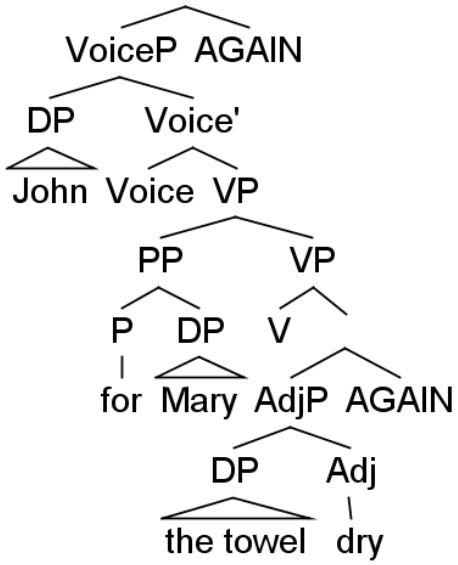
‘Джон опять высушил полотенце для Мэри.’

a. ‘Джон высушил полотенце для Мэри, и это уже происходило до этого.’ *REP*

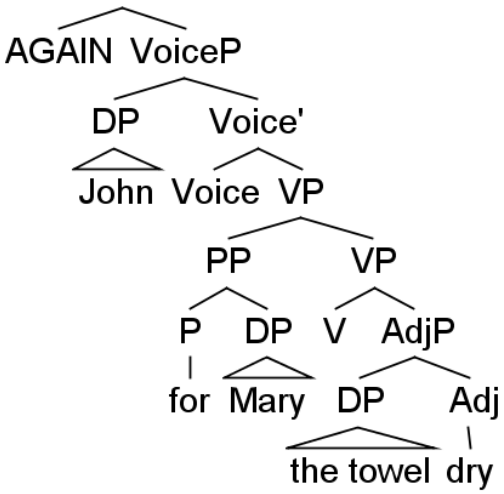
b. *‘Джон высушил полотенце для Мэри, и полотенце уже было сухим до этого.’ **RES*

Мы предполагаем, что бенефактивная предложная группа *for Mary* в (458)-(459) является адъюнктом внутри глагольной группы, и присоединяется соответственно выше, чем малая клауза со вторичным предикатом в виде прилагательного. Мы предлагаем структуры (460) и (461) для (458) и (459) соответственно.

(460) Рис. 57. Again в конце клаузы в конструкции с бенефактивным аргументом (458):



(461) Рис. 58. Предглагольный *again* в конструкции с бенефактивным аргументом (459):



Так как предикат рассматриваемых предложений – лексическое свершение, то он претерпевает лексическую декомпозицию в синтаксисе: глагол обозначает деятельность, производимую агенсом, которая каузирует состояние, которое состоит в том, что полотенце сухое. Данное результирующее состояние мы представляем как малую клаузу в виде группы прилагательного, содержащую именную группу ‘полотенце’ и прилагательное ‘сухой’. Прилагательное впоследствии претерпевает инкорпорацию в глагол. В (460) представлена правосторонняя адъюнкция репетитивного наречия, при которой оно линейно оказывается расположено в конце предложения. Как можно заметить, при правосторонней адъюнкции *again* может присоединиться как к VoiceP, что приведет к возникновению репетитивного прочтения, так и к AdjP, что приведет к возникновению реститутивного прочтения. При левосторонней адъюнкции в (461) *again* присоединяется к VoiceP и имеет репетитивную интерпретацию. Если прямое дополнение претерпевает некоторое передвижение из малой клаузы в связи с необходимостью получить падеж, то, как можно заметить, левосторонняя адъюнкция репетитивного наречия к AdjP приведет к линейному расположению *again* в конце предложения. Так как бенефактивный аргумент расположен выше, чем AdjP, но ниже, чем VoiceP, то он попадает в сферу действия репетитивного наречия при репетитивной, но не при реститутивной интерпретации.

Перейдём к рассмотрению конструкций с бенефактивными дополнениями в русском языке. Как мы видели в разделе 3.2., в русском языке в данных конструкциях возможны как репетитивная, так и реститутивная интерпретация, если дативный аргумент предшествует репетитивному наречию, и только репетитивная интерпретация, если он линейно расположен в некоторой позиции после репетитива ((367)-(368), повторенные ниже как (462)-(463)).

(462) *Петя **Маше** опять открыл дверь.*

a. ‘Петя открыл Маше дверь, и Петя уже открывал дверь до этого.’ *REP*

b. ‘Петя открыл Маше дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ *RES*

(463) *Петя опять открыл **Маше** дверь / дверь **Маше.***

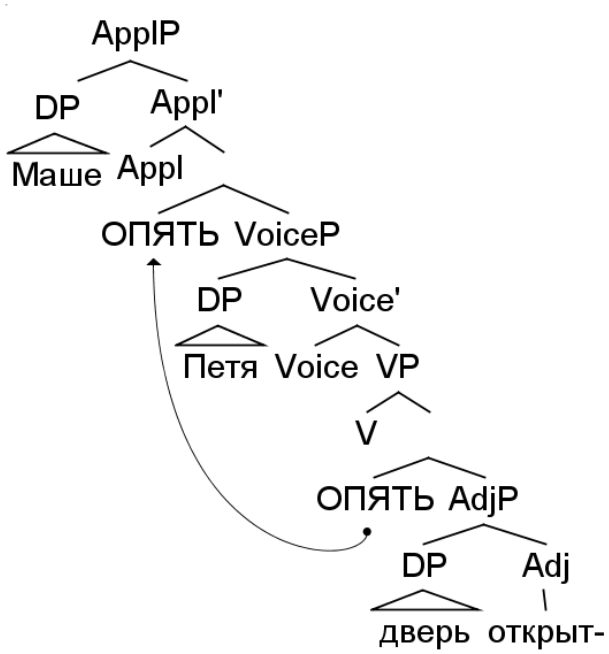
a. ‘Петя открыл Маше дверь, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. *‘Петя открыл Маше дверь, и дверь уже была открыта до этого.’ **RES*

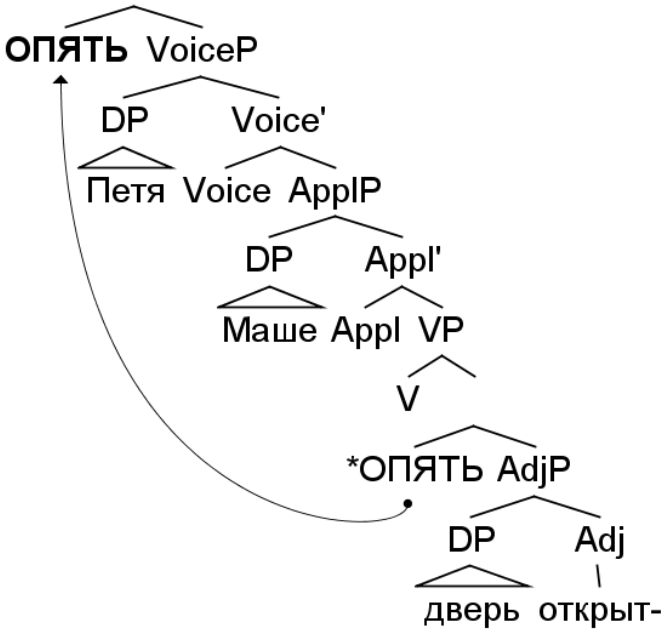
При возникновении реститутивной интерпретации (462) индивид, выраженный дативным дополнением, не является участником результирующего состояния, которое

модифицирует репетитивное наречие. Репетитивные интерпретации (462) и (463) отличны: в (462) дативное дополнение не входит в сферу действия опять (опять произошло событие ‘Петя открыл дверь’, в то время как в (463) – входит (опять произошло событие ‘Петя открыл Маше дверь’). Для предложений в (462) и (463) мы предлагаем структуры в (464) и (465) соответственно.

(464) Рис. 60. *Опять* в конструкции с предшествующим ему бенефактивным дативом (462):



(465) Рис. 60. *Опять* в конструкции расположенным после него бенефактивным дативом (463):

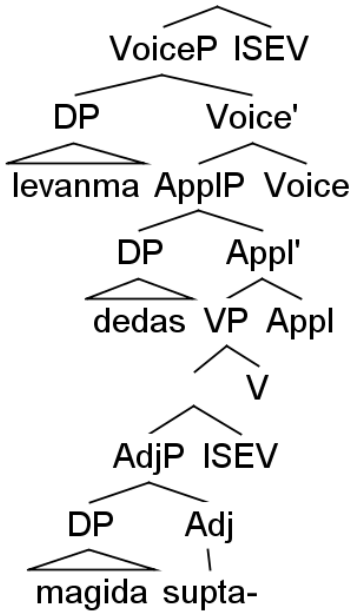


Мы предполагаем для лексических свершений русского языка (а также грузинского – см. ниже) типа ‘открыть’ такую же декомпозицию, как и для предикатов английского языка типа вышерассмотренного ‘dry’ или ‘open’, с репрезентацией результирующего состояния в виде AdjP, содержащей соединение прямого дополнения с прилагательным. Мы также считаем, что бенефактивные дополнения в русском языке присоединяются с помощью аппликативной вершины к структуре, не меньшей чем VP. В структуре, представленной в (464), несубкатегоризованный аппликативный аргумент присоединяется к VoiceP, в (465) – к группе лексического глагола. Напомним, что в разделе 3.2. мы решили, что наблюдаемая в русском языке зависимость между порядком слов и набором возможных интерпретаций связана с ограничением на передвижение одного адъюнкта поверх другого – Принципа Относительной Минимальности (Relativized Minimality, (Rizzi 1990)). В (464) Принцип Относительной Минимальности не нарушается: дативное дополнение вводится аппликативной вершиной адъюнктом к VoiceP, а репетитивное наречие может исходно порождаться либо адъюнктом к AdjP, либо таким адъюнктом к VoiceP, что оно ниже дативного аргумента. Соответственно, вне зависимости от того, передвигается ли *опять* в позицию перед VoiceP (в случае реститутивного прочтения) или исходно порождается в ней (репетитивное прочтение), репетитивному наречию не приходится пересекать другой адъюнкт – дативное дополнение. В (465) Принцип Относительной Минимальности не нарушается только в том случае, если *опять* присоединяется к VoiceP и находится выше дативного аргумента, присоединившегося с помощью аппликативной вершины адъюнктом к VP. Если же *опять* присоединится в (465) к малой клаузе, то его передвижение в предглагольную позицию, необходимое по фонологическим причинам, будет пересекать дативный адъюнкт и тем самым нарушать Принцип Относительной Минимальности. Именно поэтому в предложении (463) мы не наблюдаем реститутивной интерпретации. Как можно заметить, представленные структуры верно предсказывают то, будет ли бенефактивный аргумент находиться в сфере действия *опять*. В (462) дативное дополнение, присоединяющееся выше глагольной группы, находится вне сферы действия репетитивного наречия и при репетитивной, и при реститутивной интерпретации. В (463) дативное дополнение, присоединяющееся между проекциями VoiceP и AdjP, входит в сферу действия *опять* при (единственно возможном) репетитивном прочтении. Таким образом, набор возможных интерпретаций *опять* в русских конструкциях с бенефактивными дативами позволяет сделать вывод о том, что бенефактивные аргументы в русском могут присоединяться на разной высоте в синтаксической структуре: и внутри глагольной группы (к VP), и вне неё (к VoiceP).

Наконец, рассмотрим конструкцию с бенефактивным дативным дополнением в грузинском языке. Мы предполагаем, что грузинские лексические свершения претерпевают такую же декомпозицию в синтаксисе, как вышерассмотренные предикаты английского и русского языка. При реститутивной интерпретации предложений с бенефактивными дативами в грузинском языке ((364), повторенное ниже как (466)) дативное дополнение не входит в сферу действия результирующего состояния, выделяемого репетитивным наречием, а при репетитивной интерпретации – входит. Это заставляет нас предположить для предложений типа (466) структуру в (467).

(466) *levan-ma* *deda-s* *magida* *isev* *ga-u-supt-av-a*
Леван-ERG мама-DAT стол.NOM опять PVB-pv-чистить-TS-AOR.3SG
'Леван опять очистил маме стол.'
a. 'Леван очистил маме стол, и это уже происходило до этого.' *REP*
b. 'Леван очистил маме стол, и стол уже был чистым до этого.' *RES*

(467) Рис. 61. *Isev* в конструкции с бенефактивным дативом (466):



При присоединении *isev* к AdjP возникает реститутивная интерпретация (повторяется состояние 'стол чистый'), при присоединении к VoiceP появляется репетитивное прочтение (повторяется событие 'Леван очистил маме стол').

Перейдём к рассмотрению каузативных конструкций. Основные положения нашего анализа набора возможных интерпретаций репетитивов в данных конструкциях представлены в (468):

(468) **AGAIN в каузативных конструкциях:**

1. Репетитивы могут иметь собственно реститутивную интерпретацию в каузативных конструкциях только в том случае, если исходный (некаузативизированный) предикат данных клауз претерпевает лексическую декомпозицию в синтаксисе (например, является лексическим свершением).
2. Репетитивы могут потенциально иметь как минимум две интерпретации в каузативных конструкциях (при исходных предикатах, которые являются состояниями или деятельностями), но могут иметь и три интерпретации (например, при лексических свершениях).
3. В том случае, если исходный предикат является состоянием или деятельностью, косвенное дополнение всегда входит в сферу действия репетитивного наречия.
4. В том случае, если исходный предикат (например, лексическое свершение) претерпевает лексическую декомпозицию в синтаксисе, то косвенное дополнение присоединяется выше той составляющей, которая соответствует результирующему состоянию предиката, но ниже каузативного подсобытия, и, соответственно, не входит в сферу действия репетитива при собственно реститутивной интерпретации, но входит в сферу действия репетитива при «высокой» и «промежуточной» интерпретациях.

Сначала представим наш анализ набора возможных интерпретаций репетитивов в тех каузативных конструкциях, в которых исходный (некаузативизированный) предикат является состоянием или деятельностью и не имеет результирующего состояния. Мы предлагаем структуры в (473)-(476) для предложений в (374)-(377) (повторенных ниже как (469)-(472)) соответственно.

(469) *John made Mary happy again.*

‘Джон опять осчастливил Мэри.’

a. ‘Джон осчастливил Мэри, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Джон осчастливил Мэри, и Мэри была счастлива до этого.’

(470) *deda-m* *bavšvi* *isev* *a-tamaš-a*

мама-ERG ребёнок.NOM опять pv-играть-AOR.3SG

‘Мама опять заставила ребёнка играть.’

a. ‘Мама заставила ребёнка играть, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Мама заставила ребёнка играть, и ребёнок уже играл до этого.’

(471) *John made Mary drink whiskey again.*

‘Джон опять заставил Мэри пить виски.’

a. ‘Джон заставил Мэри пить виски, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Джон заставил Мэри пить виски, и Мэри уже пила виски до этого.’

(472) *šota-m* *levan-s* *ɣvino* *isev* *da-a-lev-in-a*

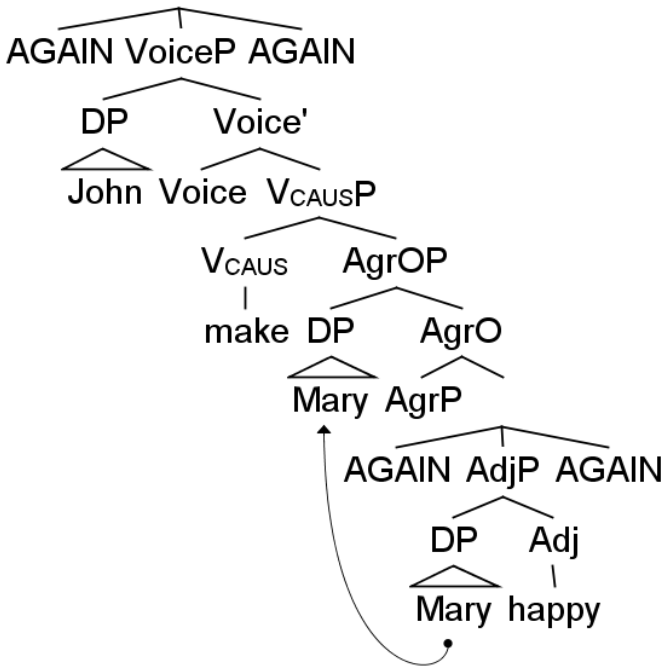
Шота-ERG Леван-DAT вино.NOM опять PVB-pv-пить-TS-AOR.3SG

‘Шота опять заставил Левана пить вино.’

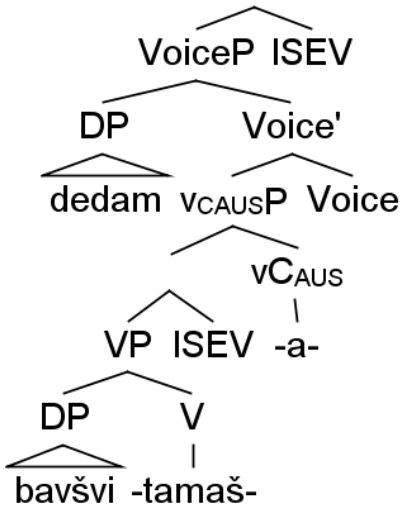
a. ‘Шота заставил Левана пить вино, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Шота заставил Левана пить вино, и Леван уже пил вино до этого.’

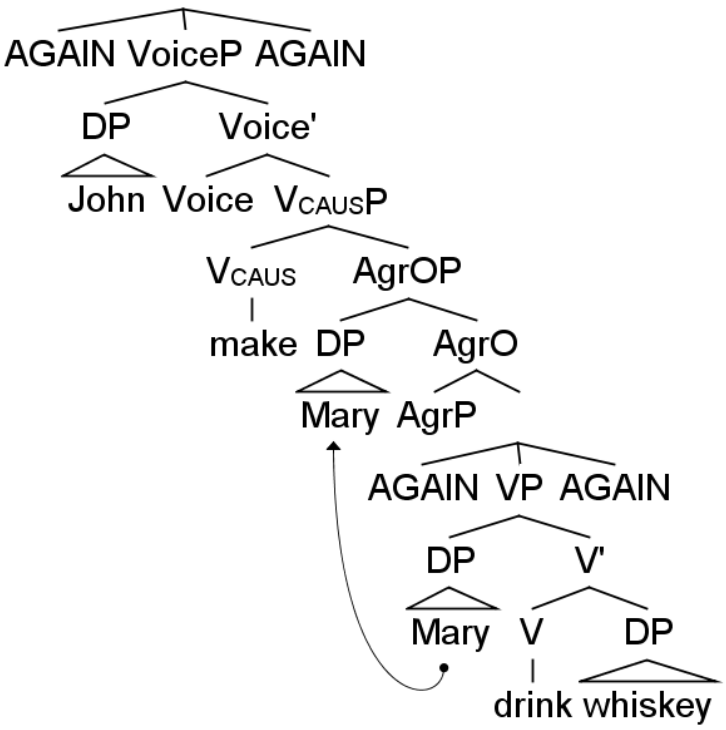
(473) Рис. 62. *Again* в каузативной конструкции с исходным предикатом-состоянием (469):



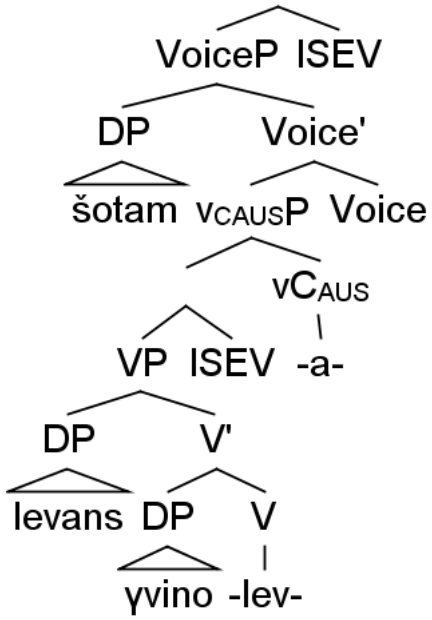
(474) Рис. 63. *Isev* в каузативной конструкции с исходным предикатом-деятельностью с одним аргументом (470):



(475) Рис. 64. *Again* в каузативной конструкции с исходным предикатом-деятельностью в (471):



(476) Рис. 65. *Isev* в каузативной конструкции с исходным предикатом-деятельностью с двумя аргументами (472):



Мы предполагаем, что как в английских, так и в грузинских каузативных конструкциях имеется каузативный глагол (V_{CAUS}/v_{CAUS}); в английской конструкции он выражается лексическим глаголом *make* (‘делать’), в то время как в грузинском аналитическом каузативе – предкорневым гласным *-a-*. В том случае, если исходный предикат – деятельность, то каузативный глагол берет VP своим комлементом (470)-(472). Если исходный предикат является состоянием, то каузативный глагол берёт своим аргументом представляющую собой малую клаузу AdjP, внутри которой соединяется носитель состояния и прилагательное, специфицирующее это состояние (469). В английском языке одна из именных групп, обозначающая участника каузируемого события (единственная ИГ внутри AdjP при исходных предикатах-состояниях типа (469), внешний аргумент внутри VP при исходных предикатах-деятельностях типа (471)) претерпевает обязательное передвижение за падежом в некоторую позицию (обозначенную нами как Spec, AgrOP) за пределы той составляющей, в которой она исходно порождается, сопровождающееся, как мы предполагаем, её последующей реконструкцией на уровне логической формы.

В предложенных нами структурах ((473)-(476)) репетитивные наречия могут присоединиться к двум составляющим: либо ко всей глагольной группе VoiceP, включающей каузативное подсобытие и каузатора, либо к малой клаузе (AdjP) / глагольной группе исходного предиката (VP), не включающей каузативное подсобытие и

каузатора. В первом случае возникает «низкое» прочтение репетитива, во втором – «высокое». Как можно заметить, в предложенных нами структурах единственное дополнение (473)-(474) или косвенное дополнение (475)-(476) порождаются ниже той составляющей, присоединение репетитива к которой даёт «низкое» прочтение. В связи с этим данные аргументы всегда находятся в сфере действия репетитивных наречий – как при «низкой», так и при «высокой» интерпретациях.

Английское репетитивное наречие *again*, как мы уже отмечали ранее, может присоединяться к составляющим как с помощью правосторонней адъюнкции, так и с помощью левосторонней. В случае правосторонней адъюнкции репетитива (линейное расположение – в конце клаузы) наш анализ предсказывает наличие неоднозначности между «низким» и «высоким» прочтениями, что мы и наблюдаем в примерах (469) и (471). В случае левосторонней адъюнкции мы предсказываем, что репетитивное наречие будет одназначно – оно будет иметь только ту интерпретацию, которая соответствует его линейной позиции. Примеры (381)-(382) и (384)-(385) (повторенные ниже как (477)-(478) и (479)-(480)) подтверждают наше предсказание:

(477) *John made Mary **again** happy.*
‘Джон опять осчастливил Мэри.’
a. *‘Джон осчастливил Мэри, и это уже происходило до этого.’
b. ‘Джон осчастливил Мэри, и Мэри была счастлива до этого.’

(478) *John **again** made Mary happy.*
‘Джон опять осчастливил Мэри.’
a. ‘Джон осчастливил Мэри, и это уже происходило до этого.’
b. *‘Джон осчастливил Мэри, и Мэри была счастлива до этого.’

(479) *John made Mary **again** drink whiskey.*
‘Джон опять заставил Мэри пить виски.’
a. *‘Джон заставил Мэри пить виски, и это уже происходило до этого.’
b. ‘Джон заставил Мэри пить виски, и Мэри уже пила виски до этого.’

(480) *John **again** made Mary drink whiskey.*

‘Джон опять заставил Мэри пить виски.’

a. ‘Джон заставил Мэри пить виски, и это уже происходило до этого.’

b. *‘Джон заставил Мэри пить виски, и Мэри уже пила виски до этого.’

Теперь представим наш анализ набора возможных прочтений репетитивов в каузативных конструкциях от лексических свершений – предикатов, имеющих результирующие состояния и подвергающихся лексической декомпозиции в синтаксисе. Мы предлагаем для предложений в (378) и (379) (повторенных ниже как (481) и (482)) структуры в (483) и (484) соответственно.

(481) *John made Bill open the window again.*

‘Джон опять заставил Билла открыть окно.’

a. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и Билл уже открывал окно до этого.’

c. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и окно уже было открыто до этого.’

(482) *šota-m* *levan-s* *pandžara* *isev* *ga-a-γ-eb-in-a*

Шота-ERG Леван-DAT окно.NOM опять PVB-pv-открыть-TS-TS-AOR.3SG

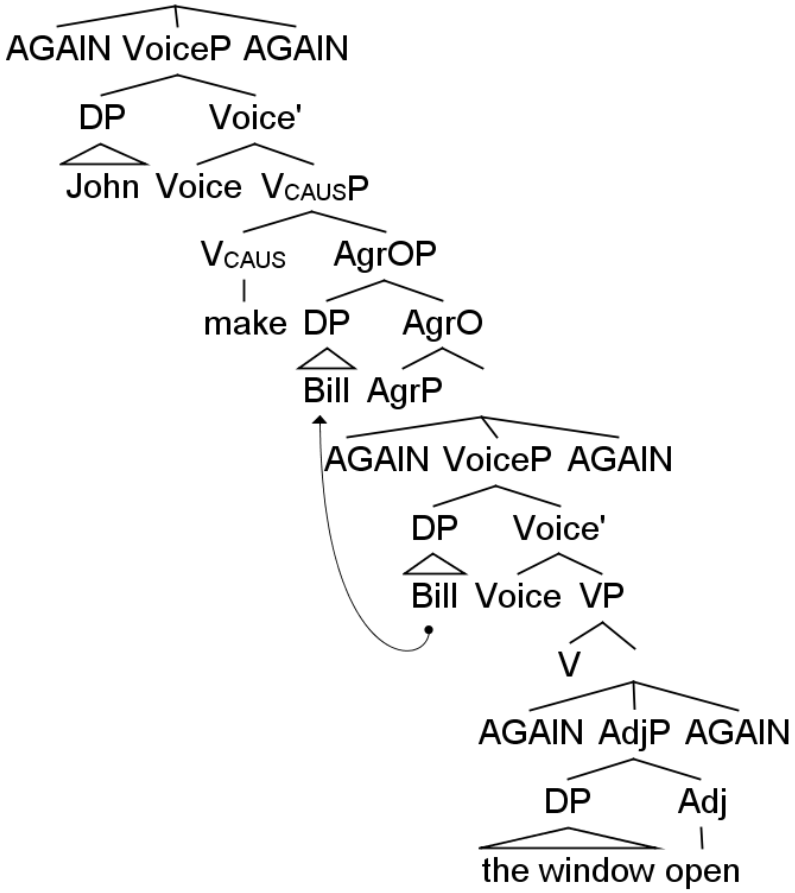
‘Шота опять заставил Левана открыть окно.’

a. ‘Шота заставил Левана открыть окно, и это уже происходило до этого.’

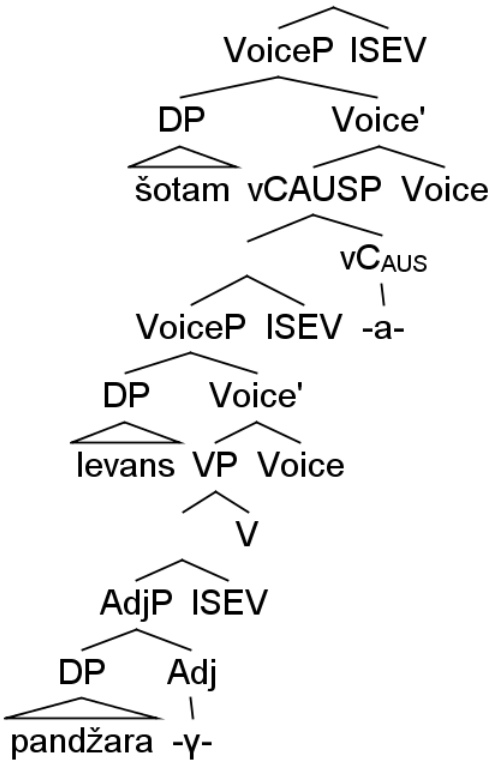
b. ‘Шота заставил Левана открыть окно, и Леван уже открывал окно до этого.’

c. ‘Шота заставил Левана открыть окно, и окно уже было открыто до этого.’

(483) Рис. 66. *Again* в каузативной конструкции с лексическим свершением (481):



(484) Рис. 67. *Isev* в каузативной конструкции с лексическим свершением (482):



Мы предполагаем, что исходные предикаты представляют собой полноценные глагольные группы (VoiceP), в которых лексический глагол (V) берёт в качестве своего комплемента малую клаузу (AdjP), соответствующую результирующему событию исходного предиката. Каузативный глагол берёт в качестве своего комплемента VoiceP. Для английского языка мы, как и раньше, предполагаем передвиженее наиболее «высокой» именной группы внутри структуры исходного предиката (ИГ в позиции нижнего VoiceP) в некоторую более высокую позицию (AgrOP) за падежом.

Как можно заметить, в предлагаемых нами структурах имеется как минимум три позиции для присоединения репетитивного наречия: к малой клаузе (AdjP), к глагольной группе исходного предиката (нижнее VoiceP) и ко всему каузативному предикату (верхнее VoiceP). Данные позиции соответствуют собственно реститутивному, «промежуточному» и «верхнему» прочтениям, которые мы наблюдаем в предложениях (481) и (482). При этом именная группа, находящаяся в спецификаторе нижней VoiceP (дативное дополнение в грузинском языке, косвенное дополнение в английском языке) находится в структуре выше, чем малая клауза, но ниже, чем полная глагольная группа исходного предиката. Это объясняет то, почему она входит в сферу действия репетитива при «высоком» и «промежуточном» прочтениях и не входит – при собственно реститутивном.

Многозначность английского предложения в (481) согласно нашему анализу обусловлена правосторонней адъюнкцией репетитива в данном предложении: при правосторонней адъюнкции *again* как к верхней VoiceP, так и к нижней VoiceP или AdjP репетитивное наречие всегда будет линейно находиться в конце предложения. Наш анализ предсказывает, что при левосторонней адъюнкции репетитивное наречие будет интерпретироваться однозначно в зависимости от своей линейной позиции в клаузе: будет иметь «верхнее» прочтение в позиции перед каузативным глаголом и «промежуточное» прочтении в случае предшествования «нижнему» предикату, что мы и наблюдаем (486) и (485) в соответственно. При предположении, что прямое дополнение также претерпевает некоторое передвижение с последующей реконструкцией, мы не ожидаем другого видимого левостороннего *again*.

(485) *John made Bill **again** open the window.*

‘Джон опять заставил Билла открыть окно.’

a. *‘Джон заставил Билла открыть окно, и это уже происходило до этого.’

b. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и Билл уже открывал окно до этого.’

c. *‘Джон заставил Билла открыть окно, и окно уже было открыто до этого.’

(486) *John **again** made Bill open the window.*

‘Джон опять заставил Билла открыть окно.’

a. ‘Джон заставил Билла открыть окно, и это уже происходило до этого.’

b. *‘Джон заставил Билла открыть окно, и Билл уже открывал окно до этого.’

c. *‘Джон заставил Билла открыть окно, и окно уже было открыто до этого.’

Наконец, представим наш анализ возможных интерпретаций репетитивов в конструкциях с локативными аргументами:

(487) **AGAIN в конструкциях с локативными аргументами:**

1. В конструкциях с локативными аргументами присутствует или малая клауза (грузинский) или предложная группа (русский), вводящая результирующее состояние предиката в синтаксическую репрезентацию.
2. Дативный аргумент в рассматриваемых конструкциях либо является аргументом малой клаузы (грузинский), либо вводится в структуру с помощью аппликативной вершины как несубкатегоризованный аргумент предложной группы (русский). Индивид, обозначаемый дативным дополнением, является участником результирующего состояния, обозначаемого предикатом.
3. Репетитивные наречия в рассматриваемых структурах всегда могут присоединиться как минимум к двум составляющим: к полной глагольной группе VoiceP (= репетитивное прочтение) или к той составляющей, которая вводит результирующее стативное подсобытие в синтаксическую репрезентацию, – к малой клаузе или предложной группе (= реститутивная интерпретация).
4. В связи со своей позицией в синтаксической структуре дативное дополнение всегда:
   (i) входит в сферу действия репетитивного наречия;
   (ii) находится структурно ниже прямого дополнения.

Обратимся сначала к грузинской конструкции с локативной версией ((488)-(489)):

(488) *šota-m* *givi* *levan-s* *isev* *da-a-axlov-a*

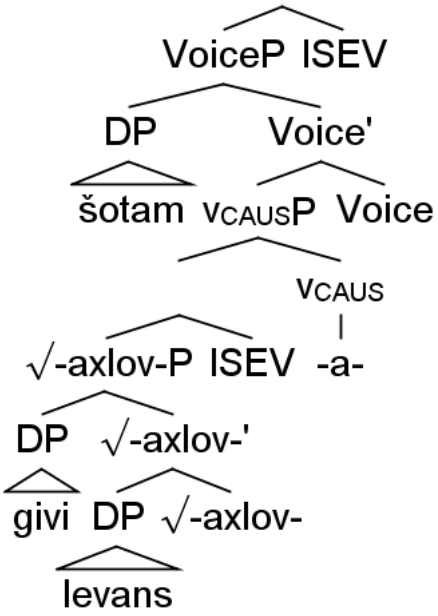
Шота-ERG Гиви.NOM Леван-DAT опять PVB-pv-приблизить-AOR.3SG

Досл. ‘Шота опять приблизил Гиви Левану.’

a. ‘Шота примирил Гиви и Левана, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Шота примирил Гиви и Левана, и Гиви и Леван уже были друзьями («близки») до этого.’ *RES*

(489) Рис. 68. *Isev* в конструкции с локативным дативом (488):



Мы предлагаем анализ, согласно которому грузинская конструкция с локативной версией содержит малую клаузу, которая вводится предикатом, соответствующим корню глагола в данной конструкции (например корень *-axlov-* (‘близкий’) в (488)). Мы оставляем открытым вопрос о категориальном статусе проекций данной малой клаузы. Для нас важно, что данный корень называет то состояние, которое имеет место между индивидами, выраженными прямым и косвенным дополнениями. Внутри данной малой клаузы прямое дополнение имеет структурный приоритет над дативными дополнением: оно присоединяется уже после соединения вершины малой клаузы с дативным аргументом. Отметим, что аргументом в пользу того, что в рассматриваемой структуре дополнения порождаются внутри малой клаузы, является тот факт, что кванторные дополнения могут входить в сферу действия репетитивного наречия при реститутивной интерпретации:

(490) *šota-m* *ori* *biči* *levan-s* *isev*
Шота-ERG два мальчик.NOM Леван-DAT опять
da-a-axlov-a
PVB-pv-приблизить-AOR.3SG
Досл. ‘Шота опять приблизил двух мальчиков Левану.’

a. **REP, AGAIN > QP & QP > AGAIN:**

‘Шота примирил двух мальчиков и Левана, и ранее Шота уже примирял двух мальчиков (могут быть те же, могут быть другие) и Левана.’

b. **RES, <u>AGAIN > QP</u> & QP > AGAIN:**

‘Шота примирил двух мальчиков и Левана, и ранее Леван уже был друзьями с двумя мальчиками (могут быть те же, могут быть другие).’

Данный факт отличает грузинскую конструкцию с локативным дативом от рассмотренных нами ранее клауз с лексическими свершениями (раздел 1.5.2.).

В ходе дальнейшей деривации малую клаузу берет в качестве своего комплемента функциональная каузативная вершина. Как можно заметить, в грузинской конструкции с локативной версией представлен тот же предкорневой гласный, что и в каузативных конструкциях: *-a-*. Мы считаем, что данный предкорневой гласный – морфологическое выражение каузативной вершины. Таким образом, грузинская конструкция с локативной версией на самом деле представляет собой каузативную структуру с малой клаузой, в которой предикат малой клаузы соответствует состоянию, обозначаемому глагольным корнем.

Как можно заметить, в предлагаемой нами структуре есть две возможности для присоединения репетитивного наречия. При присоединении грузинского *isev* к малой клаузе возникает реститутивная интерпретация, при присоединении к полной глагольной группе (VoiceP) – репетитивная. При этом так как дативное дополнение является аргументом малой клаузы, то оно будет входить в сферу действия репетитива как при репетитивной, так и при реститутивной интерпретации, что мы и наблюдаем в (488).

Перейдём к рассмотрению русской конструкции с локативным аппликативом (N-аппликатив в терминологии (Пшехотская 2012)). Мы предлагаем структуру в (493) для предложений с репетитивными модификаторами *опять* (402) (повторенное ниже как (491)) и *обратно* (413) (повторенное ниже как (492)). Для анализа этой конструкции мы предположим, что реститутивный *обратно* (по крайней мере в данной конструкции) является модификатором предложной группы (см. обсуждение о русском *обратно* в разделе 1.5.3.). При наличии у предложной группы несубкатегоризованного дативного аргумента мы будем предполагать, что *обратно* обязательно присоединяется поверх этого аппликативного аргумента.

(491) *Маша опять положила книгу Васе на стол.*

a. ‘Маша положила книгу Васе на стол, и это уже происходило до этого.’ *REP*

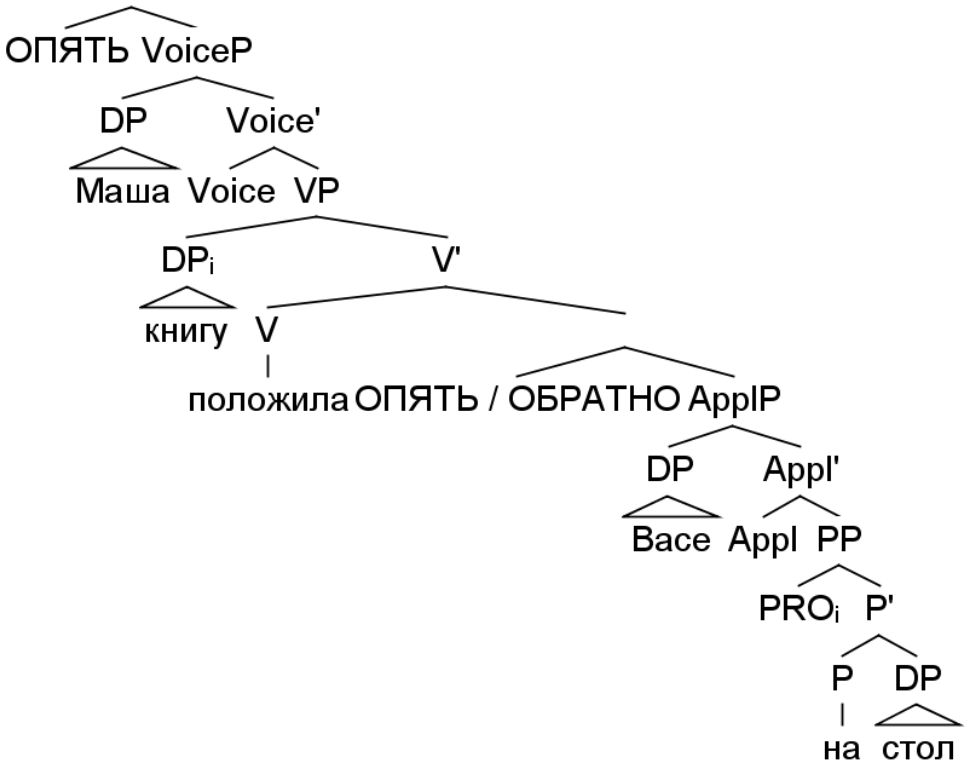
b. ‘Маша положила книгу Васе на стол, и у Васи уже была книга на столе до этого.’ *RES*

(492) *Маша положила книгу обратно Васе на стол.*

a. *‘Маша положила книгу Васе на стол, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Маша положила книгу Васе на стол, и у Васи уже была книга на столе до этого.’ *RES*

(493) Рис. 69. *Опять / обратно* в конструкции с локативным аппликативом (491)-(492):



Согласно нашему анализу, в русской конструкции с локативным аппликативом направительная предложная группа имеет спецификатор, в котором находится нулевое местоимение, контролируемое прямым дополнением в позиции спецификатора лексического глагола. Аппликативная вершина, которая берёт эту предложную группу в качестве своего комплемента, вводит аргумент, выраженный дативным дополнением (Spec, ApplP). Аппликативную группу берёт в качестве своего комплемента лексический глагол.

В предлагаемой нами структуре есть две возможности для присоединения репетитивных модификаторов – это предложная группа со всеми её аргументами (т.е., в нашем случае – ApplP) и глагольная группа со всеми её аргументами (VoiceP). Русское репетитивное наречие *опять* может присоединяться как к предложным группам, так и к глагольным группам. В случае модификации *опять* глагольной группы (VoiceP) возникает репетитивная интерпретация, в случае модификации предложной группы (ApplP) – реститутивная. Любой анализ *обратно* (см. раздел 1.5.3.) предполагает, что данное наречие может модифицировать только результирующие состояния предикатов, и поэтому всегда имеет реститутивную интерпретацию, в том числе в конструкции с локативным аппликативом. Однако согласно синтаксическому анализу *обратно* (представлен в (493)), оно в принципе не может присоединиться к VoiceP, так как имеет селективное ограничение: это наречие является модификатором предложных групп. Модифицируя предложную группу (в данном случае, ApplP), *обратно* получает реститутивное прочтение.

Предлагаемая нами структура предсказывает, что дативное дополнение, являющееся (пусть и несубкатегоризованным) аргументом предложной группы, всегда будет находиться в сфере действия репетитивных наречий. Как можно видеть из (491)-(492), данное предсказание соответствует действительности: как при репетитивном, так и при реститутивном прочтении индивид, выраженный дативным дополнением, является участником того события, которое вводит в своей пресуппозиции репетитив.

4.4. Предсказания, последствия и проблемы предлагаемого анализа и сравнение его с альтернативными анализами

В данном разделе мы рассмотрим некоторые предсказания, последствия и проблемы анализа, предлагаемого в данном исследовании (разделы 4.1.-4.3.), а также сравним наш анализ возможных прочтений репетитивных наречий в дитранзитивных конструкциях с предложенными ранее альтернативами ((Beck & Johnson 2004), (Bruening 2010b)).

Можно выделить как минимум два верных предсказания, которые делает наш анализ. Во-первых, наш анализ репетитивов в дитранзитивных конструкциях предсказывает, что в тех языках, в которых в структуре дитранзитивных конструкций косвенное дополнение порождается как комплемент претерпевающей в глагол инкорпорацию вершины предложной группы (*английский, немецкий*), должно быть невозможно иметь выраженную аргументную направительную предложную группу в конструкции с двумя дополнениями: если лексический глагол уже взял в качестве своего

комплемента предложную группу с нулевой вершиной, он не может присоединить ещё одну предложную группу с выраженным предлогом своим комплементом. Для языков, в которых косвенное дополнение не порождается внутри предложной группы (а является аргументом лексического глагола или аппликативной вершины – *русский, грузинский*), мы предполагаем, что имеющие фонологическое выражение направительные предложные группы будут возможны в конструкциях с двумя дополнениями. В английском языке, конструкция с двумя дополнениями в котором согласно нашему анализу содержит предложную группу с нулевой вершиной, исходно берущую косвенное дополнение своим аргументом, мы действительно видим невозможность употребить другую выраженную направительную предложную группу в дитранзитивных клаузах с двумя дополнениями:

(494) **I passed the patient a tray to his bed.* (McIntyre 2011: 3)
Ожидаемое прочтение: ‘Я передал пациенту поднос в палату.’

(495) **I threw Fred a ball into his hands*. (McIntyre 2011: 3)
Ожидаемое прочтение: ‘Я бросил Фреду мяч в руки.’

(496) **They sent her a doctor into the building*. (McIntyre 2011: 3)
Ожидаемое прочтение: ‘Они отправили ей врача в здание.’

В немецком языке, для которого мы предложили такой же анализ, как и для английского, возможность направительной предложной группы в конструкции с двумя дополнениями под вопросом – некоторым носителям не нравятся предложения типа (497), в то время как другие находят их более менее приемлемыми. Мы предполагаем, что наблюдаемая вариативность может отражать статус направительной предложной группы в грамматиках носителей языка: в том случае, если носители могут проинтерпретировать предложную группу как адъюнкт, предложения типа (497) оказываются для них грамматичными, в том случае, если носители интерпретируют предложную группу как аргумент лексического глагола (т.е., его комплемент), то предложения типа (497) оказываются невозможными: в структуре уже присутствует предложная группа с нулевой вершиной, которая является комплементом лексического глагола, поэтому попытка внедрить в структуру ещё одну аргументную PP делает предложение неграмматичным.

(497) ?*Hans hat dem Mädchen das*
Ганс иметь.PRS.3SG DEF.n.3SG.DAT девочка DEF.n.3SG.ACC
Buch zur Schule geschickt.
книга к.DEF.f.3SG.DAT школа послать.PART
‘Ганс послал девочке книгу в школу.’

В русском и грузинском – языках, в которых согласно нашему анализу отсутствует аргументная направительная предложная группа в конструкции с двумя дополнениями (позиция комплемента лексического глагола не занята) – дативные дополнения могут без проблем сосуществовать с направительными предложными группами в рамках одной клаузы:

(498) *Я передал пациенту поднос в палату.*
(499) *Я бросил Васе мяч в руки.*
(500) *Они отправили ей доктора в школу / на дом.*

(501) *šota levan-s amanati xel-ši misca*
Шота.NOM Леван-DAT посылка.NOM рука.DAT-в отдать.AOR.3SG
‘Шота отдал Левану посылку в руки.’

(502) *šota ana-s amanati saxl-ši ga-u-gzavn-a*
Шота.NOM Анна-DAT посылка.NOM дом.DAT-в PVB-pv-отправить-AOR.3SG
‘Шота отправил Анне посылку домой.’

(503) *mat levan-s ekimi givis-tan gamo-u-dzax-es*
они.ERG Леван-DAT врач.NOM Гиви.GEN-к PVB-pv-вызвать-AOR.3PL
‘Они вызвали Левану врача к Гиви.’

Таким образом, наш анализ дитранзитивных конструкций, построенный для объяснения межъязыковой вариативности в наборе возможных прочтений репетитивных морфем, позволяет объяснить ещё одно параметризованное морфосинтаксическое явление (направительная PP в конструкции с двумя дополнениями возможна – vs – невозможна), независимо наблюдаемое в рассматриваемых языках.

Во-вторых, наш анализ перечня возможных интерпретаций русского *опять* в дитранзитивных конструкциях и конструкциях с локативным аппликативом позволяет

сделать ещё одно предсказание. Если в конструкции с локативным аппликативом дативное дополнение действительно присоединяется как несубкатегоризованный аргумент к предложной группе (с помощью аппликативной вершины), то мы предсказываем, что дитранзитивные глаголы смогут взять предложную группу с аппликативным локативом в качестве своего комплемента и что в этом случае будет возможно реститутивное прочтение *опять*, причем такое, при котором дативное дополнение будет входить в сферу действия репетитивного наречия (индивид, выраженный дативной именной группой, будет являться участником результирующего состояния, выделяемого *опять* при реститутивном прочтении). Как можно увидеть из предложения в (504), это предсказание оказывается верным. Данное предложение может иметь две интерпретации: репетитивную, при которой всё событие (‘Маша отдала сына Пете в школу’) повторяется, и реститутивную, при которой повторяется состояние, состоящее в том, что сын в школе, и Петя является некоторого рода поссессором ситуации ‘сын в школе’.

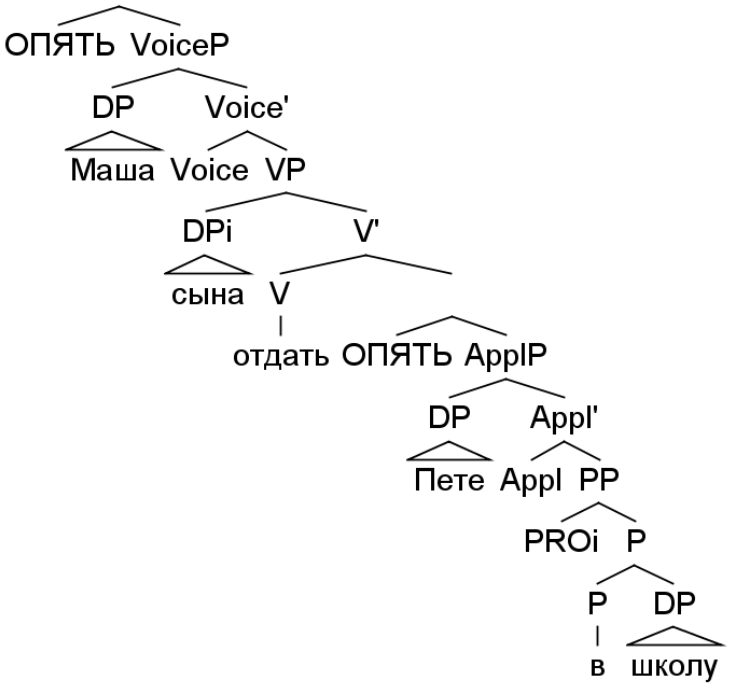
(504) *Маша опять отдала сына Пете в школу.*

a. ‘Маша отдала сына Пете в школу, и это уже происходило до этого.’ *REP*

b. ‘Маша отдала сына Пете в школу, и сын уже был у Пети в школе до этого.’*RES*

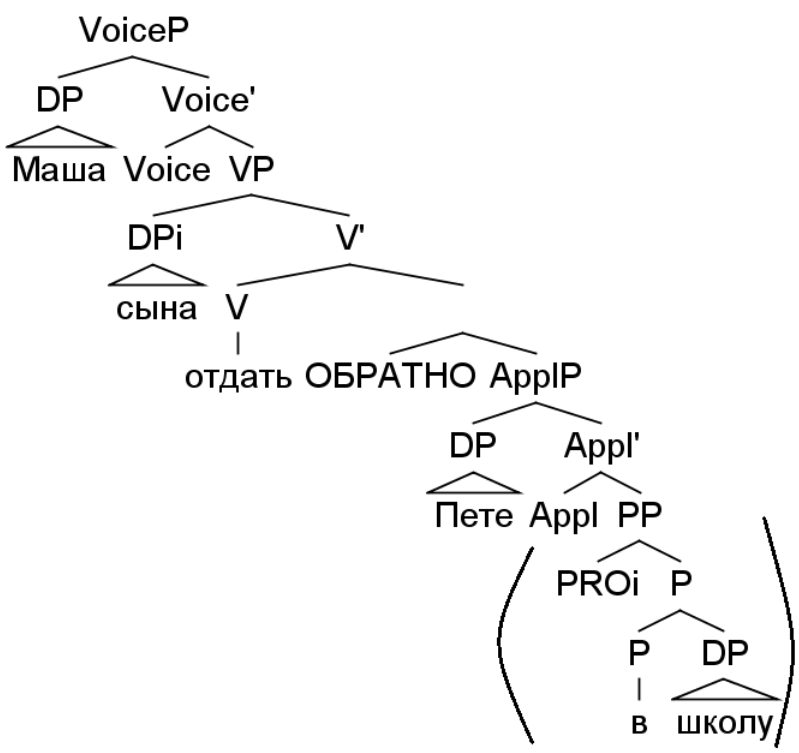
Мы предлагаем структуру в (505) для предложения в (504).

(505) Рис. 70. *Опять* в дитранзитивной конструкции с локативным аппликативом (504):



Отметим, что данная структура будет выглядеть идентично структуре с модификатором *обратно* при синтаксическом подходе к анализу данного наречия (см. раздел 1.5.3.):

(506) Рис. 71. *Обратно* в дитранзитивной конструкции с локативным аппликативом (507):



(507) *Маша отдала сына обратно Пете в школу.*

a. *‘Маша отдала сына Пете в школу, и это уже происходило до этого.’ **REP*

b. ‘Маша отдала сына Пете в школу, и сын уже был у Пети в школе до этого.’*RES*

Синтаксический подход предполагает, что *обратно* является модификатором предложных групп, поэтому в структуре предложения в (507) *обратно*, как и реститутивное *опять* в (505), присоединяется к предложной группе со всеми её аргументами (т.е., в данном случае к ApplP) и модифицирует соответствующее ей подсобытие, состоящее в состоянии ‘У Пети сын в школе’. При семантическом подходе к *обратно* (Tatevosov 2016) данный параллелизм между двумя репетитивными наречиями будет утерян: при этом подходе в то время как *опять* в предложении (504) будет действительно присоединяться к ApplP, то же самое прочтение с *обратно* будет получаться в другой синтаксической конфигурации – при модификации реститутивным модификатором глагольной группы и нахождения целевого результирующего состояния в её интерпретации (см. раздел 1.5.3.).

(508) Рис. 72. *Обратно* в дитранзитивной конструкции с локативным аппликативом (семантический подход к реститутивному модификатору) (507):

Одной из важных проблем, с которой сталкивается наш анализ, является проблемы линеаризации: не для всех предложенных нами структур очевидно, как именно синтаксическая структура преобразуется в линейную цепочку слов на уровне фонологической формы (PF). Так, например, при анализе дитранзитивных конструкций в немецком языке в ряде случаев нам приходилось предполагать выдвижение именных групп за пределы глагольной группы с последующей реконструкцией в их исходную позицию. В предложениях типа (7) (повторенного ниже как (509)) мы видим, что репетитивное наречие *wieder* в предглагольной позиции может иметь репетитивную интерпретацию, при которой репетитив вводит пресуппозицию о существовании предшествующего события, соответствующего глагольной группе со всеми её аргументами ‘Ганс отдал девочке книгу’ (VoiceP).

(509) *...dass Hans dem Mädchen ein Buch wieder gab.*
…что Ганс DEF.n.DAT девочка INDEF.n.ACC книга опять отдал
‘…что Ганс опять отдал девочке книгу.’

a. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и это происходило до этого.’ *REP*

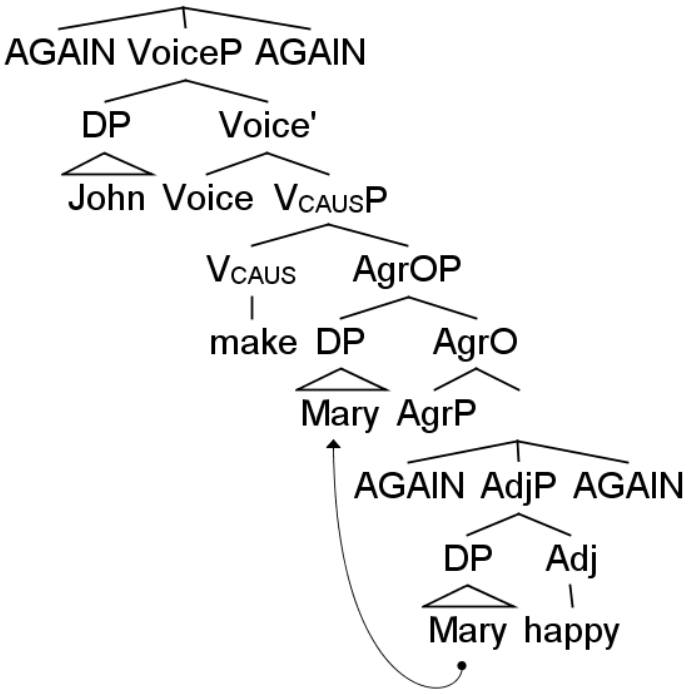
b. ‘…что Ганс отдал девочке книгу, и у девочки была книга до этого.’ *RES*

Однако в данном предложении именные группы *dem Mädchen* (‘девочке’) и *ein Buch* (‘книгу’) линейно предшествуют репетитивному наречию. При синтаксическом подходе к объяснению репетитивно-реститутивной полисемии нам приходится предполагать, что при репетитивной интерпретации *wieder* в (509) модифицирует глагольную группу (VoiceP), которую покинули оба дополнения. Но чем вызвано это передвижение?

Потребностью получить падеж? Требованиями информационной структуры? Мы оставляем данный вопрос открытым.

Ещё одну загадку, связанную с вопросами линеаризации, представляет левосторонняя адъюнкция английского репетитива *again*. Как мы видели в разделах 1.5.2. и 4.3., английское *again* может присоединяться в качестве левостороннего адъюнкта как к глагольной группе, так и к малой клаузе – например, к AdjP в каузативной конструкции с исходным предикатом-состоянием ((473), повторенное ниже как (510)).

(510) Рис. 73. *Again* в каузативной конструкции с исходным предикатом-состоянием.



При этом при левосторонней адъюнкции к малой клаузе английское репетитивное наречие, как и ожидается, имеет только одно – «низкое» – прочтение ((382), повторенное ниже как (511)):

(511) *John **again** made Mary happy.*

‘Джон опять осчастливил Мэри.’

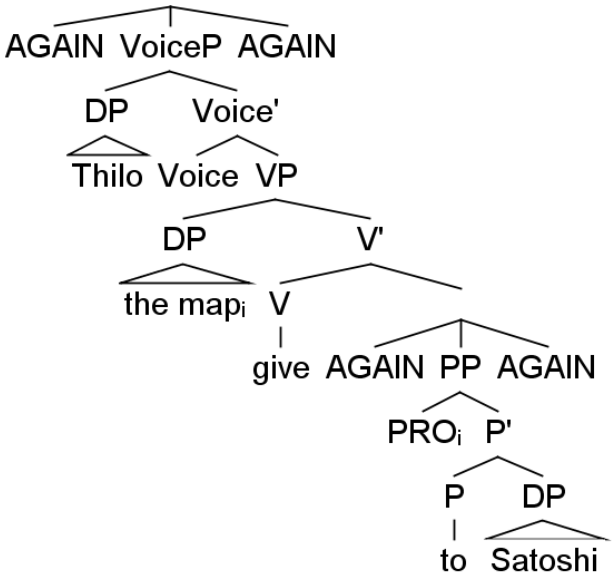
a. ‘Джон осчастливил Мэри, и это уже происходило до этого.’

b. *‘Джон осчастливил Мэри, и Мэри была счастлива до этого.’

Если левосторонняя адъюнкция *again* в принципе доступна к любым составляющим, соответствующим стативным подсобытиям предикатов, то в предложенной нами

структуре для английской *to*-PP конструкции ((431), повторенное ниже как (512)) мы бы ожидали возможности левосторонней адъюнкции репетитивного наречия к направительной предложной группе, причём предложение, получившееся при таком присоединении *again*, должно было бы иметь только реститутивную интерпретацию.

(512) Рис. 74. *Again* в *to*-PP конструкции (430):



При левосторонней адъюнкции *again* к предложной группе в (512) мы бы ожидали такого линейного расположения элементов клаузы, при котором репетитивное наречие следует за прямым дополнением, но предшествует предложной группе. Такой порядок слов возможен в английском языке, но, вопреки нашим предсказаниям, при нём наблюдается только репетитивное прочтение (513):

(513) *Thilo gave the map again to Satoshi.*
‘Тило отдал карту опять Сатоши.’
a. ‘Тило отдал карту Сатоши, и это происходило до этого.’ *REP*
b. *‘Тило отдал карту Сатоши, и у Сатоши была карта до этого.’ *RES*

В рамках синтаксического подхода к многозначности репетитивных морфем это означает, что предложение в (513) на самом деле не соответствует структуре с левосторонней адъюнкцией репетитивного наречия к предложной группе. Можно предположить, что порядок слов в (513) возникает в том случае, если *again* исходно присоединяется к глагольной группе со всеми её аргументами (VoiceP), после чего глагол и прямое

дополнение, но не предложная группа, по некоторым причинам передвигаются из глагольной группы в более высокие позиции. Помимо вопроса о мотивации данных передвижений материал английского языка поднимает более общую проблему: чем отличается левосторонняя адъюнкция репетитивных наречий от правосторонней? В частности, почему правосторонняя адъюнкция английского *again* к предложным группам возможна, а левосторонняя адъюнкция – нет? Почему *again* может выступать левосторонним адъюнктом при малой клаузе (510), но не при PP (512)? Мы оставляем данные вопросы о селективных ограничениях на присоединение *again* и линеаризацию элементов клаузы в английских структурах с репетитивами для дальнейших исследований.

В данном исследовании мы также совсем не представили анализа линеаризации клауз с репетитивными наречиями в грузинском языке: каким образом, умея выступать модификаторами различных подсобытий в декомпозиционной структуре, они всегда оказываются в предглагольной позиции? Вопрос линеаризации в грузинском языке тесно связан с более общими вопросами о синтаксическом устройстве глагольной предикации в грузинском языке. В частности, всегда ли грузинский глагол ветвится налево? Или же в некоторых клаузах возможен исходный порядок SVO? Происходит ли передвижение / инкорпорация глагольных вершин в грузинском языке? Каким именно образом «собирается» в синтаксисе грузинская глагольная словоформа и как она озвучивается? Как кажется, без хотя бы приблизительных ответов на вышеперечисленные вопросы пытаться построить анализ линеаризации в конструкциях с репетитивными наречиями преждевременно.

Ещё одним сюжет, требующий более детального изучения и проработки, – взаимосвязь фокусного выделения на некоторой именной группе (при линейном порядке ISEV – DP – V) с набором возможных интерпретаций репетитивного наречия в грузинском языке (разделы 1.5.2., 3.1.4.). Наши первые шаги в сторону объяснения наблюдаемого явления носят крайне предварительный характер.

Выделим ряд общетеоретических вопросов, которые возникают в связи с предложенными нами анализами репетитивных морфем в конструкциях с дативными аргументами. Основной вопрос, который, как кажется, возникает в связи с нашим исследованием, касается типологии составляющих, вводящих результирующие состояния предикатов в синтаксическую репрезентацию. Согласно нашей основной гипотезе (421), результирующие стативные подсобытия предикатов могут возникать в лексической декомпозиции предикатов в синтаксисе двумя путями: с помощью построения малой клаузы и с помощью построения направительной предложной / послеложной группы. При

этом мы также предположили, что предложные / послеложные группы, как и некоторые малые клаузы, могут иметь в своём спецификаторе нулевое местоимение, контролируемое прямым дополнением в позиции спецификатора группы лексического глагола. В связи с этим возникает вопрос: чем по существу отличаются предложные группы от малых клауз? В разделе 1.4. мы, например, предположили, что некоторые конструкции русского и грузинского языка (клаузы с лексическими префиксами глаголов) содержат малые клаузы, которые берут предложные группы в качестве своих комплементов. Можно ли для этих конструкций предложить альтернативный анализ, при котором вместо малой клаузы в синтаксической репрезентации имеется только предложная группа, но её «расщеплённый» вариант (split-PP), при котором внутри предложной группы имеется на самом деле целый ряд проекций (см. (Svenonius 2007))? Можно поставить и более общий вопрос: каковы вообще бывают синтаксические типы вторичных предикаций? Какие разновидности малых клауз или других проекций, вводящих результирующие состояния в синтаксис, встречаются в естественных языках? Чем они схожи и чем отличаются? Чем определяется, происходит ли инкорпорация вершины такой проекции в глагол? Является ли параметром межъязыкового варьирования возможность строить такие проекции с нулевой вершиной, не претерпевающей инкорпорацию? В качестве частичного ответа на последний вопрос можно было бы предположить, что английский и немецкий язык с одной стороны и русский и грузинский с другой отличаются именно тем, что первые могут строить малые клаузы / PP с нулевыми вершинами, а вторые – нет, и что именно параметризация данной возможности в языках мира позволяет в одних языках строить дитранзитивные конструкции, в которых возможны реститутивные прочтения репетитивов, а в других языках такие дитранзитивные конструкции строить не позволяет.

Наконец, в заключение данного раздела сравним предлагаемый нами анализ межъязыкового варьирования в наборе возможных значений репетитивных морфем в конструкциях с дативными аргументами с возможными альтернативными гипотезами. Для начала отметим, что семантический подход к объяснению репетитивно-реститутивной полисемии не позволяет объяснить представленные нами эмпирические наблюдения (глава 3). Так как те типы предикатов, которые представлены в рассмотренных нами конструкциях (дитранзитивных клаузах (разделы 3.1., 4.2.), клаузах с несубкатегоризованными бенефактивными дополнениями (разделы 3.2., 4.3.), каузативных конструкциях (разделы 3.3., 4.3.) и конструкциях с локативными аргументами (разделы 3.4., 4.3.)), не являются степенными достижениями (degree achievements (Dowty 1979)), то анализ реститутивного прочтения репетитивных морфем в данных конструкциях как каунтер-дирекциональной интерпретации (раздел 1.2.)

представляется невозможным. Более того, семантический подход не способен объяснить зависимость набора возможных интерпретаций от порядка слов в конструкциях с дативными аргументами точно так же, как он не мог предложить хорошего объяснения для такой зависимости в других типах клауз (например, при лексических свершениях, см. разделы 1.2., 1.5.2.). В связи с этим мы можем заключить, что синтаксический подход к репетитивно-реститутивной полисемии, который мы приняли в данном исследовании, имеет весомое преимущество при анализе набора возможных прочтений репетитивов в конструкциях с дативными аргументами.

Нам известны только два предшествующих анализа репетитивов в конструкциях с дативными аргументами – (Beck & Johnson 2004) и (Bruening 2010b), оба из которых рассматривают только материал дитранзитивных конструкций английского языка (см. раздел 3.1.2.). Сравним данные альтернативные гипотезы о причинах возникновения реститутивных прочтений в дитранзитивных клаузах с гипотезой, предложенной в настоящем исследовании. Анализ с аппликативной конструкцией, предложенный в (Bruening 2010b), в принципе кажется непривлекательным по ряду причин (см. обсуждение в 3.1.2.), однако помимо этого он также делает неверное предсказание: во всех языках, где существуют косвенные дополнения, вводимые аппликативной вершиной, мы ожидаем возможности реститутивных прочтений в дитранзитивных клаузах. Данное предсказание не верно предсказывает, как минимум, наличие реститутивных прочтений в русских дитранзитивных конструкциях. Как мы видели в разделе про конструкции с бенефактивными аргументами (4.3.), в русском языке имеются такие аппликативные вершины, которые берут группу лексического глагола в качестве своего комплемента и вводят в структуру дативное дополнение. Соответственно, должно быть возможно присоединение таких вершин и в дитранзитивных конструкциях, что, согласно анализу в (Bruening 2010b), должно было бы привести к реститутивному прочтению репетитива в этих конфигурациях, однако это, как мы видели в разделе 3.1.1., не соответствует эмпирической реальности. Анализ, предложенный (Beck & Johnson 2004), близок к нашему по духу. Преимуществом нашего анализа по отношению к нему можно назвать только то, что мы предлагаем единообразное объяснение наличия реститутивных прочтений в разных языках, в частности, объясняя влияние наличия PP в русских дитранзитивах на реститутивное прочтение.

Заключение

В рамках данной квалификационной работы мы, используя положительный и отрицательный материал английского, немецкого, русского и грузинского языков, провели исследование возможных интерпретаций репетитивов в конструкциях с дативными дополнениями: в дитранзитивных клаузах, в клаузах с несубкатегоризованными косвенными дополнениями, в конструкциях с каузируемыми косвенными дополнениями и в двух конструкциях с локативными аргументами (грузинская конструкция с локативной версией и русская конструкция с локативным аппликативом).

Цель данного исследования можно считать достигнутой: мы выявили перечень возможных интерпретаций репетитивных морфем в вышеперечисленных конструкциях (глава 3) и предложили объяснение как межъязыковой, так и внутриязыковой вариативности в возможности репетитивов иметь различные интерпретации в рассматриваемых структурах (глава 4).

Все поставленные нами задачи можно признать выполненными. Во-первых, мы установили свойства репетитивных морфем вне конструкций с дативными аргументами (глава 1), определив, какие подсобытия предикатов репетитивы способны модифицировать, как возможные интерпретации зависят от линейного расположения элементов в клаузе и какие теоретические гипотезы о причинах возникновения полисемии репетитивов способны объяснить типологическое разнообразие репетитивных морфем в разных языках. Во-вторых, мы рассмотрели различные теоретические подходы к введению дативных аргументов в синтаксическую репрезентацию (глава 2) и сформулировали предсказания данных подходов по поводу набора возможных интерпретаций репетитивов в различных конструкциях с косвенными дополнениями (раздел 2.6.). В-третьих, мы установили перечень возможных интерпретаций репетитивных морфем в различных конструкциях с дативными аргументами английского, немецкого, русского и грузинского языков (глава 3). В-четвёртых, мы определили факторы, влияющие на возможность реститутивных прочтений в конструкциях с дативными аргументами, и установили, что как межъязыковая, так и внутриязыковая вариативность в возможности иметь реститутивную интерпретацию в данных конструкциях имеет синтаксическую природу (раздел 3.1.2.). В-пятых, мы разработали и представили наш анализ возможных прочтений репетитивов в конструкциях с дативными аргументами (глава 4). В-шестых, мы обсудили предсказания, проблемы и последствия выдвинутого нами анализа, а также сравнили его с альтернативными гипотезами (раздел 4.4.).

Мы надеемся, что данное исследование представляет собой ещё один шаг в направлении к пониманию того, как связаны событийная и аргументная структуры в конструкциях с дативными аргументами.

Список используемых обозначений

1, 3	1, 3 лицо
1, 7 в (248)	класс существительного
3 в (270)	поссессивный показатель 3-го лица
англ.	английский
груз.	грузинский
досл.	дословно
нем.	немецкий
ОБРАТНО	русс. *обратно*
л.с.	личное сообщение
русс.	русский
ACC	аккузатив
ADD	аддитивный оператор
ADV	адвербиальный падеж
AGAIN	многозначное репетитивное наречие
AOR	аорист
APP	аппликативный маркер
Asp	аспектуальный показатель
BACK	однозначно реститутивный модификатор
BEN	бенефактив
CAUS	каузатив
CL	клитика
DAT	датив
DEF	определенный
DO	прямое дополнение
ERG	эргатив
f	женский род
FOC	фокусная частица
FOCUS	фокус
FV	конечный гласный
INDEF	неопределённый
IO	косвенное дополнение
LOC-DAT	локативный аппликатив
m	мужской род

n	средний род
NOM	номинатив
PART	причастие
PL	множественное число
PP	предложная / послеложная группа
PRS	настоящее время
PRT	претерит
PST	прошедшее время
pv	предкорневой гласный
PVB	преверб
QP	кванторная группа
REP	репетитивное прочтение
RES	реститутивное прочтение
s	согласование с подлежащим
SC	малая клауза
SE	французская клитика *se*
SG	единственное число
TS	тематический суффикс
UḴAN	груз. *uḳan*
ZURÜCK	нем. *zurück*

Литература

Лютикова, Татевосов и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., Наследие. 2006.

Стойнова 2012a — Стойнова, Н. М. Типология глагольных показателей рефактива: модели полисемии и структура семантической зоны. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012.

Стойнова 2012b — Стойнова, Н. М. Рефактив: типологические данные// Вопросы языкознания, 2. 2012. С. 61–93.

Пшехотская 2012 — Пшехотская, Е. А. Косвенное дополнение как субкатегоризованный и несубкатегоризованный актант (на материале русского языка). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012.

Шлуинский 2005 — А.Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: Количественные акспектуальные значения. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 2005.

Alexiadou et al. 2014 — Alexiadou A., Anagnostopoulou, E., Lechner W. 2014. Variation In Repetitive Morphemes: Some Implications For The Clausal Architecture. Workshop on the State of the Art in Comparative Syntax, University of York, September 25, 2014.

Anagnostopoulou 2003 — Anagnostopoulou, E. The syntax of ditransitives. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. 2003.

Bailyn 1995 — Bailyn, J. F. A Configurational Approach to Russian “Free” Word Order. PhD diss., Cornell University. 1995.

Bailyn 2010 — Bailyn, J. F. What’s inside VP? New (and old) Evidence from Russian. In *Formal Approaches to Slavic Linguistics18*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications.

Baker 1988a — Baker, M. Incorporation: a theory of grammatical function changing. Chicago: University of Chicago Press. 1988.

Baker 1988b — Baker, M. Theta theory and the syntax of applicatives in Chichewa. In *Natural Language and Linguistic Theory* 6: 353-389. 1988.

Baker 1996 — Baker, M. Thematic Roles and Syntactic Structure. In L. Haegeman (ed.), *Elements of Grammar*. Dordrecht: Kluwer. 73–137.

Bale 2006 — Bale, A. Quantifiers, ‘again’ and the complexity of verb phrases. In E. Georgala and J. Howell (eds.), *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) XV*. Ithaca, New York: CLC Publications. 2006.

Barrs & Lasnik 1986 — Barss, A. and Lasnik, H. A note on anaphora and double objects. In *Linguistic Inquiry* 17: 347-354. 1986.

Beck & Snyder 2001 — Beck, S. and W. Snyder. The resultative parameter and restitutive 'again'. In *Auditur vox sapientiae: A festschrift for Arnim von Stechow*, ed. by C. Féry and W. Sternefeld, 48 – 69. Berlin: Akademie Verlag. 2001.

Beck & Johnson 2004 — Beck, S. & K. Johnson. Double Objects Again. In *Linguistic Inquiry 35/1*: 97-124. 2004.

Beck 2005 — Beck, S. There and back again: A semantic analysis. In *Journal of Semantics 22*: 3-51. 2005.

Beck 2006 — Beck, S. Focus on Again. In *Linguistics and Philosphy 29*, 277-314. 2006.

Boneh & Nash 2011 — Boneh, N. & L. Nash. High and Higher Applicatives: The Case of French Non-core Datives. In *Proceedings of the 28th West Coast Conference on Formal Linguistics*, ed. Mary Byram Washburn et al., 60-68. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project. 2011.

Boneh & Nash, to appear — Boneh N. & L. Nash. The syntax and semantics of dative DPs in Russian ditransitives, to appear.

Bresnan 2007 — Bresnan, J. Is syntactic knowledge probabilistic? Experiments with the English dative alternation. In S. Featherson & W. Sternfeld (Eds.), *Roots: Linguistics in search of its evidential base* (pp. 75-96). Berlin, Germany: Mouton de Gruyter. 2007.

Bruening 2010a — Bruening, B. Double object constructions disguised as prepositional datives. In *Linguistic Inquiry 41.2*, 287-305. 2010.

Bruening 2010b — Bruening, B. Ditransitive asymmetries and a theory of idiom formation. In *Linguistic Inquiry 41*:519–562. 2010.

Chomsky 1981 — Chomsky, N. Lectures on government and binding. Dordrecht: Foris Publications. 1981.

Chomsky 1995 — Chomsky, N. The Minimalist Program. Cambridge, MA: MIT Press. 1995.

Cresswell 1978 — Cresswell, M. Prepositions and points of view. In *Linguistics and Philosophy2*:1–41. 1978.

Cresti 1995 — Cresti, D. Extraction and Reconstruction. In *Natural Language Semantics 3*, 79-122. 1995.

Cuervo 2003 — Cuervo, M. Datives at Large. Ph.D. Dissertation. MIT. 2003.

Davidson 1967 — Davidson, D. The logical form of action sentences. In Rescher (ed.) 1967: 81–95.

Davidson 1980 — Davidson, D. The logical form of action sentences. In D. Davidson, *Essays on Actions and Events (3d edition)*. Oxford: Clarendon Press. 105–122. 1980.

Dowty 1979 — Dowty, D. Word Meaning and Montague Grammar, Reidel, Dordrecht. 1979.

Dyakonova 2005 — Dyakonova, M. Russian Double Object Constructions. In *ACLC Working Papers 2/1*: 3-30. 2005.

Dyakonova 2007 — Dyakonova, M. Russian double object constructions. In M. van Staden & H. Zeijlstra (eds.), *Amsterdam Center for Language and Communication (ACLC) Working Papers Vol. 2 Issue 1*. 3–30. 2007.

Embick 2004 — Embick, D. On the structure of resultative participles in English. In *Linguistic Inquiry 35(3)*: 355–92. 2004.

Ernst 2002 — Ernst, T. The Syntax of Adjuncts. Cambridge University Press, Cambridge. 2002.

Fabricius-Hansen 1983 — Fabricius-Hansen, C. Wieder ein *wieder*? Zur Semantik von *wieder*. In R. Baeuerle, C. Schwarze, & A. von Stechow (eds), *Meaning, Use and Interpretation of Language*. De Gruyter. Berlin, 97-120. 1983.

Fabricius-Hansen 2001 — Fabricius-Hansen, C. Wi(e)der and again(st). In C. Fery and W. Sternefeld (eds.): *Audiatur Vox Sapientiae: a festschrift for Arnim von Stechow*. Berlin: Akademie, 101-130. 2001.

Fodor & Lepore 2000 — Fodor, J. & Lepore, E. 2000. Morphemes matter; the continuing case against lexical decomposition. RuCCS Tech Report34.

Franks 1995 — Franks, S. Parameters of Slavic Morphosyntax. Oxford. 1995.

Goldberg 1995 — Goldberg, A. Constructions. A Construction Grammar Approach to Argument Structure. The University of Chicago Press. Chicago and London. 1995.

Goldschmidt & Zwarts 2016 — Goldschmidt, A. and J. Zwarts. Hitting the nail on the head: Force vectors in verb semantics. In M. Moroney, C.-R. Little, J. Collard, and D. Burgdorf (eds.), *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory* 26. 2016.

Grimshaw & Prince 1986 — Grimshaw, J. and A. Prince. A prosodic account of the to-dative alternation. Ms., Rutgers University. 1986.

Harley 1996 — Harley, H. If You Have, You Can Give, In *Proceedings of WCCFL XV*, B. Agbayani and S. Tang, eds, CSLI, Stanford, CA, pp. 193-207.1996.

Harley 2002 — Harley, H. Possession and the Double Object Construction. In *Yearbook of Linguistic Variation 2*: 29–68. 2002.

Harley 2012 — Harley, H. Lexical decomposition in modern generative grammar. In M. Werning, W. Hinzen, and E. Machery (eds), *The Oxford Handbook of Compositionality*. Oxford: Oxford University Press, 328-350. 2012.

Harley & Jung 2015 — Harley, H. and H-K Jung. In support of the PHAVE approach to the double object construction. In *Linguistic Inquiry 46.4*, 703-730. 2015.

Harley & Miyagawa 2016 — Harley, H. and S. Miyagawa. Syntax of Ditransitives (in press, *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*). 2016.

Haspelmath 2015 — Haspelmath, M. Ditransitive constructions. In *Annual Review of Linguistics 1*, 19-41. 2015.

Heim & Kratzer 1998 — Heim, I. & A. Kratzer: Semantics in Generative Grammar. Oxford (Basil Blackwell), 1998.

Jäger & Blutner 2000 — Jäger, G. and Blutner, R. Against lexical decomposition in syntax. In A. Z. Wyner (Ed.), *Proceedings of the Fifteenth Annual Conference, IATL 7*, 113-137. Haifa: University of Haifa. 2000.

Jackendoff 1990 — Jackendoff, R. Semantic Structures. MIT Press. Cambridge, MA. 1990.

Jelinek 1999 — Jelinek, E. Dative and argument hierarchies. Paper presented at the 18th West Coast Conference on Formal Linguistics, University of Arizona. 1999.

Junghanns & Zybatow 1997 — Junghanns, U. & G. Zybatow. Syntax and Information Structure of Russian Clauses. In *Proceedings of FASL 6*: 289-319. 1997.

Kamp & Rossdeutscher 1994 — Kamp, H. & Rossdeutscher, A. DRS-construction and lexically driven inference. In *Theoretical Linguistics 20*:165–235. 1994.

Kayne 1984 — Kayne, R. S. 1984. Unambiguous paths. In *Connectedness and binary branching*, 129 – 164. Dordrecht: Foris. 1984.

Kennedy & McNally 2005 — Kennedy, C. and L. McNally. Scale structure and the semantic typology of gradable predicates. In *Language* 81(2): 345–381. 2005.

Kim 2015 — Kim, L. Asymmetric ditransitive constructions: Evidence from Korean. In *Lingua 165*, 28-69. 2015.

Kratzer 1996 — Kratzer, A. Severing the external argument from its verb. In *Phrase structure and the lexicon*, ed. by J. Rooryck and L. Zaring, 109–137. Dordrecht: Kluwer. 1996.

Kratzer 2000 — Kratzer, A. 2000. Building statives. Paper given at the Berkeley Linguistic Society, February 2000.

Landman 2008 — Landman, F. On the differences between the tense perspective-aspect systems of English and Dutch, In: Rothstein, S. (ed.), *Theoretical and Crosslinguistic Approaches to the Semantics of Aspect*. Benjamins. 2008.

Larson 1988 — Larson, R. On the Double Object Construction. In *Linguistic Inquiry* 19: 33-91. 1988.

Larson 2010 — Larson, R. On Pylkkänen's semantics for low applicatives. In *Linguistic Inquiry 41:* 701-704. 2010.

Lechner 1998 — Lechner, W. Two kinds of reconstruction. In *Studia Linguistica 52.3*: 276–310. 1998.

Lechner et al. 2015 — Lechner W., Spathas G., Alexiadou A., Anagnostopoulou E. On Deriving The Typology Of Repetition And Restitution. Paper presented at GLOW 2015, Paris. April 15-17. 2015.

Levin 1993 — Levin, B. English verb classes and alternations Chicago: University of Chicago. 1993.

Levin 2009 — Levin, B. Dative verbs: A crosslinguistic perspective. In *Lingvisticæ Investigationes 31*, 285-312. 2009.

Levin & Rappaport Hovav 1995 — Levin, B. & Rappaport Hovav, M. R. Unaccusativity. At the Syntax Lexical Semantics Interface. MIT Press. Cambridge, MA. 1995.

Levinson 2004 — Levinson, L. To in two places and the dative alternation. Paper given at the Penn Linguistics Colloquium, February 28, 2004. http://www.ling.upenn.edu/Events/PLC/plc28/handouts/levinson.pdf

Lomashvili 2010 — Lomashvili, L. The morphosyntax of complex predicates in South Caucasian Languages. Ph.D. Dissertation, University of Arizona. 2010.

Marantz 1993 — Marantz, A. Implications of asymmetries in double object constructions. In S. A. Mchmbo (ed.), *Theoretical Aspects of Bantu Grammar*, Vol. 1. Stanford: CSLI Publications. 113–150. 1993.

Marantz 2007 — Marantz, A. Restitutive re- and the first phase syntax/semantics of the VP, Paper presented at the University of Maryland, College Park, 20 April. 2007.

Marchand 1967 — Marchand, H. Expansion, Transposition and Derivation. In *La Linguistique 1*, 13-26. Reprinted in: D. Kastovsky (ed.), *Studies in Syntax and Word-Formation*. Selected Articles by Hans Marchand, München: Wilhelm Fink, 322-337. 1967.

McCawley 1976 — McCawley J. D. Grammar and meaning. New York: Academic Press. 1976 [1964-1971].

McIntyre 2006 — McIntyre, A. The interpretation of German datives and English have. In D. Hole, A. Meinunger and W. Abraham (ed.): *Datives and Other Cases*. Amsterdam: Benjamins., 185-211. 2006.

McIntyre 2011 — McIntyre, A. Silent possessive PPs in English double object (+particle) constructions. Handout online. 2011.

Miyagawa & Tsujioka 2004 — Miyagawa, S. and Tsujioka, T. Argument structure and ditransitive verbs in Japanese. In *Journal of East Asian Linguistics 13*, 1-38. 2004.

Montague 1970 — Montague, R. English as a Formal Language, in B. Visentini et al. (eds), *Linguagginella Societa e nella Tecnica*. Milan: Edizioni di Comunità; reprinted in Montague (1974) 188-221. 1970.

Nash 2016 — Nash, L. What versionizers tell us about the structure of trivalent verbs and dative arguments. Talk at the South Caucasian Chalk Circle, Université de Paris 8-CNRS, SFL, 2016.

Oehrle 1976 — Oehrle, R. The grammatical status of the English dative alternation. Ph.D. dissertation, MIT, Cambridge, Mass. 1976.

Partee 2010 — Partee, B. H. 2010. Formal semantics. In *The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences*, ed. Patrick Colm Hogan, 314-317. Cambridge Cambridge University Press. 2010. https://udrive.oit.umass.edu/partee/Partee_Formal_Semantics_Camb_Encyc.pdf

Patel-Grosz & Beck 2014 —Patel-Grosz P. and S. Beck. Revisiting 'again': The view from Kutchi Gujarati. In *Proceedings of Sinn & Bedeutung 18*. University of the Basque Country, 303-321. 2014.

Pedersen 2015 — Pedersen, W. A scalar analysis of again-ambiguities. In *Journal of Semantics 32*: 373–424. 2015.

Pesetsky 1995 — Pesetsky, D. Zero Syntax: Experiencers and Cascades. Cambridge, MA: The MIT Press. 1995.

Pulman 2005 — Pulman, S.G. Lexical decomposition: For and against. In *Charting a New Course: Natural Language Processing and Information Retrieval*, 155-173. Springer Netherlands. 2005.

Pustejovsky 2006 — Pustejovsky, J. Type theory and lexical decomposition. In *Journal of Cognitive Science 7 (1)*, 39-76. 2006.

Pylkkänen 2008 — Pylkkänen, L. Introducing Arguments. Cambridge, MA: MIT Press. 2008.

Ramchand 2008 — Ramchand, G. Verb meaning and the lexicon: a first-phase syntax. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 2008.

Rapp & von Stechow 1999 — Rapp, I. & Stechow, A. von. Fast ''almost'' and the visibility parameter for functional adverbs. In *Journal of Semantics 16*: 149–204. 1999.

Rappaport Hovav 2008 — Rappaport Hovav, M. Lexicalized meaning and the internal temporal structure of events. In S. Rothstein (ed.), *Theoretical and Crosslinguistic Approaches to the Semantics of Aspect*. John Benjamins, Amsterdam, Netherlands. 2008.

Rappaport Hovav & Levin 2008 — Rappaport Hovav, M. and B. Levin. The English dative alternation: The case for verb sensitivity. In *Journal of linguistics 44*, 129-167. 2008.

Rizzi 1990 — Rizzi, L. Relativized Minimality. Cambridge: MIT Press. 1990.

Rooth 1992 — Rooth, M. A Theory of Focus Interpretation. In *Natural Language Semantics, 1*: 75-116. 1992.

Schäfer 2008 — Schäfer, F. The Syntax of (Anti-)Causatives. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 2008.

Shavrit 1999 — Sharvit, Y. Connectivity in specificational sentences. In *Natural Language Semantics*: 299–339. 1999.

Snyder 2001 — Snyder, W. On the nature of syntactic variation: Evidence from complex predicates and complex word formation. In *Language 77*: 324–342. 2001.

Snyder 2003 — Snyder, K. The relationship between form and function in ditransitive constructions. Philadelphia: University of Pennsylvania Department of Linguistics Ph.D. dissertation. 2003.

Spathas & Michelioudakis 2014 — Spathas, G. & Michelioudakis, D. Greek focus operators and their associates. AMGL 35, Aristotle University of Thessaloniki, Greece. 2014.

Svenonius 2004 — Svenonius, P. Slavic prefixes inside and outside VP, ms. University of Tromsø; to appear in Nordlyd at www.ub.uit.no/munin/nordlyd/. 2004.

Svenonius 2007 — Svenonius, P. Adpositions, particles, and the arguments they introduce. In *Argument Structure*, edited by E. Reuland, T. Bhattacharya, and G. Spathas, 71–110. John Benjamins, Amsterdam. 2007.

Tatevosov 2016 — Tatevosov, S. Re-entering a state: case for obratno. FASL25.

von Stechow 1995 — von Stechow, A. Lexical decomposition in syntax. In U. Egli, P. E. Pause, Ch. Schwarze, A. von Stechow & G. Wienhold (eds), *The Lexicon in the Organization of Language*. John Benjamins. Amsterdam and Philadelphia, 81–118. 1995.

von Stechow 1996 — von Stechow, A. The different readings of wieder "again": A structural account. In *Journal of Semantics 13*: 87-138. 1996.

Wälchli 2006 — Wälchli B. Typology of light and heavy 'again', or the eternal return of the same. In *Studies in language*. 30 (1). 2006.

Wechsler 1990 — Wechsler, S. Accomplishments and the prefix re-. Proceedings of NELS XIX. 1990.

Wechsler 2005 — Wechsler, S. Resultatives under the 'event-argument homomorphism' model of telicity. In N. Erteschik-Shir and T. Rapoport (eds.), *The Syntax of Aspect*. Oxford University Press, Oxford, UK, 255-273. 2005.

Wood & Marantz 2015 — Wood, J. and Marantz, A. The interpretation of external arguments. Ms, New York University. 2015. http://psych.nyu.edu/morphlab/publications/Wood%20&%20Marantz%202015.pdf

Wunderlich 2012 — Wunderlich, D. Lexical decomposition in grammar. In *The Oxford handbook of compositionality*, M. Werning, W. Hinzen, and E. Machery (eds), 307-327. Oxford: Oxford University Press. 2012.

Xu 2016 — Xu, T. Almost Again: On the Semantics and Acquisition of Decomposition Adverbs. PhD diss., UConn. 2016.

Zwarts & Winter 2000 — Zwarts, J. and Y. Winter. Vector Space Semantics: a model-theoretic analysis of locative prepositions. In *Journal of Logic, Language and Information*, *9*: 169–211. 2000.